

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Борис СТРУГАЦКИЙ

ДАЛЕКАЯ РАДУГА

1

Танина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела. Он чувствовал горько-соленый запах пыли, скрипели спросонок степные птицы, и сухая трава колола и щекотала затылок. Лежать было жестко и неудобно, шея чесалась нестерпимо, но он не двигался, слушая тихое, ровное дыхание Тани. Он улыбался и радовался темноте, потому что улыбка была, наверное, до неприличия глупой и довольной.

Потом не к месту и не ко времени в лаборатории на вышке заверещал сигнал вызова. Пусть! Не первый раз. В этот вечер все вызовы не к месту и не ко времени.

- Робик, - шепотом сказала Таня. - Слышишь?

- Совершенно ничего не слышу, - пробормотал Роберт.

Он помигал, чтобы пощекотать Танину ладонь ресницами. Все было далеко-далеко и совершенно не нужно. Патрик, вечно обалделый от недосыпания, был далеко. Маляев со своими манерами ледяного сфинкса был далеко. Весь их мир постоянной спешки, постоянных заумных разговоров, вечного недовольства и озабоченности, весь этот внечувственный мир, где презирают ясное, где радуются только непонятному, где люди забыли, что они мужчины и женщины, - все это было далеко-далеко... Здесь была только ночная степь, на сотни километров одна только пустая степь, поглотившая жаркий день, теплая, полная темных, возбуждающих запахов.

Снова заверещал сигнал.

- Опять, - сказала Таня.

- Пускай. Меня нет. Я помер. Меня съели землеройки. Мне и так хорошо. Я тебя люблю. Никуда не хочу идти. С какой стати? А ты бы пошла?

- Не знаю.

- Это потому, что ты любишь недостаточно. Человек, который любит достаточно, никогда никуда не ходит.

- Теоретик, - сказала Таня.

- Я не теоретик. Я практик. И, как практик, я тебя спрашиваю: с какой стати я вдруг куда-то пойду? Любить надо уметь. А вы не умеете. Вы только рассуждаете о любви. Вы не любите любовь. Вы любите о ней рассуждать. Я много болтаю?

- Да. Ужасно!

Он снял ее руку с глаз и положил себе на губы. Теперь он видел небо, затянутое облаками, и красные опознавательные огоньки на фермах вышки на двадцатиметровой высоте. Сигнал верещал непрерывно, и Роберт представил себе сердитого Патрика, как он нажимает на клавишу вызова, обиженно выпятив добрые толстые губы.

- А вот я тебя сейчас выключу, - сказал Роберт невнятно. - Танек, хочешь, он у меня замолчит навеки? Пусть уж все будет навеки. У нас будет любовь навеки, а он замолчит навеки.

В темноте он видел ее лицо - светлое, с огромными блестящими глазами. Она отняла руку и сказала:

- Давай я с ним поговорю. Я скажу, что я галлюцинация. Ночью всегда бывают галлюцинации.

- У него никогда не бывает галлюцинаций. Такой уж это человек, Танечка. Он никогда себя не обманывает.

- Хочешь, я скажу тебе, какой он? Я очень люблю угадывать характеры по видеофонным звонкам. Он человек упрямый, злой и бестактный. И он ни за какие коврижки не станет сидеть с женщиной ночью в степи. Вот он какой - как на ладони. И про ночь он знает только, что ночью темно.

- Нет, - сказал справедливый Роберт. - Насчет коврижек верно. Но зато он добрый, мягкий и рохля.

- Не верю, - сказала Таня. - Ты только послушай. - Они послушали. -

Разве это рохля? Это явный "tenacem propositi virum" <"Муж, упорный в своих намерениях" (Гораций)>.

- Правда? Я ему скажу.
- Скажи. Пойди и скажи.
- Сейчас?
- Немедленно.

Роберт встал, а она осталась сидеть, обхватив руками колени.

- Только поцелуй меня сначала, - попросила она.

В кабине лифта он прислонился лбом к холодной стене и некоторое время стоял так, с закрытыми глазами, смеясь и трогая языком губы. В голове не было ни единой мысли, только какой-то торжествующий голос бессвязно вопил: "Любит!.. Меня!.. Меня любит!.. Вот вам, вы!.. Меня!.." Потом он обнаружил, что кабина давно остановилась, и попытался открыть дверь. Дверь нашлась не сразу, а в лаборатории оказалось множество лишней мебели: он ронял стулья, сдвигал столы и ударялся о шкафы до тех пор, пока не сообразил, что забыл включить свет. Заливаясь смехом, он нащупал выключатель, поднял кресло и присел к видеофону.

Когда на экране появился сонный Патрик, Роберт приветствовал его по-дружески:

- Добрый вечер, поросенок! И чего это тебе не спится, синичка ты моя, трясогузочка?

Патрик озадаченно глядел на него, часто помаргивая воспаленными веками.

- Что же ты смотришь, песик? Верещал-верещал, оторвал меня от важных занятий, а теперь молчишь!

Патрик, наконец, открыл рот.

- У тебя... ты... - он постучал себя по лбу, и на лице его появилось вопросительное выражение. - А?..

- Еще как! - воскликнул Роберт. - Одиночество! Тоска! Предчувствия! И много того - галлюцинации! Чуть не забыл!

- Ты не шутишь? - серьезно спросил Патрик.
- Нет! На посту не шутят. Но ты не обращай внимания и приступай.

Патрик неуверенно моргал.

- Не понимаю, - признался он.

- Да где уж тебе, - злорадно сказал Роберт. - Это эмоции, Патрик! Знаешь?.. Как бы это тебе попроще, попонятнее?.. Ну, не вполне алгоритмируемые возмущения в сверхсложных логических комплексах. Воспринял?

- Ага, - сказал Патрик. Он поскреб пальцами подбородок, сосредотачиваясь. - Почему я тебе звоню, Роб? Вот в чем дело: опять где-то утечка. Может быть, это и не утечка, но, может быть, утечка. На всякий случай проверь ульмотроны. Какая-то странная сегодня Волна...

Роберт растерянно посмотрел в распахнутое окно. Он совсем забыл про извержение. Оказывается, я сижу здесь ради извержений. Не потому, что здесь Таня, а потому что где-то там - Волна.

- Что ты молчишь? - терпеливо спросил Патрик.
 - Смотрю, как там Волна, - сердито сказал Роберт.
- Патрик вытаращил глаза.
- Ты видишь Волну?
 - Я? С чего ты взял?
 - Ты только что сказал, что смотришь.
 - Да, смотрю!
 - Ну?
 - И все. Что тебе от меня надо?

Глаза у Патрика опять пословели.

- Я тебя не понял, - сказал он. - О чем это мы говорили? Да! Так ты непременно проверь ульмотроны.

- Ты понимаешь, что говоришь? Как я могу проверить ульмотроны?

- Как-нибудь, - сказал Патрик. - Хотя бы подключения... Мы совсем потерялись. Я тебе объясню сейчас. Сегодня в институте послали к Земле массу... впрочем, это ты все знаешь. - Патрик помахал перед лицом растопыренными пальцами. - Мы ждали Волну большой мощности, а регистрируется какой-то жиденький фонтанчик. Понимаешь, в чем соль? Жиденький такой фонтанчик... фонтанчик... - Он придвинулся к своему видеофону вплотную, так что на экране остался только огромный, тусклый от

бессонницы глаз. Глаз часто мигал. - Понял? - оглушительно загремело в репродукторе. - Аппаратура у нас регистрирует квази-нуль поле. Счетчик Юнга дает минимум... можно пренебречь. Поля ульмотронов перекрываются так, что резонирующая поверхность лежит в фокальной гиперплоскости, представляешь? Квази-нуль поле двенадцатикомпонентное, и приемник свертывает его по шести четным компонентам. Так что фокус шестикомпонентный.

Роберт подумал о Тане, как она терпеливо сидит внизу и ждет. Патрик все бубнил, придвигаясь и отодвигаясь, голос его то громыхал, то становился еле слышен, и Роберт, как всегда, очень скоро потерял нить его рассуждений. Он кивал, он картинно морщил лоб, подымал и опускал брови, но он решительно ничего не понимал и с невыносимым стыдом думал, что Таня сидит там, внизу, уткнув подбородок в колени, и ждет, пока он закончит свой важный и непостижимый для непосвященных разговор с ведущими нуль-физиками планеты, пока он не выскажет ведущим нуль-физикам свою, совершенно оригинальную точку зрения по вопросу, из-за которого его беспокоят так поздно ночью, и пока ведущие нуль-физики, удивляясь и покачивая головами, не занесут эту точку зрения в свои блокноты.

Тут Патрик замолчал и поглядел на него со странным выражением. Роберт хорошо знал это выражение, оно преследовало его всю жизнь. Разные люди - и мужчины и женщины - смотрели на него так. Сначала смотрели равнодушно или ласково, затем выжидающе, потом с любопытством, но рано или поздно наступал момент, когда на него начинали смотреть вот _т_а_к. И каждый раз он не знал, что ему делать, что говорить и как держать себя. И как жить дальше.

Он рискнул.

- Пожалуй, ты прав, - озабоченно заявил он. - Однако все это следует тщательно продумать.

Патрик опустил глаза.

- Продумай, - сказал он, неловко улыбаясь. - И не забудь, пожалуйста, проверить ульмотроны.

Экран погас, и наступила тишина. Роберт сидел сгорбившись, вцепившись обеими руками в холодные шероховатые подлокотники. Кто-то когда-то сказал, что дурак, понимающий, что он дурак, уже тем самым не дурак. Может быть, когда-нибудь так оно и было. Но сказанная глупость - всегда глупость, а я никак по-другому не могу. Я очень интересный человек: все, что я говорю, старо, все, о чем я думаю, банально, все, что мне удалось сделать, сделано в позапрошлом веке. Я не просто дубина, я дубина редкостная, музейная, как гетманская булава. Он вспомнил, как старый Ничепоренко поглядел однажды с задумчивостью в его, Роберта, преданные глаза и промолвил: "Милый Скларов, вы сложены как античный бог. И, как всякий бог, простите меня, вы совершенно не совместимы с наукой..."

Что-то треснуло. Роберт перевел дух и с изумлением уставился на обломок подлокотника, зажатый в белом кулаке.

- Да, - сказал он вслух. - Это я могу. Патрик не может. Ничепоренко тоже не может. Один я могу.

Он положил обломок на стол, встал и подошел к окну. За окном было темно и жарко. Может быть, мне уйти, пока не выгнали? Да, только как я буду без них? И без этого удивительного чувства по утрам, что, может быть, сегодня лопнет, наконец, эта невидимая и непроницаемая оболочка в мозгу, из-за которой я не такой, как они, и я тоже начну понимать их с полуслова и вдруг увижу в каше логико-математических символов нечто совершенно новое, и Патрик похлопает меня по плечу и скажет радостно: "Эт-то здорово! Как это ты?", а Маляев нехотя выдавит: "Умело, умело... Не лежит на поверхности..." И я начну уважать себя.

- Урод, - пробормотал он.

Надо было проверять ульмотроны, а Таня пусть посидит и посмотрит, как это делается. Хорошо еще, что она не видела моей физиономии, когда погас экран.

- Танюша, - позвал он в окно.

- Ау?

- Танек, ты знаешь, что в прошлом году Роджер ваял с меня "Юность Мира"?

Таня, помолчав, негромко сказала:

- Подожди, я поднимусь к тебе.

Роберт знал, что ульмотроны в порядке, он это чувствовал. Но все же он решил проверить все, что можно было проверить в лабораторных условиях, во-первых, для того, чтобы отдышаться после разговора с Патриком, а во-вторых, потому, что он умел и любил работать руками. Это всегда развлекало его и на какое-то время давало ему то радостное ощущение собственной значительности и полезности, без которого совершенно невозможно жить в наше время.

Таня - милый, деликатный человек - сначала молча сидела поодаль, а потом так же молча принялась помогать ему. В три часа ночи снова позвонил Патрик, и Роберт сказал ему, что никакой утечки нет. Патрик был обескуражен. Некоторое время он сопел перед экраном, подсчитывая что-то на клочке бумаги, потом скатал бумагу в трубочку и по обыкновению задал риторический вопрос. "И что мы по этому поводу должны думать, Роб?" - спросил он.

Роберт покосился на Таню, которая только что вышла из душевой и тихонько присела сбоку от видеофона, и осторожно ответил, что вообще не видит в этом ничего особенного. "Обычный очередной фонтан, - сказал он. - После вчерашней нуль-транспортировки был такой. И на той неделе такой же". Затем он подумал и добавил, что мощность фонтана соответствует примерно ста граммам транспортированной массы. Патрик все молчал, и Роберту показалось, что он колеблется. "Все дело в массе, - сказал Роберт. Он посмотрел на счетчик Юнга и совсем уже уверенно повторил: - Да, сто - сто пятьдесят граммов. Сколько сегодня запустили?.." - "Двадцать килограммов", - ответил Патрик. "Ах, двадцать кило... Да, тогда не получается. - И тут Роберта осенило: - А по какой формуле вы подсчитывали мощность?" - спросил он. "По Драмбе", - безразлично ответил Патрик. Роберт так и подумал: формула Драмбы оценивала мощность с точностью до порядка, а у Роберта давно уже была припасена собственная, тщательно выверенная и выписанная и даже обведенная цветной рамочкой универсальная формула оценки мощности извержения вырожденной материи. И сейчас, кажется, наступил самый подходящий момент, чтобы продемонстрировать Патрику все ее преимущества.

Роберт уже взялся было за карандаш, но тут Патрик вдруг уплыл с экрана. Роберт ждал, закусив губу. Кто-то спросил: "Ты собираешься выключать?" Патрик не отзывался. К экрану подошел Карл Гофман, рассеянно-ласково кивнул Роберту и позвал в сторону: "Патрик, ты еще будешь говорить?" Голос Патрика пробубнил издали: "Ничего не понимаю. Придется этим заняться обстоятельно". - "Я спрашиваю, ты разговаривать будешь еще?" - повторил Гофман. "Да нет же, нет..." - раздраженно откликнулся Патрик. Тогда Гофман, виновато улыбаясь, сказал: "Прости, Роба, мы здесь спать укладываемся. Я выключу, а?"

Стиснув зубы так, что затрещало за ушами, Роберт нарочито медленным движением положил перед собой лист бумаги, несколько раз подряд написал заветную формулу, пожал плечами и бодро сказал:

- Я так и думал. Все ясно. Теперь будем пить кофе.

Он был отвратителен себе до последней степени и сидел перед шкафчиком с посудой до тех пор, пока снова не почувствовал себя в состоянии владеть лицом. Таня сказала:

- Кофе свари ты, ладно?

- Почему я?

- Ты вари, а я посмотрю.

- Что это ты?

- Люблю смотреть, как ты работаешь. Ты очень с о в е р ш е н н о работаешь. Ты не делаешь ни одного лишнего движения.

- Как кибер, - сказал он, но ему было приятно.

- Нет. Не как кибер. Ты работаешь совершенно. А совершенное всегда радуется.

- "Юность Мира", - пробормотал он. Он был красен от удовольствия.

Он расставил чашки и подкатил столик к окну. Они сели, и он разлил кофе. Таня сидела боком к нему, положив ногу на ногу. Она была замечательно красива, и его опять охватили какое-то щенячье изумление и растерянность.

- Таня, - сказал он. - Этого не может быть. Ты галлюцинация.

Она улыбалась.

- Можешь смеяться, сколько угодно. Я и без тебя знаю, что у меня сейчас жалкий вид. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется сунуть голову тебе под мышку и вертеть хвостом. И чтобы ты похлопала меня по спине и сказала: "Фу, глупый, фу!.."

- Фу, глупый, фу! - сказала Таня.

- А по спине?

- А по спине потом. И голову под мышку потом.

- Хорошо, потом. А сейчас? Хочешь, я сделаю себе ошейник? Или намордник...

- Не надо намордник, - сказала Таня. - Зачем ты мне в наморднике?

- А зачем я тебе без намордника?

- Без намордника ты мне нравишься.

- Слуховая галлюцинация, - сказал Роберт. - Чем это я могу тебе нравиться?

- У тебя ноги красивые.

Ноги были слабым местом Роберта. У него они были мощные, но слишком толстые. Ноги "Юности Мира" были изваяны с Карла Готмана.

- Я так и думал, - сказал Роберт. Он залпом выпил остывший кофе. - Тогда я скажу, за что я люблю тебя. Я эгоист. Может быть, я последний эгоист на Земле. Я люблю тебя за то, что ты единственный человек, способный привести меня в хорошее настроение.

- Это моя специальность, - сказала Таня.

- Замечательная специальность! Плохо только, что от тебя приходят в хорошее настроение и стар и млад. Особенно млад. Какие-то совершенно посторонние люди. С нормальными ногами.

- Спасибо, Роби.

- В последний раз в Детском я заметил одного малька. Зовут его Валя... или Варя... Этаким белобрысый, конопатый, с зелеными глазами.

- Мальчик Варя, - сказала Таня.

- Не придирайся. Я обвиняю. Этот Варя своими зелеными глазами смел на тебя смотреть так, что у меня руки чесались.

- Ревность оголтелого эгоиста.

- Конечно, ревность.

- А теперь представь, как ревнует он.

- Что-о?

- И представь, какими глазами он смотрел на тебя. На двухметровую "Юность Мира". Атлет, красавец, физик-нулевик несет воспитательницу на плече, а воспитательница тает от любви...

Роберт счастливо засмеялся.

- Танюша, как же так? Мы же были тогда одни!

- Это вы были одни. Мы в Детском никогда не бываем одни.

- Да-а... - протянул Роберт. - Помню я эти времена, помню. Хорошенькие воспитательницы и мы, пятнадцатилетние балбесы... Я до того доходил, что бросал цветы в окно. Слушай, и часто это бывает?

- Очень, - задумчиво сказала Таня. - Особенно часто с девочками. Они развиваются раньше. А воспитатели у нас, знаешь, какие? Звездолетчики, герои... Это пока тупик в нашем деле.

Тупик, подумал Роберт. И она, конечно, очень рада этому тупику. Все они радуются тупикам. Для них это отличный предлог, чтобы ломать стены. Так и ломают всю жизнь одну стену за другой.

- Таня, - сказал он. - Что такое дурак?

- Ругательство, - ответила Таня.

- А еще что?

- Больной, которому не помогают никакие лекарства.

- Это не дурак, - возразил Роберт. - Это симулянт.

- Я не виновата. Эта японская пословица: "Нет лекарства, которое излечивает дурака".

- Ага, - сказал Роберт. - Значит, влюбленный тоже дурак. "Влюбленный болен, он неизлечим". Ты меня утешила.

- А разве ты влюблен?

- Я неизлечим.

Тучи разошлись и открыли звездное небо. Близились утро.

- Смотри, вон Солнце, - сказала Таня.

- Где? - спросил Роберт без особого энтузиазма.

Таня выключила свет, села к нему на колени и, прижавшись щекой к его

щеке, стала показывать.

- Вот четыре яркие звезды - видишь? Это Коса Красавицы. Левее самой верхней сла-абенькая звездочка. Это наше Солнце...

Роберт поднял ее на руки, встал, осторожно обогнул столик и только тогда в зеленоватом сумеречном свете приборов увидел длинную человеческую фигуру в кресле перед рабочим столом. Он вздрогнул и остановился.

- Я думаю, теперь можно включить свет, - сказал человек, и Роберт сразу понял, кто это.

- И появился третий, - сказала Таня. - Пусти-ка меня, Роб.

Она высвободилась и нагнулась, ища упавшую туфлю.

- Знаете что, Камилл, - раздраженно начал Роберт.

- Знаю, - сказал Камилл.

- Чудеса, - проговорила Таня, надевая туфлю. - Никогда не поверю, что у нас плотность населения один человек на миллион квадратных километров. Хотите кофе?

- Нет, благодарю вас, - сказал Камилл.

Роберт включил свет. Камилл, как всегда, сидел в очень неудобной, удивительно неприятной для глаз позе. Как всегда, на нем была белая пластмассовая каска, закрывающая лоб и уши, и, как всегда, лицо его выражало снисходительную скуку, и ни любопытства, ни смущения не было в его круглых немигающих глазах. Роберт, жмурясь от света, спросил:

- Вы хоть недавно здесь?

- Недавно. Но я не смотрел на вас и не слушал, что вы говорите.

- Спасибо, Камилл, - весело сказала Таня. Она причесывалась. - Вы очень тактичны.

- Бестактны только бездельники, - сказал Камилл.

Роберт разозлился.

- Между прочим, Камилл, что вам здесь надо? И что это за надоевшая манера появляться как привидение?

- Отвечать по порядку, - спокойно произнес Камилл. Это тоже была его манера - отвечать по порядку. - Я приехал сюда потому, что начинается извержение. Вы отлично знаете, Роби, - он даже глаза закрыл от скуки, - что я приезжаю сюда каждый раз, когда перед фронтом вашего поста начинается извержение. Кроме того... - Он открыл глаза и некоторое время молча смотрел на приборы. - Кроме того, вы мне симпатичны, Роби.

Роберт покосился на Таню. Таня слушала очень внимательно, замерев с поднятой расческой.

- Что касается моих манер, - продолжал Камилл монотонно, - то они странны. Манеры любого человека странны. Естественными кажутся только собственные манеры.

- Камилл, - сказала Таня неожиданно. - А сколько будет шестьсот восемьдесят пять умножить на три миллиона восемьсот тысяч пятьдесят три?

К своему огромному изумлению, Роберт увидел, как на лице Камилла проступило нечто похожее на улыбку. Зрелище было жутковатое. Так мог бы улыбаться счетчик Юнга.

- Много, - ответил Камилл. - Что-то около трех миллиардов.

- Странно, - вздохнула Таня.

- Что "странно"? - тупо спросил Роберт.

- Точность маленькая, - объяснила Таня. - Камилл, скажите, почему бы вам не выпить чашку кофе?

- Благодарю вас, я не люблю кофе.

- Тогда до свидания. До Детского лететь четыре часа. Робик, ты меня проводишь вниз?

Роберт кивнул и с досадой посмотрел на Камилла. Камилл разглядывал счетчик Юнга. Словно в зеркало гляделся.

Как обычно на Радуге, солнце взошло на совершенно чистое небо - маленькое белое солнце, окруженное тройным галосом. Ночной ветер утих, и стало еще более душно. Желто-коричневая степь с проплешинами солончаков казалась мертвой. Над солончаками возникли зыбкие туманные холмики - пары летучих солей.

Роберт закрыл окно и включил кондиционирование, затем не торопясь и со вкусом починил подлокотник. Камилл мягко и бесшумно расхаживал по лаборатории, поглядывая в окно, выходившее на север. Видимо, ему совсем не

было жарко, а Роберту жарко было даже смотреть на него - на его толстую белую куртку, на длинные белые брюки, на круглую блестящую каску. Такие каски надевали иногда во время экспериментов нуль-физики: она предохраняла от излучений.

Впереди был целый день дежурства, двенадцать часов палящего солнца над крышей, пока не рассосутся извержения и не исчезнут все последствия вчерашнего эксперимента. Роберт сбросил куртку и брюки и остался в одних трусах. Кондиционирование работало на пределе, и ничего нельзя было сделать.

Хорошо бы плеснуть на пол жидкого воздуха. Жидкий воздух есть, но его мало, и он нужен для генератора. Придется пострадать, подумал Роберт покорно. Он снова уселся перед приборами. Как славно, что хотя бы в кресле прохладно и обшивка совсем не липнет к телу!

В конце концов говорят, что главное - это быть на своем месте. Мое место здесь. И я не хуже других выполняю свои маленькие обязанности. И в конце концов не моя вина, что я не способен на большее. И между прочим, дело даже не в том, на месте я или нет. Просто я не могу уйти отсюда, если бы даже и захотел. Я просто прикован к этим людям, которые так меня раздражают, и к этой грандиозной затее, в которой я так мало понимаю.

Он вспомнил, как еще в школе поразила его эта задача: мгновенная переброска материальных тел через пропасти пространства. Эта задача была поставлена вопреки всему, вопреки всем сложившимся представлениям об абсолютном пространстве, о пространстве-времени, о каппа-пространстве... Тогда это называли "проколом Римановой складки". Потом "гиперпросачиванием", "сигма-просачиванием", "нуль-сверткой". И, наконец, нуль-транспортировкой или, коротко, "нуль-Т". "Нуль-Т-установка". "Нуль-Т-проблематика". "Нуль-Т-испытатель". Нуль-физик. "Где вы работаете?" - "Я нуль-физик". Изумленно-восхищенный взгляд. "Слушайте, расскажите, пожалуйста, что это такое - нуль-физика? Я никак не могу понять". - "Я тоже". Н-да...

В общем-то кое-что рассказать было бы можно. И об этой поразительной метаморфозе элементарных законов сохранения, когда нуль-переброска маленького платинового кубика на экваторе Радуги вызывает на полюсах ее - почему-то именно на полюсах! - гигантские фонтаны вырожденной материи, огненные гейзеры, от которых слепнут, и страшную черную Волну, смертельно опасную для всего живого...

И о свирепых, пугающих своей непримиримостью схватках в среде самих нуль-физиков, об этом непостижимом расколе среди замечательных людей, которым, казалось бы, работать и работать плечом к плечу, но они таки раскололись (хотя знают об этом немногие), и если Этьен Ламондуа упрямо ведет нуль-физику в русле нуль-транспортировки, то школа молодых считает самым важным в нуль-проблеме Волну, этого нового джинна науки, рвущегося из бутылки.

И о том, что по неясным причинам до сих пор никак не удастся осуществить нуль-транспортировку живой материи, и несчастные собаки, вечные мученицы, прибывают на финиш комьями органического шлака... И о нуль-перелетчиках, об этой "ревущей десятке" во главе с великолепным Габой, об этих здоровых, сверхтренированных ребятах, которые вот уже три года слоняются по Радуге в постоянной готовности войти в стартовую камеру вместо собаки...

- Скоро мы расстанемся, Роби, - сказал вдруг Камилл.

Задремавший было Роберт встрепенулся. Камилл стоял спиной к нему у северного окна. Роберт выпрямился и провел рукой по лицу. Ладонь стала мокрой.

- Почему? - спросил он.

- Наука. Как это безнадежно, Роби!

- Я это давно знаю, - проворчал Роберт.

- Для вас наука - это лабиринт. Тупики, темные закоулки, внезапные повороты. Вы ничего не видите, кроме стен. И вы ничего не знаете о конечной цели. Вы заявили, что ваша цель - дойти до конца бесконечности, то есть вы попросту заявили, что цели нет. Мера вашего успеха не путь до финиша, а путь от старта. Ваше счастье, что вы не способны реализовать абстракции. Цель, вечность, бесконечность - это только лишь слова для вас. Абстрактные философские категории. В вашей повседневной жизни они ничего не значат. А вот если бы вы увидели весь этот лабиринт сверху...

Камилл замолчал. Роберт подождал и спросил:

- А вы видели?

Камилл не ответил, и Роберт решил не настаивать. Он вздохнул, положил подбородок на кулаки и закрыл глаза. Человек говорит и действует, думал он. И все это внешние проявления каких-то процессов в глубине его натуры. У большинства людей натура довольно мелкая, и поэтому любые ее движения немедленно проявляются внешне, как правило в виде пустой болтовни и бессмысленного размахивания руками. А у таких людей, как Камилл, эти процессы должны быть очень мощными, иначе они не пробьются к поверхности. Заглянуть бы в него хоть одним глазком. Роберту представилась зияющая бездна, в глубине которой стремительно проносятся бесформенные фосфоресцирующие тени.

Его никто не любит. Его все знают - нет на Радуге человека, который не знал бы Камилла, - но его никто-никто не любит. В таком одиночестве я бы сошел с ума, а Камилла это кажется, совершенно не интересует. Он всегда один. Неизвестно, где он живет. Он внезапно появляется и внезапно исчезает. Его белый колпак видят то в Столице, то в открытом море; и есть люди, которые утверждают, что его неоднократно видели одновременно и там и там. Это, разумеется, местный фольклор, но вообще все, что говорят о Камилле, звучит странным анекдотом. У него странная манера говорить "я" и "вы". Никто никогда не видел, как он работает, но время от времени он является в Совет и говорит там непонятные вещи. Иногда его удается понять, и в таких случаях никто не может возразить ему. Ламондуа как-то сказал, что с рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда. Вообще впечатление такое, будто все физики на планете от Этьена Ламондуа до Роберта Склярова пребывают на одном уровне...

Роберт почувствовал, что еще немного, и он сварится в собственном поту. Он поднялся и отправился под душ. Он стоял под ледяными струями, пока кожа от холода не покрылась пупырышками и не пропало желание забраться в холодильник и заснуть.

Когда он вернулся в лабораторию, Камилл разговаривал с Патриком. Патрик морщил лоб, растерянно шевелил губами и смотрел на Камилла жалобно и заискивающе. Камилл скучно и терпеливо говорил:

- Постарайтесь учесть все три фактора. Все три фактора сразу. Здесь не нужна никакая теория, только немного пространственного воображения. Нуль-фактор в подпространстве и в обеих временных координатах. Не можете?

Патрик медленно помотал головой. Он был жалок. Камилл подождал минуту, затем пожал плечами и выключил видеофон. Роберт, растираясь грубым полотенцем, сказал решительно:

- Зачем же так, Камилл? Это же грубо. Это оскорбляет.

Камилл снова пожал плечами. Это получилось у него так, будто голова его, придавленная каской, ныряла куда-то в грудь и снова выскакивала наружу.

- Оскорбляет? - сказал он. - А почему бы и нет?

Ответить на это было нечего. Роберт инстинктивно чувствовал, что спорить с Камиллом на моральные темы бесполезно. Камилл просто не поймет, о чем идет речь.

Он повесил полотенце и стал готовить завтрак. Они молча поели. Камилл удовольствовался кусочком хлеба с джемом и стаканом молока. Камилл всегда очень мало ел. Потом он сказал:

- Роби, вы не знаете, они отправили "Стрелу"?

- Позавчера, - сказал Роберт.

- Позавчера... Это плохо.

- А зачем вам "Стрела", Камилл?

Камилл сказал равнодушно:

- Мне "Стрела" не нужна.

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Он вылез из машины и сказал:

- Очень хочется прогуляться.

- Пойдемте, - сказал Марк Валькенштейн и тоже вылез.

На прямом блестящем шоссе было пусто, вокруг желтела и зеленела степь, а впереди сквозь сочную зелень земной растительности проглядывали разноцветными пятнами стены городских зданий.

- Слишком жарко, - возразил Перси Диксон. - Нагрузка на сердце.

Горбовский сорвал у обочины и поднес к лицу цветочек.

- Люблю, когда жарко, - сказал он. - Пойдемте с нами, Перси. Вы совсем обрюзгли.

Перси захлопнул дверцу.

- Как хотите. Если говорить честно, я ужасно устал от вас обоих за последние двадцать лет. Я старый человек, и мне хочется немножко отдохнуть от ваших парадоксов. И будьте любезны, не подходите ко мне на пляже.

- Перси, - сказал Горбовский, - поезжайте лучше в Детское. Я, правда, не знаю, где это, но там детишки, наивный смех, простота нравов... "Дядя! - закричат они. - Давай играть в мамонта!"

- Только берегите бороду, - добавил Марк, осклабясь. - Они на ней повиснут.

Перси что-то буркнул себе под нос и умчался. Марк и Горбовский перешли на тропинку и неторопливо двинулись вдоль шоссе.

- Старееет бородач, - сказал Марк. - Вот и мы ему уже надоели.

- Да ну что вы, Марк, - сказал Горбовский. Он вытащил из кармана проигрыватель. - Ничего мы ему не надоели. Просто он устал. И потом он разочарован. Шутка сказать - человек потратил на нас двадцать лет: уж так ему хотелось узнать, как влияет на нас космос. А он почему-то не влияет... Я хочу Африку. Где моя Африка? Почему у меня всегда все записи перепутаны?

Он брел по тропинке следом за Марком, с цветком в зубах, настраивая проигрыватель и поминутно спотыкаясь. Потом он нашел Африку, и желто-зеленая степь огласилась звуками тамтама. Марк поглядел через плечо.

- Выплюньте эту дрянь, - сказал он брезгливо.

- Почему же дрянь? Цветочек.

Тамтам гремел.

- Сделайте хотя бы потише, - сказал Марк.

Горбовский сделал потише.

- Еще тише, пожалуйста.

Горбовский сделал вид, что делает тише.

- Вот так? - спросил он.

- Не понимаю, почему я его до сих пор не испортил? - сказал Марк в пространство.

Горбовский поспешно сделал совсем тихо и положил проигрыватель в нагрудный карман.

Они шли мимо веселых разноцветных домиков, обсаженных сиренью, с одинаковыми решетчатыми конусами энергоприемников на крышах. Через тропинку, крадучись, прошла рыжая кошка. "Кис-кис-кис!" - обрадованно позвал Горбовский. Кошка опрометью кинулась в густую траву и оттуда поглядела дикими глазами. В знойном воздухе лениво гудели пчелы. Откуда-то доносился густой рыкающий храп.

- Ну и деревня, - сказал Марк. - Столица. Спят до девяти...

- Ну зачем вы так, Марк, - возразил Горбовский. - Я, например, нахожу, что здесь очень мило. Пчелки... Киска вон давеча пробежала... Что вам еще нужно? Хотите, я громче сделаю?

- Не хочу, - сказал Марк. - Не люблю я таких ленивых поселков. В ленивых поселках живут ленивые люди.

- Знаю я вас, знаю, - сказал Горбовский. - Вам бы все борьбу, чтобы никто ни с кем не соглашался, чтобы сверкали идеи, и драку бы неплохо, но это уже в идеале... Стойте, стойте! Тут что-то вроде крапивы. Красивая, и очень больно...

Он присел перед пышным кустом с крупными чернополосыми листьями. Марк сказал с досадой:

- Ну что вы тут расселись, Леонид Андреевич? Крапивы не видели?

- Никогда в жизни не видел. Но я читал. И знаете, Марк, давайте я спишу вас с корабля... Вы как-то испортились, избаловались. Разучились радоваться простой жизни.

- Я не знаю, что такое простая жизнь, - сказал Марк, - но все эти цветочки-крапивки, все эти стежки-дорожки и разнообразные тропиночки - это, по-моему, Леонид Андреевич, только разлагает. В мире еще достаточно неустройства, рано еще перед всей этой буколичкой ахать.

- Неустройства - да, есть, - согласился Горбовский. - Только они ведь всегда были и всегда будут. Какая же это жизнь без неустройства? А в общем-то все очень хорошо. Вот слышите, поет кто-то... Невзирая ни на какие неустройства...

Навстречу им по шоссе вынесся гигантский грузовой атомокар. На ящиках в кузове сидели здоровенные полуголые парни. Один из них, самозабвенно изогнувшись, бешено бил рукой по струнам банджо, и все дружно ревели:

Мне нужна жена - лучше или хуже,
Лишь бы была женщиной - женщиной без мужа...

Атомокар промчался мимо, и волна горячего воздуха на секунду пригнула траву. Горбовский сказал:

- Вот это должно нравиться, Марк. В девять часов люди уже на ногах и работают. А песня вам понравилась?

- Это тоже не то, - упрямо сказал Марк.

Тропинка свернула в сторону, огибая огромный бетонированный бассейн с темной водой. Они пошли через заросли высокой, по грудь, желтоватой травы. Стало прохладнее - сверху нависла густая листва черных акаций.

- Марк, - сказал Горбовский шепотом. - Девушка идет!

Марк остановился как вкопанный. Из травы вынырнула высокая полная брюнетка в белых шортах и в коротенькой белой курточке с оторванными пуговицами. Брюнетка с заметным напряжением тянула за собой тяжелый кабель.

- Здравствуйте! - сказали хором Горбовский и Марк.

Брюнетка вздрогнула и остановилась. На лице ее изобразился испуг. Горбовский и Марк переглянулись.

- Здравствуйте, девушка! - рявкнул Марк.

Брюнетка выпустила кабель из рук и понурилась.

- Здравствуйте, - прошептала она.

- У меня такое ощущение, Марк, - сказал Горбовский, - что мы помешали.

- Может быть, вам помочь? - галантно спросил Марк.

Девушка смотрела на него исподлобья.

- Змеи, - сказала вдруг она.

- Где? - воскликнул Горбовский с ужасом и поднял одну ногу.

- Вообще змеи, - пояснила девушка. Она оглядела Горбовского. - Видели сегодня восход? - вкрадчиво осведомилась она.

- Мы сегодня видели четыре восхода, - небрежно сказал Марк.

Девушка прищурилась и точно рассчитанным движением поправила волосы. Марк сейчас же представился:

- Валькенштейн. Марк.

- Д-звездолетчик, - добавил Горбовский.

- Ах, Д-звездолетчик, - сказала девушка со странной интонацией. Она подняла кабель, подмигнула Марку и скрылась в траве. Кабель зашуршал по тропинке. Горбовский посмотрел на Марка. Марк смотрел вслед девушке.

- Идите, Марк, идите, - сказал Горбовский. - Это будет вполне логично. Кабель тяжеленный, девушка слабая, красивая, а вы здоровенный звездолетчик.

Марк задумчиво наступил на кабель. Кабель задергался, и из травы донеслось:

- Вытравливай, Семен, вытравливай!..

Марк поспешно убрал ногу. Они пошли дальше.

- Странная девушка, - сказал Горбовский. - Но мила! Кстати, Марк, почему вы все-таки не женились?

- На ком? - спросил Марк.

- Ну-ну, Марк. Не надо так. Это же все знают. Очень славная и милая женщина. Тонкая очень и деликатная. Я всегда считал, что вы для нее несколько грубоваты. Но она, кажется, так не считала...

- Да так, не женился, - сказал Марк неохотно. - Не получилось.

Тропинка снова вывела их к шоссе. Теперь слева тянулись какие то длинные белые цистерны, а впереди блестел на солнце серебристый шпиль над зданием Совета. Вокруг по-прежнему было пусто.

- Она слишком любила музыку, - сказал Марк. - Нельзя же в каждый полет брать с собой хориолу. Хватит с нас и вашего проигрывателя. Перси

терпеть не может музыки.

- В каждый полет, - повторил Горбовский. - Все дело в том, Марк, что мы слишком стары. Двадцать лет назад мы не стали бы взвешивать, что ценнее - любовь или дружба. А теперь уже поздно. Теперь мы уже обречены. Впрочем, не теряйте надежды, Марк. Может быть, мы еще встретим женщин, которые станут для нас дорожкой всего остального.

- Только не Перси, - сказал Марк. - Он даже не дружит ни с кем, кроме нас с вами. А влюбленный Перси...

Горбовский представил себе влюбленного Перси Диксона.

- Перси был бы отличный отец, - неуверенно предположил он.

Марк поморщился.

- Это было бы нечестно. А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку - хороший друг. А женщине - любимый человек. И вообще поговорим лучше о стежках-дорожках.

Площадь перед зданием Совета была пуста, только у подъезда стоял большой неуклюжий автобус.

- Мне бы хотелось повидаться с Матвеем, - сказал Горбовский. - Пойдемте со мной, Марк.

- Кто это - Матвей?

- Я вас знакомлю. Матвей Вязаницын. Матвей Сергеевич. Он здешний директор. Старый мой приятель, звездолетчик. Еще из десантников. Да вы его должны помнить, Марк. Хотя нет, это было до.

- Ну что ж, - сказал Марк. - Пойдемте. Визит вежливости. Только выключите ваш звонок. Неудобно все-таки - Совет.

Директор им очень обрадовался.

- Великолепно! - басил он, усаживая их в кресла. - Это великолепно, что вы прилетели! Молодчина, Леонид! Ах, какой молодец! Валькенштейн? Марк? Ну как же, как же!.. Однако почему вы не лысый? Леонид определенно говорил мне, что вы лысый... Ах да, это он о Диксоне! Правда, Диксон прославлен бородой, но это ничего не значит - я знаю массу бородатых лысых людей! Впрочем, вздор, вздор! Жарко у нас, вы заметили? Леонид, ты плохо питаешься, у тебя лицо дистрофика! Обедаем вместе... А пока позвольте предложить вам напитки. Вот апельсиновый сок, вот томатный, вот гранатовый... Наши собственные! Да! Вино! Свое вино на Радуге, ты представляешь, Леонид? Ну как? Странно, мне нравится... Марк, а вы? Ну, никогда бы не подумал, что вы не пьете вина! Ах, вы не пьете местных вин? Леонид, у меня к тебе тысяча вопросов... Я не знаю, с чего начать, а через минуту я буду уже не человек, а взбесившийся администратор. Вы никогда не видели взбесившегося администратора? Сейчас увидите. Я буду судить, карать, распределять блага! Я буду властвовать, предварительно разделив! Теперь я представляю, как плохо жилось королям и всяким там императорам-диктаторам! Слушайте, друзья, вы только, пожалуйста, не уходите! Я буду гореть на работе, а вы сидите и сочувствуйте. Мне здесь никто не сочувствует... Ведь вам хорошо здесь, правда? Окно я отворю, пусть ветерок... Леонид, ты представить себе не можешь... Марк, вы можете отодвинуться в тень. Так вот, Леонид, ты понимаешь, что здесь происходит? Радуга взбесилась, и это тянется уже второй год.

Он рухнул в застонавшее кресло перед диспетчерским пультом - огромный, дочерна загорелый, косматый, с торчащими вперед, как у кота, усами, - распахнул до самого живота ворот сорочки и с удовольствием посмотрел через плечо на звездолетчиков, прилежно сосавших через соломинки ледяные соки. Усы его задвигались, и он раскрыл было рот, но тут на одном из шести экранов пульта появилась миловидная худенькая женщина с обиженными глазами.

- Товарищ директор, - сказала она очень серьезно. - Я Хаггертон, вы меня, возможно, не помните. Я обращалась к вам по поводу лучевого барьера на Алебастровой горе. Физики отказываются снимать барьер.

- Как так отказываются?

- Я говорила с Родригосом - он, кажется, там главный нулевик? Он заявил, что вы не имеете права вмешиваться в их работу.

- Они морочат вам голову, Элен! - сказал Матвей. - Родригос такой же главный нулевик, как я ромашка-одуванчик. Он сервомеханик и в нуль-проблемах понимает меньше вас. Я займусь им сейчас же.

- Пожалуйста, мы вас очень просим...

Директор, мотая головой, щелкнул переключателями.

- Алебастровая! - гаркнул он. - Дайте Пагаву!

- Слушаю, Матвей.

- Шота? Здравствуй, дорогой! Почему не снимаешь барьер?

- Снял барьер. Почему не снимаю?

- Ага, хорошо. Передай Родригосу, чтобы перестал морочить людям голову, а то я его вызову к себе! Передай, что я его хорошо помню. Как ваша Волна?

- Понимаешь... - Шота помолчал. - Интересная Волна. Так долго рассказывать, потом расскажу.

- Ну, желаю удачи! - Матвей, перевалившись через подлокотник, повернулся к звездолетчикам. - Вот кстати, Леонид! - вскричал он. - Вот кстати! Что у вас говорят о Волне?

- Где у нас? - хладнокровно спросил Горбовский и пососал через соломинку. - На "Таризле"?

- Ну вот что ты думаешь о Волне?

Горбовский подумал.

- Ничего не думаю, - сказал он. - Может быть, Марк? - Он неуверенно посмотрел на штурмана.

Марк сидел очень прямо и официально, держа бокал в руке.

- Если не ошибаюсь, - сказал он, - Волна - это некий процесс, связанный с нуль-транспортировкой. Я знаю об этом немного. Нуль-транспортировка, конечно, интересует меня, как и всякого звездолетчика, - он слегка поклонился директору, - но на Земле нуль-проблематике не придают особого значения. По-моему, для земных дискретников это слишком частная проблема, имеющая явно прикладное значение.

Директор желчно хохотнул.

- Как это тебе нравится, Леонид? - сказал он. - Частная проблема! Да, видно, слишком далека от вас наша Радуга, и все, что у нас происходит, кажется вам слишком маленьким. Дорогой Марк, эта самая частная проблема битком набивает всю мою жизнь, а ведь я даже не нулевик! Я изнемогаю, друзья! Позавчера я вот в этом самом кабинете собственноручно разнимал Ламонду и Аристотеля, и теперь я смотрю на свои руки, - он вытянул перед собой мощные загорелые длани, - и, честное слово, я удивляюсь, как это на них нет укусов и царапин. А под окнами ревели две толпы, и одна гремела: "Волна! Волна!" - а другая вопила: "Нуль-Т!" И вы думаете, это был научный диспут? Нет! Это была средневековая квартирная склока из-за электроэнергии! Помните эту смешную, хотя, признаюсь, не совсем понятную книгу, где человека высекли за то, что он не гасил свет в уборной? "Золотой козел" или "Золотой осел"?.. Так вот, Аристотель и его банда пытались высечь Ламонду и его банду за то, что те прибрали к своим рукам весь резерв энергии... Честная Радуга! Еще год назад Аристотель ходил с Ламонду в обнимку! Нулевик нулевикам был друг, товарищ и брат, и никому в голову не приходило, что увлечение Форстера Волной расколет планету пополам! В каком мире я живу! Ничего не хватает: энергии не хватает, аппаратуры не хватает, из-за каждого желторотого лаборанта идет бой! Люди Ламонду воруют энергию, люди Аристотеля ловят и пытаются вербовать аутсайдеров - этих несчастных туристов, прилетевших отдохнуть или написать о Радуге что-нибудь хорошее! Совет - Совет!!! - превратился в конфликтный орган! Я попросил прислать мне "Римское право"... Последнее время я читаю одни исторические романы. Честная Радуга! Скоро я заведу здесь полицию и суд присяжных. Я привыкаю к новой, совершенно дикой терминологии. Позавчера я обзвал Ламонду ответчиком, а Аристотеля истцом. Я без запинки произношу такие слова, как юриспруденция и полицейпрезидиум!..

Один из экранов засветился. Появились две круглолицые девочки лет десяти. Одна в розовом платье, другая в голубом.

- Ну, ты говори! - сказала розовая полупшепотом.

- Почему это я, когда договорились, что ты...

- Договорились, что ты!

- Вредная!.. Здравствуйте, Матвей Семенович.

- Сергеевич!..

- Матвей Сергеевич, здравствуйте!

- Здравствуйте, дети, - сказал директор. По лицу его было заметно,

что он что-то забыл, а ему напомнили. - Здравствуйте, цыплята! Здравствуйте, мыши!

Розовая и голубая разом зарделись.

- Матвей Сергеевич, мы приглашаем вас в Детское на наш летний праздник.

- Сегодня, в двенадцать часов!..

- В одиннадцать!..

- Нет в двенадцать!

- Приеду! - закричал директор восторженно. - Обязательно приеду! И в одиннадцать приеду и в двенадцать!..

Горбовский допил бокал, налил себе еще, затем лег в кресле, вытянув ноги на середину комнаты, и поставил бокал себе на грудь. Ему было хорошо и уютно.

- Я тоже поеду в Детское, - заявил он. - Мне совершенно нечего делать. А там я скажу какую-нибудь речь. Я никогда в жизни не произносил речей, и мне ужасно хочется попробовать.

- Детское! - Директор снова перевалился через подлокотник. - Детское - это единственное место, где у нас сохраняется порядок. Дети - отличный народ! Они прекрасно понимают слово "нельзя"... О наших нулевиках этого не скажешь, нет! В прошлом году они съели два миллиона мегаватт-часов! В этом - уже пятнадцать и представили заявок еще на шестьдесят. Вся беда в том, что они абсолютно не желают знать слова "нельзя"...

- Мы тоже не знали этого слова, - заметил Марк.

- Дорогой Марк. Мы жили с вами в хорошее время. Это был период кризиса физики. Нам не нужно было больше, чем нам давали. Да и зачем? Ну что у нас было? Д-процессы, электронная структура... Сопряженными пространствами занимались единицы, да и то на бумаге. А сейчас? Сейчас эта безумная эпоха дискретной физики, теория просачивания, подпространство!.. Честная Радуга! Все эти нуль-проблемы! Безусому мальчишке, тонкономому лаборанту на каждый плюгавый эксперимент нужны тысячи мегаватт, уникальнейшее оборудование, которое на Радуге не создашь и которое, между прочим, выходит после эксперимента из строя... Вот вы привезли сотню ульмотронов. Спасибо вам. Но нужно-то их шесть сотен! И энергия... Энергия! Откуда я ее возьму? Вы же не привезли нам энергию! Более того, вам самим нужна энергия. Мы с Канэко обращаемся к Машине: "Дай нам оптимальную стратегию!" Она, бедняга, только руками разводит...

Дверь распахнулась, и стремительно вошел невысокий, очень изящный и красиво одетый мужчина. В гладко зачесанных черных волосах его торчали какие-то репы, неподвижное лицо выражало холодное, сдержанное бешенство.

- Легко на помине... - начал директор, простирая к нему руку.

- Прошу отставки, - звонким металлическим голосом сказал вошедший. - Я считаю, что не способен более работать с людьми, и поэтому прошу отставки. Извините, пожалуйста. - Он коротко поклонился звездолетчикам. - Канэко - план-энергетик Радуги. Бывший план-энергетик.

Горбовский торопливо заскреб ногами по скользкому полу, стараясь подняться и поклониться одновременно. Бокал с соком он при этом поднял над головой и стал похож на пьяного гостя в Триклинии у Лукулла.

- Честная Радуга! - сказал директор озабоченно. - Что еще стряслось?

- Полчаса назад Симеон Галкин и Александра Постышева тайно подключились к зональной энергостанции и взяли всю энергию на двое суток вперед. - По лицу Канэко прошла судорога. - Машина рассчитана на честных людей. Мне неизвестна подпрограмма, учитывающая существование Галкина и Постышевой. Факт сам по себе недопустимый, хотя, к сожалению, и не новый для нас. Возможно, я справился бы с ними сам. Но я не дзюдотэ и не акробат. И я работаю не в детском саду. Я не могу допустить, чтобы мне устраивали ловушки... Они замаскировали подключение в густом кустарнике за оврагом, а поперек тропинки натянули проволоку. Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить огромную утечку... - Он вдруг замолчал и принялся нервно вытаскивать репы из волос.

- Где Постышева? - спросил директор, наливаясь венозной кровью.

Горбовский сел прямо и с некоторым испугом поджал ноги. На лице Марка был написан живой интерес к происходящему.

- Постышева сейчас будет здесь, - ответил Канэко. - Я уверен, что именно она является инициатором этого безобразия. Я вызвал ее сюда от вашего имени.

Матвей подтянул к себе микрофон всеобщего оповещения и негромко пробасил:

- Внимание, Радуга! Говорит директор. Инцидент с утечкой энергии мне известен. Инцидент разбирается.

Он встал, боком подобрался к Канэко, положил руку ему на плечо и как-то виновато проговорил:

- Ну что делать, дружище... Я же тебе говорил: Радуга сошла с ума. Терпи, дружище!.. Я тоже терплю. А Постышеву я сейчас взгрею. Она у меня не обрадуется, вот увидишь...

- Я понимаю, - сказал Канэко. - Прошу извинить меня: я был взбешен. С вашего разрешения я отправлюсь на космодром. Самое, пожалуй, неприятное дело сегодня - выдача ульмотронов. Вы знаете, пришел десантник с грузом ульмотронов.

- Да, - сказал директор с чувством. - Я знаю. Вот. - Он уставил квадратный подбородок на звездолетчиков. - Настоятельно рекомендую - мои друзья. Командир "Тариэля" Леонид Андреевич Горбовский и его штурман Марк Валькенштейн.

- Рад, - сказал Канэко, наклонив голову с репьями.

Марк и Горбовский тоже наклонили головы.

- Постараюсь свести повреждения корабля к минимуму, - сказал Канэко без улыбки, повернулся и пошел к двери.

Горбовский с беспокойством посмотрел ему вслед.

Дверь перед Канэко отворилась, и он вежливо шагнул в сторону, уступая дорогу. В дверях стояла давешняя брюнетка в белой курточке с оторванными пуговицами. Горбовский заметил, что шорты ее были прожжены сбоку, а левая рука испачкана копотью. Рядом с нею изящный и подтянутый Канэко казался пришельцем из далекого будущего.

- Извините, пожалуйста, - сказала брюнетка бархатным голоском. - Разрешите войти. Вы меня вызывали, Матвей Сергеевич?

Канэко, отвернув лицо, обошел ее стороной и скрылся за дверью. Матвей вернулся в кресло, сел и уперся руками в подлокотники. Лицо его вновь посинело.

- Ты что думаешь, Постышева, - едва слышно начал он, - я не знаю, чьи это затеи?..

На экране появился розовощекий юноша в кокетливо сдвинутом набок беретике.

- Простите, Матвей Сергеевич, - весело улыбаясь, сказал он. - Я хотел напомнить, что два комплекта ульмотронов наши.

- В порядке очереди, Карл, - буркнул Матвей.

- В порядке очереди мы первые, - сообщил юноша.

- Значит, вы получите первыми. - Матвей все время смотрел на Постышеву, сохраняя вид свирепый и неприступный.

- Простите еще раз, Матвей Сергеевич, но нас очень беспокоит поведение группы Форстера. Я видел, что они уже выслали на космодром свой грузовик...

- Не беспокойтесь, Карл, - сказал Матвей. Он не удержался и расплылся в улыбке. - Ты только полюбуйся, Леонид! Пришел и ябедничает! Кто? Гофман! На кого? На учителя своего - Форстера! Ступайте, ступайте, Карл! Никто не получит вне очереди!

- Спасибо, Матвей Сергеевич, - сказал Гофман. - Мы с Маляевым очень на вас рассчитываем.

- Он с Маляевым! - сказал директор, поднимая глаза к потолку.

Экран погас и через мгновение вспыхнул снова. Пожилой угрюмый человек в темных очках с какими-то приспособлениями на оправе прогудел недовольно:

- Матвей, я хотел бы уточнить относительно ульмотронов...

- Ульмотроны в порядке очереди, - сказал Матвей.

Брюнетка томно вздохнула, зорко поглядела на Марка и с покорным видом присела на край кресла.

- Нам полагается вне очереди, - сказал человек в очках.

- Значит, вы получите вне очереди, - сказал Матвей. - Существует очередь внеочередников, и ты там восьмым...

Брюнетка, грациозно изогнувшись, принялась рассматривать дырку на шортах, затем, посплюнув палец, стерла сажу с локтя.

- Одну минуточку, Постышева, - сказал Матвей и наклонился к микрофону. - Внимание, Радуга! Говорит директор. Распределение

ульмотронов, прибывших на звездолете "Таризель", будет производиться по спискам, утвержденным в Совете, и никаких исключений делаться не будет. Так вот, Постышева... Вызвал я тебя для того, чтобы сказать, что ты мне надоела. Я был мягок... Да, да, я был терпелив. Я сносил все. Ты не можешь упрекнуть меня в жестокости. Но честная Радуга! Есть же предел всему! Одним словом, передай Галкину, что я отстранил тебя от работы и с первым же звездолетом отправляю тебя на Землю.

Огромные прекрасные глаза Постышевой немедленно наполнились слезами. Марк скорбно покачал головой, Горбовский пригорюнился. Директор, выпятив челюсть, смотрел на Постышеву.

- И поздно теперь плакать, Александра, - сказал он. - Плакать надо было раньше. Вместе с нами.

В кабинет вошла хорошенькая женщина в плиссированной юбке и легкой кофточке. Она была подстрижена под мальчика, русая челка падала ей на глаза.

- Хэлло! - сказала она, приветливо улыбаясь. - Матвей, я не помешала вам? О! - она заметила Постышеву. - Что такое? Мы плачем? - она обняла Постышеву за плечи и прижала ее голову к груди. - Матвей, это вы? Как не стыдно! Вероятно, вы были грубы. Иногда вы бываете невыносимы!

Директор пошевелил усами.

- Доброе утро, Джина, - сказал он. - Отпустите Постышеву, она наказана. Она тяжело оскорбила Канэко, и она украла энергию...

- Какой вздор! - воскликнула Джина. - Успокойся, девочка! Какие слова: "украла", "оскорбила", "энергия"! У кого она украла энергию? Ведь не у Детского же! Не все ли равно, кто из физиков тратит энергию - Аля Постышева или этот ужасный Ламондуа!

Директор величественно поднялся.

- Леонид, Марк, - сказал он. - Это Джина Пикбридж, старший биолог Радуги. Джина, это Леонид Горбовский и Марк Валькенштейн, звездолетчики. Звездолетчики встали.

- Хэлло, - сказала Джина. - Нет, я не хочу с вами знакомиться... Почему вы - двое здоровых, красивых мужчин - так равнодушны? Как вы можете сидеть и смотреть на плачущую девочку?

- Мы не равнодушны! - запротестовал Марк. Горбовский с изумлением посмотрел на него. - Мы как раз хотели вмешаться...

- Так вмешивайтесь же! Вмешивайтесь! - сказала Джина.

- Ну знаете, товарищи! - загремел директор. - Мне это совсем не нравится! Постышева, вы свободны. Идите, идите... В чем дело, Джина? Отпустите Постышеву и изложите ваше дело... Ну, вот видите, она вам всю кофту заревела. Постышева, идите, я вам сказал!

Постышева встала и, закрыв лицо ладонями, вышла. Марк вопросительно посмотрел на Джину.

- Ну, разумеется, - сказала она.

Марк одернул куртку, строго посмотрел на Матвея, поклонился Джине и тоже вышел. Матвей расслабленно махнул рукой.

- Отрекусь, - сказал он. - Никакой дисциплины. Вы понимаете, что вы делаете, Джина?

- Понимаю, - сказала Джина, подходя к столу. - Вся ваша физика и вся ваша энергия не стоят одной Алиной слезинки.

- Скажите это Ламондуа. Или Пагаве. Или Форстеру. Или, к примеру, Канэко. А что касается слезинок, то у каждого свое оружие. И хватит об этом, с вашего позволения! Я вас слушаю.

- Да, хватит, - сказала Джина. - Я знаю, что вы столь же упрямы, сколь и добры. А следовательно, упрямы бесконечно. Матвей, мне нужны люди. Нет-нет... - Она подняла маленькую ладонь. - Дело предстоит очень рискованное и интересное. Мне стоит только поманить пальцем, и половина физиков сбежит от своих зловещих руководителей.

- Если поманите вы, - сказал Матвей, - то сбегут и сами руководители...

- Благодарю вас, но я имею в виду охоту на кальмаров. Мне нужно двадцать человек, чтобы отогнать кальмаров от берега Пушкина.

Матвей вздохнул.

- Чем вам не понравились кальмары? - сказал он. - У меня нет людей.

- Хотя бы десять человек. Кальмары систематически грабят рыбозаводы. Чем у вас сейчас заняты испытатели?

Матвей оживился.

- Да, верно! - сказал он. - Габа! Где у меня сейчас Габа? Ага, помню... Все в порядке, Джина, у вас будут десять человек.

- Вот и хорошо. Я знала, что вы добры. Я пойду завтракать, и пусть они меня найдут. До свиданья, милый Леонид. Если захотите принять участие, мы будем только рады.

- Уф!.. - сказал Матвей, когда дверь закрылась. - Прелестная женщина, но работать я предпочитаю все-таки с Ламондуа... Но каков твой Марк!

Горбовский самодовольно ухмыльнулся и налил себе еще соку. Он снова блаженно вытянулся в кресле и, молвив тихонько: "Можно?" - включил проигрыватель. Директор тоже откинулся на спинку кресла.

- Да! - мечтательно произнес он. - А помнишь, Леонид, - Слепое Пятно, Станислав Пишта кричит на весь эфир... Да, кстати! Ты знаешь...

- Матвей Сергеевич, - сказал голос из репродуктора. - Сообщение со "Стрелы".

- Читай, - сказал Матвей, наклоняясь вперед.

- "Выхожу на деритринитацию. Следующая связь через сорок часов. Все благополучно. А_н_т_о_н". Связь неважная, Матвей Сергеевич: магнитная буря...

- Спасибо, - сказал Матвей. Он озабоченно обернулся к Горбовскому. - Между прочим, Леонид, что ты знаешь о Камилле?

- Что он никогда не снимает шлема, - сказал Горбовский. - Я его однажды прямо об этом спросил, когда мы купались. И он мне прямо ответил.

- И что ты думаешь о нем?

Горбовский подумал.

- Я думаю, что это его право.

Горбовский не хотел говорить на эту тему. Некоторое время он слушал тамтам, затем сказал:

- Понимаешь, Матюша, как-то так получилось, что меня считают чуть ли не другом Камилла. И все меня спрашивают, что да как. А я этой теме не люблю. Если у тебя есть какие-нибудь конкретные вопросы, пожалуйста.

- Есть, - сказал Матвей. - Камилл не сумасшедший?

- Не-ет, ну что ты! Он просто обыкновенный гений.

- Ты понимаешь, я все время думаю: ну что он все предсказывает и предсказывает? Какая-то у него мания - предсказывать...

- И что же он предсказывает?

- Да так, пустяки, - сказал Матвей. - Конец света. Вся беда в том, что его, беднягу, никто-никто не может понять... Впрочем, не будем об этом. О чем это мы с тобой говорили?..

Экран снова осветился. Появился Канэко. Галстук у него съехал набок.

- Матвей Сергеевич, - сказал он, чуть задышавшись. - Разрешите уточнить список. У вас должна быть копия.

- О, как мне все это надоело! - сказал Матвей. - Леонид, прости меня, пожалуйста. Мне придется уйти.

- Конечно, иди, - сказал Горбовский. - А я пока прогуляюсь обратно на космодром. Как там мой "Тариэль"...

- К двум часам ко мне обедать, - сказал Матвей.

Горбовский допил стакан, поднялся и с удовольствием увеличил громкость тамтама до предела.

К десяти часам жара стала невыносимой. Из раскаленной степи в щели закрытых окон сочились терпкие пары летучих солей. Над степью плясали миражи. Роберт установил у своего кресла два мощных вентилятора и полулежал, обмахиваясь старым журналом. Он утешал себя мыслью о том, что часам к трем будет гораздо тяжелее, а там, глядишь, и вечер. Камилл застыл у северного окна. Они больше не разговаривали.

Из регистратора тянулась бесконечная голубая лента, покрытая зубчатыми линиями автоматической записи, счетчик Юнга медленно, незаметно для глаза наливался густым сиреневым светом, тоненько пищали ульмотроны - за их зеркальными окошечками зловеще играли отблески ядерного пламени. Волна развивалась. Где-то за северным горизонтом, над необозримыми

пустырями мертвой земли били в стратосферу исполинские фонтаны горячей ядовитой пыли...

Заверещал сигнал видеофона, и Роберт немедленно принял деловую позу. Он думал, что это Патрик или - что было бы страшно в такую жару - Маляев. Но это оказалась Таня, веселая и свежая; и было сразу видно, что там у нее нет сорокаградусной жары, нет вонючих испарений мертвой степи, воздух сладок и прохладен, а с близкого моря ветер приносит чистые запахи цветников, обнажившихся при отливе.

- Как ты там без меня, Робик? - спросила она.

- Плохо, - пожаловался Роберт. - Пахнет. Жарко. Потно. Тебя нет.

Спать хочется невыносимо, и никак не заснуть.

- Бедный мальчик! А я славно вздремнула в вертолете. У меня тоже будет трудный день. Летний праздник - всеобщее столпотворение, столоверчение и светопреставление. Ребята носятся как ошалелые. Ты один?

- Нет. Вон стоит Камилл и не видит нас и не слышит. Танек, я сегодня жду тебя. Только где?

- А ты разве сменяешься? Жалко. Полетим на юг!

- Давай. Помнишь кафе в Рыбачьем? Будем есть миноги, пить молодое вино... ледяное! - Роберт застонал и закрыл глаза. - Сейчас я буду ждать этого вечера. О, как я буду его ждать!

- Я тоже... - она оглянулась. - Целую, Роби, - сказала она. - Жди звонка.

- Очень буду ждать, - успел сказать Роберт.

Камилл все смотрел в окно, сцепив руки за спиной. Пальцы его пребывали в непрерывном движении. У Камилла были необычайно длинные, белые, гибкие пальцы с коротко остриженными ногтями. Они причудливо сплетались и расплетались, и Роберт поймал себя на том, что пытается проделать то же самое с собственными пальцами.

- Началось, - сказал вдруг Камилл. - Советую посмотреть.

- Что началось? - спросил Роберт. Ему не хотелось подниматься.

- Пошла степь, - сказал Камилл.

Роберт неохотно встал и подошел к нему. Сначала он ничего не заметил. Затем ему показалось, что он видит мираж. Но, вглядевшись, он так стремительно подался вперед, что стукнулся лбом о стекло. Степь шевелилась. Степь быстро меняла цвет - жуткая красноватая каша ползла через желтое пространство. Внизу под вышкой можно было разглядеть, как копошатся среди высохших стеблей красные и рыжие точки.

- Мама моя!.. - ахнул Роберт. - Красная зерноедка! Что же вы стоите?! - он метнулся к видеофону. - Пастухи! - крикнул он. - Дежурный!

- Дежурный слушает.

- Говорит пост Степной. С севера идет зерноедка! Вся степь покрыта зерноедкой!

- Что? Повторите... Кто говорит?

- Говорит пост Степной, наблюдатель Складов! Красная зерноедка идет с севера! Хуже, чем в позапрошлом году! Поняли? Вся степь кишит зерноедкой!

- Есть... Ясно... Спасибо, Складов... Вот беда! А у нас все на юге... Вот беда!.. Ну ладно...

- Дежурный! - крикнул Роберт. - Слушайте, свяжитесь с Алебастровой или с Гринфилдом, там полно нулевиков, они помогут!

- Все понял! Спасибо, Складов. Когда зерноедка кончит идти, сообщите сразу, пожалуйста.

Роберт снова подскочил к окну. Зерноедка шла валом, травы уже не было видно.

- Вот несчастье! - бормотал Роберт, прижимаясь лицом к стеклу. - Вот уж действительно беда!

- Не обольщайтесь, Роби, - сказал Камилл. - Это еще не беда. Это просто интересно.

- А вот выжрет она посевы, - сказал Роберт со злостью, - останемся без хлеба, без скота.

- Не останемся, Роби. Она не успеет.

- Надеюсь. На это только и надеюсь. Вы только посмотрите, как она идет. Ведь вся степь красная.

- Катаклизм, - сказал Камилл.

Неожиданно наступили сумерки. Огромная тень упала на степь. Роберт оглянулся и перебежал к восточному окну. Широкая дрожащая туча закрыла

солнце. И опять Роберт не сразу понял, что это. Сначала он просто удивился, потому что днем на Радуге никогда не бывает туч. Но потом он увидел, что это птицы. Тысячи тысячи птиц летели с севера, и даже сквозь закрытые окна слышались непрерывный шелестящий шум крыльев и пронзительные тонкие крики. Роберт попятился к столу.

- Откуда птицы? - проговорил он.

- Все спасается, - сказал Камилл. - Все бежит. На вашем месте, Роби, я бы тоже бежал. Идет Волна.

- Какая Волна? - Роберт нагнулся и посмотрел на приборы. - Нет же никакой Волны, Камилл...

- Нет? - сказал Камилл хладнокровно. - Тем лучше. Давайте останемся и посмотрим.

- Я и не собирался бежать. Меня просто удивляет все это. Надо, пожалуй, сообщить в Гринфилд. И главное, откуда эти птицы? Там же пустыня.

- Там очень много птиц, - сказал спокойно Камилл. - Там огромные синие озера, тростники... - Он замолчал.

Роберт недоверчиво посмотрел на него. Десять лет он работал на Радуге и всегда был убежден, что к северу от горячей параллели нет ничего: ни воды, ни травы, ни жизни. Взять флаер и слетать туда с Танюшкой, мельком подумал он. Озера, тростники...

Затрещал сигнал вызова, и Роберт повернулся к экрану. Это был сам Маляев.

- Скляр, - сказал он обычным неприязненным тоном, и Роберт по привычке почувствовал себя виноватым, виноватым за все, в том числе за зерноедок и за птиц. - Скляр, слушайте приказ. Немедленно эвакуируйте пост. Заберите оба ульмотрона.

- Федор Анатольевич, - сказал Роберт. - Идет зерноедка, летят птицы. Я только что хотел сообщить вам...

- Не отвлекайтесь. Я повторяю. Заберите оба ульмотрона, садитесь в вертолет и немедленно в Гринфилд. Поняли меня?

- Да.

- Сейчас... - Маляев посмотрел куда-то вниз. - Сейчас десять сорок пять. В одиннадцать ноль-ноль вы должны быть в воздухе. Имейте в виду, я выдвигаю "харибды", и на всякий случай держитесь выше. Если не успеете демонтировать ульмотроны - бросьте их.

- А что случилось?

- Идет Волна, - сказал Маляев и впервые посмотрел Роберту в глаза. - Она перешла Горячую параллель. Торопитесь.

Секунду Роберт стоял, собираясь с мыслями. Затем он снова осмотрел приборы. Судя по приборам, извержение шло на убыль.

- Ну, это не мое дело, - сказал Роберт вслух. - Камилл, вы мне можете?

- Теперь я уже никому не могу помочь, - отозвался Камилл. - Впрочем, это не мое дело. Что нужно - тащить ульмотроны?

- Да. Только сначала их надо демонтировать.

- Хотите добрый совет? - сказал Камилл. - Добрый совет за номером семь тысяч восемьсот тридцать два.

Роберт уже отключил ток и, обжигая пальцы, скручивал разъемы.

- Давайте ваш совет, - сказа он.

- Бросьте эти ульмотроны, садитесь в вертолет и летите к Тане.

- Хороший совет, - сказал Роберт, торопливо обрывая соединения. - Приятный. Помогите-ка мне его вытащить...

Ульмотрон весил около центнера, толстый гладкий цилиндр в полтора метра длиной. Они извлекли его из гнезда и внесли в кабину лифта. Завыл ветер, вышка начала вибрировать.

- Достаточно, - сказал Камилл. - Спустимся вместе.

- Надо взять второй.

- Роби, вам даже этот больше не понадобится. Послушайтесь моего совета.

Роберт посмотрел на часы.

- Время есть, - деловито сказал он. - Спускайтесь и выкатывайте его на землю.

Камилл закрыл дверцу. Роберт вернулся к установке. Снаружи стоял красный сумрак. Птиц больше не было, но небо затягивала мутная пелена, сквозь которую еле просвечивал маленький диск солнца. Вышка вздрагивала и

раскачивалась под порывами ветра.

- Успеть бы! - вслух подумал Роберт.

Он, напрягаясь, вытянул второй ульмотрон, поднял на плечо и понес к лифту. Тут за его спиной с раздирающим хрустом вылетели оконные рамы, и в лабораторию ворвались облака колючей пыли пополам с раскаленным ветром. Что-то с силой ударило по ногам. Роберт поспешно присел, прислонил ульмотрон к стене и нажал кнопку вызова. Двигатель подъемника взвыл вхолостую и сейчас же умолк.

- Ками-илл! - крикнул Роберт, прижавшись лицом к решетчатой двери.

Никто не отозвался. Ветер выл и свистел в разбитых окнах, вышка раскачивалась, и Роберт едва держался на ногах. Он снова нажал кнопку. Подъемник не действовал. Тогда, преодолевая ветер, он подобрался к окну и выглянул наружу. Степь была затянута клубами бешено несущейся пыли. Что-то блестящее мелькало внизу у подножья вышки, и Роберт похолодел, сообразив, что это бьется и мотается под ветром вывернутое и растерзанное крыло птерокара. Роберт закрыл глаза и облизал пересохшие губы. Рот наполнился едкой горечью. Хороша ловушка, подумал он. Патрика бы сюда...

- Ками-и-илл! - крикнул он изо всех сил.

Но он еле слышал собственный голос. Через окно... Нельзя, сорвет ураганом. Стоит ли вообще барахтаться? Птерокар-то разбит... Тут она меня и накроет. Нет, надо слезть. Что там Камилл возится - я бы на его месте уже починил лифт... Лифт!

Перешагивая через обломки, он вернулся к решетчатой двери и вцепился в нее обеими руками. А ну-ка, "Юность Мира", подумал он. Дверь была сделана добротно. Если бы фермы вышки были сделаны так же, лифт нипочем не вышел бы из строя. Роберт лег спиной на дверь и согнутыми ногами уперся в стену тамбура. Ну-ка... Р-раз! В глазах у него потемнело. Что-то хрустело: не то дверь, не то мускулы. Еще р-раз! Дверь подалась. Сейчас она вылетит, подумал Роберт, и я свалюсь в шахту. Двадцать метров вниз головой, и сверху на меня упадет ульмотрон. Он перевернулся и уперся спиной в стену, а ногами в дверь. Тр-рах!.. У двери вылетела нижняя половина, и Роберт упал на спину, ударившись головой. Несколько секунд он лежал неподвижно. Он был весь мокрый от пота. Потом он заглянул в пролом. Далеко внизу виднелась крыша кабины. Лезть было очень страшно, но в это время вышка начала крениться, и Роберта потащило вниз. Он не сопротивлялся, потому что вышка все кренилась и кренилась, и не было этому конца.

Он спускался, цепляясь за фермы и распорки, и тугой, колючий от пыли ветер прижимал его к теплomu металлу. Он успел заметить, что пыли стало гораздо меньше и что степь снова залита солнцем. Вышка все кренилась. Он так торопился узнать, что с птерокаром и куда девался Камилл, что выпрыгнул из шахты, когда до земли оставалось еще метра четыре. Он больно стукнулся ногами и потом руками. И первое, что он увидел, были пальцы Камилла, вонзившиеся в сухую землю.

Камилл лежал под опрокинутым птерокаром, широко раскрыв круглые стеклянные глаза, и тонкие длинные пальцы его вцепились в землю, словно он пытался вытащить себя из-под разбитой машины, а может быть, ему было очень больно перед смертью. Пыль покрывала его белую куртку, пыль лежала на щеках и открытых глазах.

- Камилл, - позвал Роберт.

Ветер бешено мотал над его головой обломок исковерканного крыла. Ветер нес струи желтой пыли. Ветер свистел и визжал в фермах покосившейся вышки. В мутноватом небе свирепо пылало маленькое солнце. Оно казалось косматым.

Роберт поднялся на ноги и, навалившись, попытался сдвинуть птерокар. На секунду ему удалось приподнять тяжелую машину, но только на секунду. Он снова взглянул на Камилла. Все лицо его было засыпано пылью, и белая куртка стала рыжей, и только к нелепой белой каске не пристало ни единой пылинки, и матовая пластмасса весело отсвечивала под солнцем.

У Роберта задрожали ноги, и он сел рядом с мертвым. Ему хотелось плакать. Прощайте, Камилл. Честное слово, я вас любил. Никто вас не любил, а я любил. Правда, я никогда не слушал вас, так же, как и другие, но, честное слово, я не слушал только потому, что не надеялся вас понять. Вы были на голову выше всех, а уж меня и подавно. А теперь я не могу столкнуть с вашей раздавленной груди эту кучу лома. По долгу дружбы мне следовало бы остаться рядом с вами. Но меня ждет Таня, меня, может быть,

ждет даже Маляев, и потом я ужасно хочу жить. Тут не помогают никакие чувства и никакая логика. Я знаю, что мне не уйти. И все-таки я пойду. Я буду бежать, буду брести, может быть, даже ползти, но я буду уходить до последнего... Я дурак, мне нужно было послушаться вашего семитысячного совета, но я, как всегда, не понял вас, хотя, казалось бы, чего тут было понимать?..

Он был таким разбитым и усталым, что только с большим трудом заставил себя подняться и пойти. А когда он обернулся, чтобы последний раз поглядеть на Камилла, он увидел Волну.

Далеко-далеко над северным горизонтом за красноватой дымкой оседающей пыли сверкала в белесом небе ослепительная полоса, яркая, как солнце.

Ну, вот и все, вяло подумал Роберт. Далеко мне не уйти. Через полчаса она будет здесь и пойдет дальше, а здесь останется гладкая черная пустыня. Башня, конечно, останется, и ничего не случится с ульмотронами, и птерокар останется, и оторванное крыло повиснет в горячем безветрии. И, может быть, от Камилла останется шлем. А уж от меня вообще ничего не останется. Он, словно прощаясь, осмотрел себя - похлопал по голой груди, пощупал бицепсы. Жалко, подумал он. И тут он заметил флаер.

Флаер стоял за вышкой - маленький двухместный флаер, похожий на пеструю черепашку, скоростной, экономичный, удивительно простой и удобный в управлении. Это был флаер Камилла. Конечно же, это был флаер Камилла!

Роберт сделал к нему несколько неуверенных шагов, а потом сломя голову помчался, огибая вышку. Он не спускал глаз с флаера, словно боясь, что он вдруг исчезнет, споткнулся обо что-то и плашмя проехал по колючей траве, ободрав грудь и живот. Вскочив на ноги, он обернулся. Тяжелый цилиндр ульмотрона с гладкими, досиня полированными боками еще тихонько покачивался от толчка. Роберт взглянул на север. Из-за горизонта уже поднималась черная стена. Роберт подбежал к флаеру, подняв тучу пыли, прыгнул в сиденье и, едва нащупав рукоятку управления, с места дал полный газ.

Степная зона тянулась до самого Гринфилда, и Роберт проскочил ее со средней скоростью пятьсот километров в час. Флаер неслся над степью, как блоха, - огромными прыжками. Слепящая полоса скоро вновь скрылась за горизонтом. В степи все казалось обычным: и сухая щетинистая трава, и дрожащие марева над солончаками, и редкие полосы карликового кустарника. Солнце палило беспощадно. И почему-то нигде не было никаких следов ни зерноедки, ни птиц, ни урагана. Наверное, ураган разметал всю эту живность и сам затерялся в этих бесплодных, извечно пустынных просторах Северной Радуги, самой природой предназначенных для сумасшедших экспериментов нуль-физиков. Однажды, когда Роберт был еще новичком, когда Столицу называли еще просто станцией, а Гринфилда не было вообще, Волна уже проходила в этих местах, вызванная грандиозным опытом покойного Лю Фын-чена, тогда все здесь было черно, но прошло всего семь лет, и цепкая неприхотливая трава вновь оттеснила пустыню далеко на север, к самым районам извержений.

Все вернется, думал Роберт. Все будет по-прежнему, только Камилла больше не будет. И если когда-нибудь кто-нибудь внезапно возникнет в кресле за моей спиной, я уже буду точно знать, что это всего-навсего привидение. А сейчас я приду к Маляеву и скажу ему прямо в лицо: "Ульмотроны ваши я бросил". А он процедит сквозь зубы: "Как вы смели, Скляр?" И тогда я ему скажу: "Наплевать мне на ульмотроны, потому что погиб Камилл из-за ваших ульмотронов!" А он скажет: "Это, конечно, очень жаль, но ульмотроны нужно было привезти". И тогда я, наконец, рассвирепею и скажу ему все. "Сосулька ты! - скажу я. - Снежная ты баба с электронным управлением. Как ты смеешь думать об ульмотронах, когда погиб Камилл?.. Равнодушный ты человек, ящерица!"

В двухстах километрах от Гринфилда он увидел "харибды" - гигантские телемеханические танки, несущие отверстые пасти энергопоглотителей. "Харибды" шли цепью от горизонта до горизонта, соблюдая правильные полукилометровые интервалы, с лязгом и громовым грохотом тысячесильных двигателей. За ними в желтой степи оставались широкие полосы развороченной коричневой земли, вспаханной до самого базальтового основания континента. Траки гусениц вспыхивали под солнцем. А далеко справа в тусклом небе

моталась едва заметная точка - это был вертолет-наводчик, руководивший движением этих металлических чудовищ. "Харибды" шли на Волну.

Энергопоглотители, по-видимому, еще не работали, но Роберт на всякий случай круто набрал высоту и начал снижение, только когда навстречу ему из дымки вынырнул Гринфилд - несколько белых домиков и квадратная башня дальнего контроля, окруженные пышной земной зеленью. На северной окраине, подмяв под себя рожицу пальм, угрюмо чернела неподвижная "харибда", устремив прямо на Роберта бездонный раструб поглотителя, и еще две "харибды" стояли справа и слева от поселка. Два вертолета взмыли над башней и ушли на юг. На площади среди зеленых газонов блестели на солнце перепончатые крылья птерокаров. Вокруг птерокаров бегали и копошились люди.

Роберт подогнал флаер к самому входу в башню и выскочил на крыльцо. Кто-то отшатнулся, женский голос вскрикнул: "Кто это?" Роберт взялся за ручку стеклянной двери и на мгновение застыл, вглядываясь в свое отражение, - почти голый, весь в спекшейся пыли, глаза злые, через грудь и живот идет широкая черная царапина... Ладно, подумал он и рванул дверь. "Да ведь это Роберт!" - крикнули сзади. Он медленно поднялся по лестнице и наткнулся на Патрика. Патрик смотрел на него, открыв рот. "Патрик, - сказал Роберт. - Патрик, дружище, Камилл погиб..." Патрик замигал и вдруг зажал себе рот ладонью. Роберт прошел дальше. Дверь в диспетчерскую была открыта. Там были Маляев, глава северных нулевиков Шота Петрович Пагава, Карл Гофман и еще какие-то люди - кажется, биологи. Роберт остановился в дверях, держась за косяк. За спиной топали по ступенькам, и кто-то крикнул: "Откуда он знает?"

- Камилл... - сказал Роберт сипло и закашлялся.

Все с недоумением смотрели на него.

- В чем дело? - резко спросил Маляев. - Что с вами, Скляров, почему вы в таком виде?

Роберт подошел к столу и, уперев грязные кулаки в какие-то бумаги, сказал ему в лицо:

- Камилл погиб. Его раздавило.

Стало очень тихо. Глаза Маляева сузились.

- Как раздавило? Где?..

- Его раздавило птерокаром, - сказал Роберт. - Из-за ваших драгоценных ульмотронов. Он мог спокойно спастись, но он помогал мне таскать ваши драгоценные ульмотроны, и его раздавило. А ваши ульмотроны я бросил там. Подберете их, когда пройдет Волна. Понимаете? Бросил. Они там сейчас валяются.

Ему сунули стакан воды. Он взял стакан и жадно выпил. Маляев молчал. Его бледное лицо стало совсем белым. Карл Гофман бесцельно перебирал какие-то схемы и не поднимал глаз. Пагава поднялся и стоял с опущенной головой.

- Очень тяжело... - сказал, наконец, Маляев. - Это был большой человек. - Он потер лоб. - Очень большой человек. - Он снова поглядел на Роберта. - Вы очень устали, Скляров...

- Я не устал.

- Приведите себя в порядок и отдохните.

- И это все? - горько спросил Роберт.

Лицо Маляева стало прежним - равнодушным и жестким.

- Я задержу вас еще на одну минуту. Вы видели Волну?

- Видел. Волну я тоже видел.

- Какого типа Волна?

В мозгу Роберта что-то сдвинулось, и все встало на привычные места. Был властный и умный руководитель Маляев, и был его вечный лаборант-наблюдатель Роберт Скляров, он же "Юность Мира".

- Кажется, третьего, - покорно сказал он. - Лю-волна.

Пагава поднял голову.

- Хорош-шо! - неожиданно бодро сказал он. И сейчас же скис, облокотился на стол и вяло сел. - Ай, Камилл, ай, Камилл, - забормотал он. - Ай, бедняга!.. - Он схватил себя за большие, оттопыренные уши и принялся мотать головой над бумагами.

Один из биологов, опасливо косясь на Роберта, тронул Маляева за локоть.

- Виноват, - сказал он робко. - А чем это хорошо - Лю-волна?

Маляев перестал, наконец, сверлить Роберта жестким взглядом.

- Это значит, - сказал он, - что погибнет только северная полоса посевов. Но мы еще не уверены, что это Лю-волна. Наблюдатель мог ошибиться.

- Ну как же так? - заныл биолог. - Договаривались же... У вас есть эти... "харибды"... Неужели нельзя остановить? Какие же вы физики?

Карл Гофман сказал:

- Возможно, удастся погасить инерцию Волны на линии дискретного перепада.

- Что значит "возможно"? - воскликнула незнакомая женщина, стоявшая рядом с биологом. - Вы понимаете, что это безобразие? Где ваши гарантии? Где ваши прекрасные разговоры? Вы понимаете, что вы оставляете планету без хлеба и мяса?

- Я не принимаю таких претензий, - холодно сказал Маляев. - Я вам глубоко сочувствую, но ваши претензии должны быть адресованы Этьену Ламондуа. Мы не ставим нуль-экспериментов. Мы изучаем Волну...

Роберт повернулся и медленно пошел к двери. И нет им никакого дела до Камилла, думал он. Волна, посевы, мясо... За что они его так не любили? Потому что он был умнее их всех, вместе взятых? Или они вообще никого не любят? В дверях стояли ребята, знакомые лица, встревоженные, печальные, озабоченные. Кто-то взял его под локоть. Он поглядел сверху вниз и встретился взглядом с маленькими грустными глазами Патрика.

- Пойдем, Роб, я помогу тебе отмыться...

- Патрик, - сказал Роберт и положил руку ему на плечо. - Патрик, уходи отсюда. Брось их, если хочешь остаться человеком...

Лицо Патрика страдальчески искривилось.

- Ну что ты, Роб, - пробормотал он. - Не надо. Это пройдет.

- Пройдет, - повторил Роберт. - Все пройдет. Волна пройдет. Жизнь пройдет. И все забудется. Не все ли равно, когда забудется? Сразу или потом...

За спиной уже совершенно откровенно ругались биологи. Маляев требовал: "Сводку!" Шота кричал: "Не прекращать замеры ни на секунду! Используйте всю автоматику! Прах с ней, потом бросите!"

- Пойдем, Роб, - попросил Патрик.

И в этот момент, перекрывая говор и крики, в диспетчерской загредел знакомый монотонный голос:

- Прошу внимания!

Роберт стремительно обернулся. У него ослабели колени. На большом экране диспетчерского видеофона он увидел уродливую матовую каску и круглые немигающие глаза Камилла.

- У меня мало времени, - говорил Камилл. Это был настоящий, живой Камилл - у него тряслась голова, шевелились тонкие губы и двигался в такт словам кончик длинного носа. - Я не могу связаться с директором. Немедленно вызывайте "Стрелу". Немедленно эвакуируйте весь север. Немедленно! - Он повернул голову и посмотрел куда-то вбок, и стала видна его щека, испачканная пылью. - За Лю-волной идет Волна нового типа. Вам ее...

Экран ослепительно вспыхнул, что-то треснуло, и экран померк. В диспетчерской стояла гробовая тишина, и вдруг Роберт увидел страшные, прищуренные на него глаза Маляева.

На Радуге был только один космодром, и на этом космодроме стоял только один звездолет, десантный сигма-Д-звездолет "Таризель-Второй". Он был виден издали - бело-голубой купол высотой в семьдесят метров сияющим облачком возвышался над плоскими темно-зелеными крышами заправочных станций. Горбовский сделал над ним два неуверенных круга. Сесть рядом со звездолетом было трудно: плотное кольцо разнообразных машин окружало корабль. Сверху были видны неуклюжие роботы-заправщики, присосавшиеся к шести баковым выступам, хлопотливые аварийные киберы, прощупывавшие каждый сантиметр обшивки, серый робот-матка, руководивший дюжиной маленьких юрких машин-анализаторов. Зрелище это было привычное, радующее хозяйственный

глаз.

Однако возле грузового люка имело место явное нарушение всех установлений. Оттеснив в сторону безответных космодромных киберов, там сгрудилось множество транспортных машин всевозможных типов. Там были обычные грузовые "биндюги", туристские "дилижансы", легковые "тестудо" и "гепарды" и даже один "крот" - громоздкая землеройная машина для рудных разработок. Все они совершали какие-то сложные эволюции возле люка, теснясь и подталкивая друг друга. В стороне, на самом солнцепеке стояли несколько вертолетов и валялись пустые ящики, в которых Горбовский без труда узнал упаковку ульмотронов. На ящиках грустно сидели какие-то люди.

В поисках места для посадки Горбовский начал третий круг и тут обнаружил, что за его флаером по пятам следует тяжелый птерокар, водитель которого, высунувшись по пояс из раскрытой дверцы, делает ему какие-то непонятные знаки. Горбовский посадил флаер между вертолетами и ящиками, и птерокар тотчас же очень неловко рухнул рядом.

- Я за вами, - деловито крикнул водитель птерокара, выскакивая из кабины.

- Не советую, - мягко сказал Горбовский. - Мне нет никакого дела до очереди. Я капитан этого звездолета.

На лице водителя изобразилось восхищение.

- Великолепно! - вполголоса воскликнул он, осторожно озираясь по сторонам. - Сейчас мы утрем нос нулевикам. Как зовут капитана этого корабля?

- Горбовский, - сказал Горбовский, слегка кланяясь.

- А штурмана?

- Валькенштейн.

- Превосходно, - деловито сказал водитель птерокара. - Итак, вы - Горбовский, а я - Валькенштейн. Пошли!

Он взял Горбовского под локоть. Горбовский уперся.

- Слушайте, Горбовский, мы ничем не рискуем. Эти корабли мне отлично знакомы. Я сам летел сюда на десантнике. Мы проберемся в склад, возьмем по ульмотрону и запремся в кают-компанию. Когда все это кончится, - он небрежным жестом указал на машины, - мы спокойно выйдем.

- А вдруг придет настоящий штурман?

- Настоящему штурману придется долго доказывать, что он настоящий, - веско возразил самозванный штурман.

Горбовский хихикнул и сказал:

- Пошли.

Лжештурман пригладил волосы, сделал глубокий вдох и решительно двинулся вперед. Они стали протискиваться между машинами. Лжештурман говорил непрерывно - у него вдруг прорезался глубокий, внушительный бас.

- Я полагаю, - во всеуслышание вещал он, - что прочистка диффузоров только задержит нас. Предлагаю просто сменить половину комплектов, а основное внимание уделить осмотру обшивки. Товарищ, продвиньте немного вашу машину! Вы мешаете... Так вот, Валентин Петрович, при выходе на деритринитацию... Подайте ваш грузовик назад, товарищ. Не понимаю, зачем вы толпитесь? Существует очередь, существует список, закон, наконец... Вышлите представителей... Валентин Петрович, не знаю как вас, а меня поражает дикость аборигенов. Такого мы с вами не видели даже на Пандоре среди тахоргов...

- Вы совершенно правы, Марк, - сказал Горбовский, развлекаясь.

- Что? Ну да, само собой... Ужасные нравы!

Девушка в шелковой косынке, высунувшись из кабины "биндюга", осведомилась:

- Штурман и капитан, если не ошибаюсь?

- Да! - с вызовом сказал штурман. - И, как штурман, я рекомендовал бы вам еще раз прочитать инструкцию о порядке разгрузки.

- Вы думаете, это необходимо?

- Несомненно. Вы совершенно напрасно ввели ваш грузовик в двадцатиметровую зону...

- А знаете, друзья, - раздался веселый молодой голос, - у этого штурмана фантазия победнее, чем у первых двух.

- Что вы хотите этим сказать? - оскорбленно спросил лжештурман. В лице его было что-то от лже-Нерона.

- Понимаете, - проникновенно сказала девушка в косынке. - Вон там, на

пустых ящиках, уже сидят два штурмана и один капитан. А пустые ящики - это упаковка ульмотронов, которые увез бортинженер - скромная такая молодая женщина. За нею сейчас гонится уполномоченный Совета...

- Как вам это нравится, Валентин Петрович? - вскричал лжештурман. - Самозванцы, а?

- У меня такое ощущение, - задумчиво сказал Горбовский, - что мне не попасть на собственный корабль.

- Верное рассуждение, - сказала девушка в косынке. - И уже не новое.

Штурман решительно было двинулся вперед, но тут "биндюг" справа немного передвинулся влево, черно-желтый "дилижанс" слева чуть-чуть подался вправо, а прямо на пути к заветному люку вдруг злобно заворочались, отбрасывая комья земли, оскаленные зубья "крота".

- Валентин Петрович! - с негодованием воскликнул лжештурман. - В таких условиях я не гарантирую готовности звездолета!

- Старо! - грустно сказал водитель "дилижанса".

Звонкий веселый голос проговорил:

- Какой это штурман! Скука зевотная. Вот помните второго штурмана - этот действительно развлек! Как он задира на себе майку и показывал следы метеоритных ударов!

- Нет, первый был лучше, - сказал, обернувшись, водитель "крота".

- Да, он был хорош, - согласилась девушка в косынке. - Как это он шел среди машин, держа перед глазами фотографию, и жалобно так приговаривал: "Галю моя, Галю! Галю дорогая! Далеко ты, Галю, от ридного края!"

Лжештурман, подавленно опустив голову, сковыривал комья земли с блестящих зубьев "крота".

- Ну, а вы что скажете? - обратился водитель "дилижанса" к Горбовскому. - Что же вы все молчите? Надо что-нибудь говорить... Что-нибудь убедительное.

Все с любопытством ждали.

- Вообще я мог бы войти через пассажирский люк, - задумчиво сказал Горбовский.

Лжештурман с надеждой вскинул голову и посмотрел на него.

- Не могли бы, - покачал головой водитель. - Он заперт изнутри.

В наступившей паузе был отчетливо слышен голос Канэко:

- Не могу я вам дать десять комплектов, поймите, товарищ Прозоровский!

- А вы поймите меня, товарищ Канэко! У нас заявка на десять комплектов. Как я вернусь с шестью?

Кто-то вмешался:

- Берите, Прозоровский, берите... Берите пока шесть. У нас четыре комплекта освободятся через неделю, и я вам пришлю.

- Вы обещаете?

Девушка в косынке сказала:

- Прозоровского просто жалко. У них шестнадцать схем на ульмотронах!

- Да, нищета, - вздохнул водитель "дилижанса".

- А у нас пять, - горестно сказал лжештурман. - Пять схем и всего один ульмотрон. Что, казалось бы, им стоило привезти штук двести.

- Мы могли бы привести и двести и триста, - сказал Горбовский. - Но ульмотроны нужны сейчас всем. На Земле заложили шесть новых У-конвейеров...

- У-конвейер! - сказала девушка в косынке. - Легко сказать!.. Вы представляете себе технологию ульмотрона?

- В самых общих чертах.

- Шестьдесят килограммов ультрамикрорэлементов... Ручное управление сборкой, полумикронные допуски... А какой уважающий себя человек пойдет в сборщики? Вот вы бы пошли?

- Набирают добровольцев, - сказал Горбовский.

- А!.. - с отвращением сказал водитель "крота". - Неделя помощи физикам!..

- Ну что ж, Валентин Петрович, - сказал лжештурман, стыдливо улыбаясь. - Так нас, по-видимому, и не пустят...

- Меня зовут Леонид Андреевич, - сказал Горбовский.

- А меня Ганс, - уныло признался лжештурман. - Пошли посидим на ящиках. Вдруг что-нибудь случится...

Девушка в косынке помахала им рукой. Они выбрались из толпы машин и

присели на ящиках рядом с другими лжезвездолетчиками. Их встретили сочувственно-насмешливым молчанием.

Горбовский ощупал ящик. Пластмасса была грубая и жесткая. На солнце было жарко. Делать Горбовскому здесь было совершенно нечего, но, как всегда, ему страшно хотелось познакомиться с этими людьми, узнать, кто они и как дошли до жизни такой, и вообще как идут дела. Он составил вместе несколько ящиков, спросил: "Можно я лягу?", лег, вытянувшись во всю длину, и с помощью струбцинки укрепил возле головы микрокондиционер. Потом он включил проигрыватель.

- Меня зовут Горбовский, - представился он. - Леонид. Я был капитаном этого звездолета.

- Я тоже был капитаном этого звездолета, - мрачно сообщил грузный темнолицый человек, сидевший справа. - Меня зовут Альпа.

- А меня зовут Банин, - заявил голый до пояса худощавый юноша в белой панаме. Я был и остаюсь штурманом. Во всяком случае, пока не получу ульмотрон.

- Ганс, - коротко сказал лже-Валькенштейн, усевшись на траву поближе к микрокондиционеру.

Третий лжештурман, видимо, не слышал их. Он сидел к ним спиной и что-то писал, положив блокнот на колени.

Из толпы выехал длинный "гепард". Дверца приоткрылась, оттуда вылетели пустые коробки из-под ульмотронов, и "гепард" умчался в степь.

- Прозоровский, - сказал Банин с завистью.

- Да, - сказал Альпа горько. - Прозоровскому не приходится врать. Правая рука Ламондуа. - Он глубоко вздохнул. - Никогда не врал. Терпеть не могу врать. И теперь очень нехорошо на душе.

Банин сказал глубокомысленно:

- Если человек начинает врать помимо всякого желания, значит где-то что-то разладилось. Сложное последствие.

- Все дело в системе, - сказал Ганс. - Все дело в этой исходной установке: больше получает тот, у кого лучше выходит.

- А вы предложите другую установку, - сказал Горбовский. - Не получается у тебя ничего - на тебе ульмотрон. Получается - посиди на ящиках...

- Да, - сказал Альпа. - Какой-то страшный срыв. Кто когда-либо слышал об очередях за оборудованием? Или за энергией? Ты давал заявку, и тебя обеспечивали... Тебя никогда даже не интересовало, откуда это берется. То есть интуитивно было ясно, что существует масса людей, с удовольствием работающих в сфере материального обеспечения науки. Между прочим, это действительно очень интересная работа. Помню, я сам после школы с большим увлечением занимался рационализацией сборки нейтринных схем. Сейчас о них уже не помнят, но когда-то это был очень популярный метод - нейтринный анализ. - Он достал из кармана почерневшую трубку и медленными уверенными движениями набил ее. Все с любопытством следили за ним. - Хорошо известно, что относительная численность потребителей оборудования и производителей оборудования с тех пор существенно не изменилась. Но, видимо, произошел какой-то чудовищный скачок в потребностях. Судя по всему - я просто смотрю вокруг, - среднему исследователю требуется сейчас раз в двадцать больше энергии и оборудования, чем в мое время. - Он глубоко затянулся, и трубка засипела и захрипела. - Такое положение объяснимо. Испокон веков считается, что наибольшего внимания заслуживает та проблема, которая дает максимальный ливень новых идей. Это естественно, иначе нельзя. Но если первичная проблема лежит на субэлектронном уровне и требует, скажем, единицы оборудования, то каждая из десяти дочерних проблем опускается в материю по крайней мере на этаж глубже и требует уже десяти единиц. Ливень проблем, вызывает ливень потребностей. И я уже не говорю о том, что интересы производителей оборудования далеко не всегда совпадают с интересами потребителей.

- Заколдованный круг, - сказал Банин. - Прозевали наши экономисты.

- Экономисты тоже исследователи, - возразил Альпа. - Они тоже имеют дело с ливнями проблем. И раз уж мы заговорили об этом, то вот любопытный парадокс, который очень интересует меня последнее время. Возьмите нуль-Т. Молодая, плодотворная и очень перспективная проблема. Поскольку она плодотворная, Ламондуа по праву получает огромное материальное и энергетическое обеспечение. Чтобы сохранить за собой это материальное

обеспечение, Ламондуа вынужден непрерывно гнать вперед - быстрее, глубже и... уже. А чем быстрее и глубже он забирается, тем больше ему нужно и тем сильнее он ощущает нехватку, пока, наконец, не начинает тормозить сам себя. Взгляните на эту очередь. Сорок человек ждут и тратят драгоценное время. Треть всех исследователей Радуги тратит время, нервную энергию и темп мысли! А остальные две трети сидят сложа руки по лабораториям и могут думать сейчас только об одном: привезут или не привезут? Это ли не самоторможение? Стремление сохранить приток материальных ресурсов порождает гонку, гонка вызывает непропорциональный рост потребностей, и в результате возникает самоторможение.

Альпа замолчал и стал выколачивать трубку. Из толпы машин, расталкивая их направо и налево, выбрался "крот". В окне нелепо высокой кабины торчала крышка новенького ульмотрона. Проезжая мимо, водитель помахал лже-звездолетчикам.

- Хотел бы я знать, зачем Следопытам ульмотрон, - пробормотал Ганс.

Никто не ответил. Все провожали взглядом "крота", на задней стенке которого красовался опознавательный знак Следопытов - черный семиугольник на красном щитке.

- По-моему, все-таки, - сказал Банин, - виноваты экономисты. Надо было предвидеть. Надо было двадцать лет назад повернуть школы так, что бы сейчас хватало кадров для обеспечения науки.

- Не знаю, не знаю, - сказал Альпа. - Возможно ли вообще планировать такой процесс? Мы мало знаем об этом, но ведь может оказаться, что установить равновесие между духовным потенциалом исследователей и материальными возможностями человечества вообще нельзя. Грубо говоря, идей всегда будет гораздо больше, чем ульмотронов.

- Ну, это еще надо доказать, - сказал Банин.

- А я ведь не сказал, что это доказано. Я только предположил.

- Такое предположение порочно, - заявил Банин. Он начинал горячиться.

- Оно утверждает кризис на вечные времена! Это же тупик!..

- Почему же тупик? - тихонько сказал Горбовский. - Наоборот.

Банин не слушал.

- Надо выходить из кризиса! - говорил он. - Надо искать выходы! И выход уж, конечно, не в мрачных предположениях!

- А почему же в мрачных? - сказал Горбовский. На него опять не обратили внимания.

- Отказываться от основного принципа распределения нельзя, - говорил Банин. - Это будет просто нечестно по отношению к самым лучшим работникам. Вы будете двадцать лет жевать одну частную проблему, а энергии, скажем, получать столько же, сколько Ламондуа. Это же нелепо! Значит, выход не здесь? Не здесь. Вы сами-то видите выход? Или вы ограничиваетесь холодной регистрацией?

- Я старый научный работник и старый человек, - сказал Альпа. - Всю свою жизнь занимаюсь физикой. Правда, сделал я мало, я рядовой исследователь, но не в этом дело. Вопреки всем этим новым теориям я убежден, что смысл человеческой жизни - это научное познание. И, право же, мне горько видеть, что миллиарды людей в наше время сторонятся науки, ищут свое призвание в сентиментальном общении с природой, которое они называют искусством, удовлетворяются скольжением по поверхности явлений, которое они называют эстетическим восприятием. А мне кажется, сама история предопределила разделение человечества на три группы: солдаты науки, воспитатели и врачи, которые, впрочем, тоже солдаты науки. Сейчас наука переживает период материальной недостаточности, а в то же время миллиарды людей рисуют картинки, рифмуют слова... Вообще создают в_п_е_ч_а_т_л_е_н_и_я. А ведь среди них много потенциально великолепных работников. Энергичных, остроумных, с невероятной трудоспособностью.

- Ну, ну! - сказал Банин.

Альпа промолчал и начал набивать трубку.

- Разрешите, я продолжу вашу мысль, - сказал Горбовский. - Я вижу, вы не решаетесь.

- Попробуйте, - сказал Альпа.

- Хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат науки новые У-конвейеры, собирать тау-тракторы, лить эргохронные призмы...

- Вот чепуха! - разочарованно сказал Банин.

- Да, это чепуха, - согласился Альпа. - Но наши мысли не зависят от наших симпатий и антипатий. Мысль эта глубоко мне неприятна, она даже пугает меня, но она возникла... И не только у меня.

- Это бесплодная мысль, - лениво сказал Горбовский, глядя в небо. - Попытка разрешить противоречие между общим духовным и материальным потенциалом человечества в целом. Она ведет к новому противоречию, старому и банальному, - между машинной логикой и системой морали и воспитания. В таком столкновении машинная логика всегда терпит поражение.

Альпа кивнул и окутался облаками дыма. Ганс задумчиво проговорил:

- Мысль страшненькая. Помните "проект десяти"? Когда Совету предложили перебросить в науку часть энергии из Фонда изобилия... Во имя чистой науки попрятать человечество в области элементарных потребностей. Помните этот лозунг: "Ученые готовы голодать"?

Банин подхватил:

- А Ямакава тогда встал и сказал: "А шесть миллиардов детей не готовы. Так же не готовы, как вы не готовы разрабатывать социальные проекты".

- Я тоже не люблю изуверов, - сказал Горбовский.

- Я вот недавно прочел книгу Лоренца, - сказал Ганс. - "Люди и проблемы"... Читали?

- Читали, - сказал Горбовский.

Альпа отрицательно помотал головой.

- Хорошая книга, правда? И поразила меня там одна мысль. Правда, Лоренц на ней не останавливается, говорит об этом мимоходом.

- Ну, ну? - сказал Банин.

- Я, помню, целую ночь об этом думал. Не хватало аппаратуры, ждали, пока подвезут, - знаете, обычная нервотрепка. И вот я пришел к такому выводу. Лоренц упоминает о естественном отборе в науке. Какие факторы определяют главенство научных направлений сейчас, когда наука не влияет или почти не влияет больше на материальное благосостояние?

- Ну, ну? - сказал Банин.

- И вот я пришел к такому выводу. Пройдет некоторое время, и те научные исследования, которые оказались наиболее успешными, впитают в себя все материальное обеспечение, непомерно углубятся, а остальные направления просто сами собой сойдут на нет. И вся наука будет состоять из двух-трех направлений, в которых никто, кроме корифеев, разбираться не будет. Понимаете меня?

- А, чушь! - сказал Банин.

- Ну почему же чушь? - спросил Ганс обиженно. - Вот факты. В науке существуют сотни тысяч направлений. В каждом работают тысячи людей. Лично я знаю четыре группы исследователей, которые из-за систематических неудач бросали работу и вливались в другие, более успешные группы. Я сам дважды так поступал...

Альпа сказал:

- Шутки шутками, а возьмите того же Ламондуа. Вот он рвется сломя голову к осуществлению нуль-Т. Нуль-Т, как и следовало ожидать, дает массу новых ответвлений. Но Ламондуа вынужден обрубить почти все эти ответвления, он просто вынужден игнорировать их. Потому что у него нет никакой возможности тщательно проработать каждое ответвление на перспективность. Мало того, он вынужден сознательно игнорировать заведомо поразительные и интересные вещи. Так, например, случилось с Волной. Неожиданное, удивительное и, на мой взгляд, грозное явление. Но, преследуя свою цель, Ламондуа пошел даже на раскол в своем лагере. Он поссорился с Аристотелем, он отказывается обеспечивать волновиков. Он идет вглубь, вглубь, его проблема становится все уже. Волна осталась у него далеко в тылу. Она для него только помеха, он слышать о ней не хочет. А она, между прочим, сжигает посевы...

Над космодромом загремел громкоговоритель всеобщего оповещения:

- Внимание, Радуга! Говорит директор. Старшего бригады испытателей Габу вместе с бригадой прошу немедленно явиться ко мне.

- Счастливые люди, - сказал Ганс. - Никакие ульмотроны им не нужны.

- У них своих забот хватает, - сказал Банин. - Видел я однажды, как они тренируются, - нет уж, я лучше буду лжештурманом... А потом два года сидеть без своего дела и каждый день слышать: "Потерпите еще чуть-чуть."

Вот, может быть, завтра..."

- Я рад, что вы заговорили о том, что в тылу, - сказал Горбовский. - "Белые пятна" науки. Меня этот вопрос тоже занимает. По-моему, у нас в тылу нехорошо... Например, Массачусетская машина. - Альпа покивал. Горбовский обратился к нему. - Вы, конечно, должны помнить. Сейчас о ней вспоминают редко. Угар кибернетики прошел.

- Ничего не могу вспомнить о Массачусетской машине, - сказал Банин. - Ну, ну?

- Знаете, это древнее опасение: машина стала умнее человека и подмяла его под себя... Полсотни лет назад в Массачусетсе запустили самое сложное кибернетическое устройство, когда-либо существовавшее. С каким-то там феноменальным быстродействием, необозримой памятью и все такое... И проработала эта машина ровно четыре минуты. Ее выключили, зацементировали все входы и выходы, отвели от нее энергию, заминировали и обнесли колючей проволокой. Самой настоящей ржавой колючей проволокой - хотите верьте, хотите нет.

- А в чем, собственно, дело? - спросил Банин.

- Она начала в_е_с_т_и_с_е_б_я, - сказал Горбовский.

- Не понимаю.

- И я не понимаю, но ее едва успели выключить.

- А кто-нибудь понимает?

- Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: "Леонид, это было страшно".

- Вот это здорово, - сказал Ганс.

- А, - сказал Банин. - Чушь. Это меня не интересует.

- А меня интересует, - сказал Горбовский. - Ведь ее могут включить снова. Правда, она под запретом Совета, но почему бы не снять запрет?

Альпа проворчал:

- Каждому времени свои злые волшебники и привидения.

- Кстати, о злых волшебниках, - подхватил Горбовский. - Я немедленно вспоминаю о казусе Чертовой Дюжины.

У Ганса горели глаза.

- Казус Чертовой Дюжины - как же! - сказал Банин. - Тринадцать фанатиков... Кстати, где они сейчас?

- Позвольте, позвольте, - сказал Альпа. Это те самые ученые, которые срачивали себя с машинами? Но ведь они же погибли.

- Говорят, да, - сказал Горбовский, - но ведь не в этом дело.

Прецедент создан.

- А что, - сказал Банин. - Их называют фанатиками, но в них, по-моему, есть что-то притягательное. Избавиться от всех этих слабостей, страстей, вспышек эмоций... Голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма. Исследователь, которому не нужны приборы, который сам себе прибор и сам себе транспорт. И никаких очередей за ульмотронами... Я это себе прекрасно представляю. Человек-флаер, человек-реактор, человек-лаборатория. Неуязвимый, бессмертный...

- Прошу прощения, но это не человек, - проворчал Альпа. - Это Массачусетская машина.

- А как же они погибли, если они бессмертны? - спросил Ганс.

- Разрушили сами себя, - сказал Горбовский. - Видно, не сладко быть человеком-лабораторией.

Из-за машин появился багровый от напряжения человек с цилиндром ульмотрона на плече. Банин соскочил с ящика и подбежал помочь ему. Горбовский задумчиво наблюдал, как они грузят ульмотрон в вертолет. Багровый человек жаловался:

- Мало того, что дают один вместо трех. Мало того, что теряешь половину дня. Тебе еще приходится доказывать, что ты имеешь право! Тебе не верят! Вы можете себе это представить - тебе не верят! Не верят!!!

Когда Банин вернулся, Альпа сказал:

- Все это довольно фантастично. Если вас интересует тыл, обратите лучше пристальное внимание на Волну. Каждая неделя - очередная нуль-транспортировка. И каждая нуль-транспортировка вызывает Волну. Большое или маленькое извержение. А занимаются Волной дилетантски. Не получилось бы второй Массачусетской машины, только без выключателя. Камилл - вы знаете Камилла? - рассматривает ее как явление планетарного масштаба, но его аргументы неудобопонятны. С ним очень трудно работать.

- Кстати, - сказал Ганс, - знаете точку зрения Камилла на будущее? Он считает, что нынешняя увлеченность наукой - это своего рода благодарность за изобилие, инерция тех времен, когда способность к логическому восприятию мира была единственной надеждой человечества. Он говорил так: "Человечество накануне раскола. Эмоционалисты и логики - по-видимому, он имеет в виду людей искусства и людей науки - становятся чужими друг другу, перестают друг друга понимать и перестают друг в друге нуждаться. Человек рождается эмоционалистом или логиком. Это лежит в самой природе человека. И когда-нибудь человечество расколется на два общества, так же чуждые друг другу, как мы чужды леонидьянам..."

- А, - сказал Банин. - Ну что за чепуха. Какой там раскол? Куда денется средний человек? Пагава, может быть, и смотрит на новую картину Сурда как баран на новые ворота, а Сурд, возможно, не понимает, зачем на свете существует Пагава, тут ничего не скажешь - вот тебе логик, а вот эмоционалист. А кто я? Да, я научный работник. Да, три четверти моего времени и три четверти моих нервов принадлежат науке. Но без искусства я тоже не могу! Вот у кого-то здесь играет проигрыватель, и мне очень хорошо. Я бы обошелся и без проигрывателя, но с ним мне гораздо лучше... Так вот, как же я, спрашивается, расколюсь?

- Я тоже так подумал, - сказал Ганс. - Но он говорил, что, во-первых, гений нашего времени - это средний человек будущего; а во-вторых, будто существует не один средний человек, а два - эмоционалист и логик. Во всяком случае, так я его понял.

- Я тобой восхищаюсь, - сказал Банин. - По-моему, когда слушаешь Камилла, понять нельзя ничего.

- А может быть, это был очередной парадокс Камилла? - сказал Горбовский задумчиво. - Он любит парадоксы. Впрочем, для парадокса это рассуждение, пожалуй, слишком прямолинейно.

- Ну, Леонид Андреевич, - сказал Ганс весело. - Вы все-таки учитывайте, что это не Камилловы рассуждения, а мои. Я вчера загорал на пляже, вдруг на камне возник Камилл - знаете его манеру? - и начал рассуждать вслух, обращаясь преимущественно к морским волнам. А я лежал и слушал, а потом заснул.

Все засмеялись.

- Камилл упражняется, - сказал Горбовский. - Я примерно представляю, зачем ему понадобился этот раскол. Видимо, его занимает вопрос об эволюции человека, и он строит модели. Синтез логиков и эмоционалистов представляется ему, вероятно, как новый человек, который уже не будет человеком.

Альпа вздохнул и спрятал трубку.

- Проблемы, проблемы... - сказал он. - Противоречия, синтез, тыл, фронт... А вы заметили, кто здесь сидит? Вы, вы... он... я... Неудачники. Отверженные науки. Наука вон - получает ульмотроны.

Он хотел сказать еще что-то, но тут громкоговоритель заревел снова:

- Внимание, Радуга! Говорит директор. Капитан звездолета "Таризель-Второй" Леонид Андреевич Горбовский. План-энергетик планеты товарищ Канэко. Прошу немедленно явиться ко мне.

Из машин сейчас же высунулись водители. На лицах их было написано неопишное удовольствие. Все они смотрели на лжезвездолетчиков. Банин, втянув голову в плечи, развел руками. Ганс весело крикнул: "Это не меня, я штурман!" Альпа закричал и закрыл лицо ладонью. Горбовский торопливо поднялся.

- Мне пора, - сказал он. - Очень не хочется уходить. Я так и не успел высказаться. Вот вкратце моя точка зрения. Не надо огорчаться и заламывать руки. Жизнь прекрасна. Между прочим, именно потому, что нет конца противоречиям и новым поворотам. А что касается неизбежных неприятностей, то я очень люблю Куприна, и у него есть один герой, человек вконец спившийся водкой и несчастный. Я помню наизусть, что он там говорит. - Он откашлялся. - "Если я попаду под поезд, и мне перережут живот, и мои внутренности смешаются с песком и намотаются на колеса, и если в этот последний миг меня спросят: "Ну что, и теперь жизнь прекрасна?" - Я скажу с благодарным восторгом: "Ах, как она прекрасна!" - Горбовский смущенно улыбнулся и запихнул проигрыватель в карман. - Это было сказано три века назад, когда человечество еще стояло на четвереньках. Давайте не будем жаловаться!.. А кондиционер я вам оставляю - здесь очень жарко.

Матвей был не один. На его столе, подложив под себя руки и болтая ногами, сидел маленький черноволосый человек, черноглазый, живой, похожий на школьника-выпускника. Это был Этьен Ламондуа, глава современной нуль-физики, "быстрый физик", как его называли коллеги.

- Можно? - спросил Горбовский.

- А вот и он, - сказал Матвей. - Вы знакомы?

Ламондуа стремительно соскочил со стола и, подойдя вплотную, крепко пожал Горбовскому руку, глядя на него снизу вверх.

- Рад вас видеть, капитан, - сказал он, мило улыбаясь. - Мы как раз говорили о вас.

Горбовский попятился и сел в кресло.

- А мы - о вас, - сказал он.

Этьен живо поклонился и вернулся на стол к директору.

- Итак, я продолжаю. "Харибды" стоят насмерть. Надо отдать Маляеву справедливость: он создал отличные машины. Любопытно, что северная Волна совершенно нового типа. Эти мальчишки уже успели назвать ее. П-волна, каково? По имени Шота. Черт возьми, я вынужден признаться, что рву на себе волосы! Как я раньше не обращал внимание на это великолепное явление? Придется извиниться перед Аристотелем. Он оказался прав. Он и Камилл. Я преклоняюсь перед Камиллом. Я преклонялся перед ним и раньше, но теперь я кажется понимаю, что он имел в виду. Кстати, вы знаете что Камилл погиб?

Матвей дернул головой.

- Опять?

- А, вы уже знаете! Странная история. Погиб и снова воскрес. Я слышал о таких вещах. На свете нет ничего нового. Между прочим, вы верите, что Скляров мог бросить его на съедение Волне? Я - нет. Итак, северная Волна достигла пояса контрольных станций. Первая, Лю-волна, рассеяна, вторая, П-волна, теснит "харибд" со скоростью до двадцати километров в час. Так что северные посевы, вероятно, все-таки погибнут. Биологов пришлось выслать на вертолетах...

- Знаю, - сказал директор. - Жаловались.

- Что поделаешь! Они вели себя хотя и понятным образом, но тем не менее недостойно. На океане движение Волны приостановлено. Там наблюдается явление, за которое Лю отдал бы полжизни: деформация кольцевой Волны. Эта деформация удовлетворяет каппа-уравнению, а если Волна - это каппа-поле, то становится сразу ясно все, над чем бился наш бедный Маляев: и Д-проницаемость, и телегенность фонтанов, и "вторичные призраки"... Черт возьми, за эти три часа мы узнали о Волне больше, чем за десять лет! Матвей, учтите: как только все это кончится, нам понадобится У-регистратор, может быть, даже два. Считайте, что я дал заявку. Обычные вычислители не помогут. Только Лю-алгоритмы, только Лю-логика!

- Хорошо, хорошо, - сказал Матвей. - А что на юге?

- На юге - океан. За юг вы можете быть спокойны. Там Волна дошла до Берега Пушкина, сожгла Южный архипелаг и остановилась. У меня такое впечатление, что она не пойдет дальше, и очень жаль, потому что наблюдатели удирали оттуда так поспешно, что бросили всю автоматику, и о южной Волне мы почти ничего не знаем. - Он с досадой щелкнул пальцами. - Я понимаю, вас интересует совсем другое. Но что делать, Матвей! Давайте смотреть на вещи реалистически. Радуга - это планета физиков. Это наша лаборатория. Энергостанции погибли, и их не вернешь. Когда закончится этот эксперимент, мы их отстроим заново, вместе. Нам ведь понадобится много энергии! А что касается рыбных промыслов, черт возьми... Нулевики морально готовы отказаться от ухи из кальмаров! Не сердитесь на нас, Матвей.

- Я не сержусь, - сказал директор с тяжелым вздохом. - Но есть, однако, в вас что-то от ребенка, Этьен. Вы как ребенок, играючи ломаете все, что так дорого взрослым. - Он снова вздохнул. - Постарайтесь сберечь хотя бы южные посевы. Очень мне не хочется терять автономию.

Ламондуа посмотрел на часы, кивнул и, не говоря ни слова, выскочил вон. Директор посмотрел на Горбовского.

- Как тебе это нравится, Леонид? - спросил он, невесело усмехаясь. - Да, дружище. Бедная Постышева! Она ангел по сравнению с этими вандалами.

Когда я думаю, что ко всем моим болячкам прибавятся еще хлопоты по восстановлению системы снабжения и ассенизации, у меня волосы встают дыбом. - Он подергал себя за ус. - А с другой стороны, Ламондуа прав - Радуга действительно планета физиков. Но что скажет Канэко, что скажет Джина... - Он помотал головой и передернул плечами. - Да! Канэко! А где Канэко?

- Матвей, - сказал Горбовский, - а можно мне узнать, зачем ты меня вызывал?

Директор, повернувшись к нему спиной, возился с клавишами селектора.

- Тебе удобно? - спросил он.

- Да, - сказал Горбовский. Он уже лежал.

- Может, тебе пить хочется?

- Хочется.

- Возьми в холодильнике. Может, тебе есть хочется?

- Еще нет, но скоро захочется.

- Вот тогда и поговорим. А пока не мешай мне работать.

Горбовский достал из холодильника соки и стакан, смешал себе коктейль и снова лег в кресло, откинув спинку. Кресло было мягкое, прохладное, коктейль был водянистым и вкусный. Он лежал, прихлебывая из стакана, с полужакрытыми от удовольствия глазами и слушал, как директор разговаривает с Канэко. Канэко сказал, что не может выбраться - его не пускают. Директор спросил: "Кто не пускает?" - "Здесь сорок человек, - ответил Канэко, - и каждый не пускает". - "Сейчас я пришлю к тебе Габу", - сказал директор. Канэко возразил, что здесь и так достаточно шумно. Тогда Матвей рассказал о Волне и напомнил извиняющимся тоном, что Канэко, помимо всего прочего, является начальником СИБ Радуги. Канэко сердито сказал, что он этого не помнит, и Горбовский ему посочувствовал.

Начальники Службы индивидуальной безопасности всегда вызывали у него чувство жалости и сострадания. На каждую освоенную, а иногда и не совсем еще освоенную планету рано или поздно начинали прибывать аутсайдеры - туристы, отпускники (всей семьей и с детьми), свободные художники, ищущие новых впечатлений, неудачники, ищущие одиночества или работы потруднее, разнообразные дилетанты, спортсмены-охотники и прочий люд, не числившийся ни в каких списках, никому на планете не известный, ни с кем не связанный и зачастую старательно уклонявшийся от каких-либо связей. Начальник СИБ был обязан лично знакомиться с каждым из аутсайдеров, инструктировать их и следить, чтобы каждый аутсайдер давал ежедневно о себе знать сигналом на регистрирующую машину. На зловещих планетах типа Яйлы или Пандоры, где новичка на каждом шагу подстерегали всевозможные опасности, команды СИБ спасли не одну человеческую жизнь. Но на плоской, как доска, Радуге, с ее ровным климатом, убогим животным миром и ласковым, всегда тихим морем СИБ неизбежно должна была превратиться и, судя по всему, превратилась в пустую формальность. И вежливый, корректный Канэко, чувствуя двусмысленность своего положения, занимался, конечно, не инструктажем литераторов, приехавших поработать в одиночестве, и не прослеживанием замысловатых маршрутов влюбленных и молодоженов, а своим планированием или каким-нибудь другим настоящим делом.

- Сколько сейчас на Радуге аутсайдеров? - спросил Матвей.

- Человек шестьдесят. Может быть, немного больше.

- Канэко, дружище, всех аутсайдеров надо немедленно разыскать и переправить в Столицу.

- Я не совсем понимаю, в чем смысл этого мероприятия, - вежливо сказал Канэко. - В угрожаемых районах аутсайдеры практически никогда не бывают. Там голая сухая степь, там дурно пахнет, очень жарко...

- Пожалуйста, не будем спорить, Канэко, - попросил Матвей. - Волна есть Волна. В такое время лучше, чтобы все незаинтересованные люди были под рукой. Сейчас сюда придет Габа со своими бездельниками, и я пошлю его к тебе. Организуй там.

Горбовский, отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана. Камилл погиб, подумал он. А погибнув, воскрес. Со мной такие вещи тоже бывали. Видно, эта пресловутая Волна вызвала порядочную панику. Во время паники всегда кто-нибудь гибнет, а потом ты очень удивляешься, встретив его в кафе в миллионе километров от места гибели. Физиономия у него поцарапана, голос хриплый и бодрый, он слушает анекдоты и убирает шестую порцию маринованных креветок с сычуанской капустой.

- Матвей, - позвал он. - А где сейчас Камилл?

- Ах да, ты еще не знаешь, - сказал директор. Он подошел к столику и стал смешивать себе коктейль из гранатового сока и ананасного сиропа. - Со мной говорил Маляев из Гринфилда. Камилл каким-то образом оказался на передовом посту, задержался там и попал под Волну. Какая-то запутанная история. Этот Складов - наблюдатель - примчался на Камилловом фляере, закатил истерику и заявил, что Камилл раздавлен, а через десять минут Камилл выходит на связь с Гринфилдом, по обыкновению пророчествует и снова исчезает. Ну разве можно после таких вот выходок принимать Камилла всерьез?

- Да, Камилл большой оригинал. А кто такой Складов?

- Наблюдатель у Маляева, я же тебе говорю. Очень старательный, милый парень, очень недалекий... Предполагать, что он предал Камилла - это же нелепо. Вечно Маляеву приходят в голову какие-то дикие мысли...

- Не обижай Маляева, - сказал Горбовский. - Он просто логичен. Впрочем, не будем об этом. Будем лучше о Волне.

- Будем, - рассеянно сказал директор.

- Это очень опасно?

- Что?

- Волна. Она опасна?

Матвей засопел.

- В общем-то Волна смертельно опасна, - сказал он. - Беда в том, что физики никогда не знают заранее, как она будет себя вести. Она, например, может в любой момент рассеяться. - Он помолчал. - А может и не рассеяться.

- И укрыться от нее нельзя?

- Не слыхал, чтобы кто-нибудь пробовал. Говорят, что это довольно страшное зрелище.

- Неужели ты не видел?

Усы Матвея грозно встопорщились.

- Ты мог бы заметить, - сказал он, - что у меня мало времени мотаться по планете. Я все время кого-нибудь жду, кого-нибудь умиротворяю, или кто-нибудь меня ждет... Уверю тебя, если бы у меня было свободное время...

Горбовский осторожно осведомился:

- Матвей, я, наверное, понадобился тебе, чтобы искать аутсайдеров, не так ли?

Директор сердито взглянул на него.

- Захотел есть?

- Н-нет.

Матвей прошелся по кабинету.

- Я скажу тебе, что меня расстраивает. Во-первых, Камилл предсказывал, что этот эксперимент окончится неблагополучно. Они не обратили на это никакого внимания. Я, следовательно, тоже. А теперь Ламонду признает, что Камилл был прав...

Дверь распахнулась, и в кабинет, блестя великолепными зубами, ввалился молодой громадный негр в коротких белых штанах, в белой куртке и в белых туфлях на босу ногу.

- Я прибыл! - объявил он, взмахнув огромными руками. - Что ты хочешь, о господин мой директор? Хочешь, я разрушу город или построю дворец? Хотел я, угадав твои желания, прихватить для тебя красивейшую из женщин, по имени Джина Пикбридж, но чары ее оказались сильнее, и она осталась в Рыбачьем, откуда и шлет тебе нелестные приветы.

- Я абсолютно ни при чем, - сказал директор. - Пусть шлет свои приветы Ламонду.

- Воистину, пусть! - воскликнул негр.

- Габа, - сказал директор, ты знаешь о Волне?

- Разве это Волна? - презрительно сказал негр. - Вот когда в стартовую камеру войду я, и Ламонду нажмет пусковой рычаг, вот тогда будет настоящая Волна! А это вздор, зыбь, рябь! Но я слушаю тебя и готов повиноваться.

- Ты с бригадой? - спросил директор терпеливо. Габа молча показал на окно. - Ступай с ними на космодром, ты поступаешь в распоряжение Канэко.

- На голове и на глазах, - сказал Габа. В тот же момент здоровенные глотки за окном грянули под банджо на мотив псалма "У стен Иерихонских":

На веселой Радуге,
Радуге, Радуге...

Габа в один шаг очутился у окна и гаркнул:

- Ти-хо!

Песня смолкла. Тонкий чистый голос жалобно протянул:

Dig my grave both long and narrow,
Make my coffin neat and strong!..

<Выройте мне могилу, длинную и узкую,
Гроб мне крепкий сделайте, чистый и уютный...
(Народная американская песня)>

- Я иду, - с некоторым смущением сказал Габа и мощным прыжком перемахнул через подоконник.

- Дети... - проворчал директор, ухмыляясь. Он опустил раму. - Застоялись младенцы. Не знаю, что я буду делать без них.

Он остался стоять у окна, и Горбовский, прикрыв глаза, смотрел ему в спину. Спина была широченная, но почему-то такая сгорбленная и несчастная, что Горбовский забеспокоился. У Матвея, звездолетчика и десантника, просто не могло быть такой спины.

- Матвей, - сказал Горбовский. - Я тебе правда нужен?

- Да, - сказал директор. - Очень. - Он все смотрел в окно.

- Матвей, - сказал Горбовский. - Расскажи мне, в чем дело.

- Тоска, предчувствия, заботы, - продекламировал Матвей и замолчал.

Горбовский поерзал, устраиваясь, тихонько включил проигрыватель и так же тихонько сказал:

- Ладно, дружок. Я посижу здесь с тобой просто так.

- Угу. Ты уж посиди, пожалуй.

Грустно и лениво звенела гитара, за окном пылало горячее пустое небо, а в кабинете было прохладно и сумеречно.

- Ждать. Будем ждать, - громко сказал директор и вернулся в свое кресло.

Горбовский промолчал.

- Да! - сказал он. - Какой же я невежливый! Я совсем забыл. Что Женечка?

- Спасибо, хорошо.

- Она не вернулась?

- Нет. Так и не вернулась. По-моему, она теперь и думать об этом не хочет.

- Все Алешка?

- Конечно. Просто удивительно, как это оказалось для нее важно.

- А помнишь, как она клялась: "Вот пусть только родится!.."

- Я все помню. Я помню такое, чего ты и не знаешь. Она с ним сначала ужасно мучилась. Жаловалась. "Нет, - говорит, - у меня материнского чувства. Урод я. Дерево". А потом что-то случилось. Я даже не заметил как. Правда, он очень славный поросенок. Очень ласковый и умница. Гулял я с ним однажды вечером в парке. Вдруг он спрашивает: "Папа, что это приседает?" Я сначала не понял. Потом... Понимаешь, ветер, качается фонарь, и тени от него на стене. "Приседает". Очень точный образ, правда?

- Правда, - сказал Горбовский. - Писатель будет. Только хорошо бы отдать его все-таки в интернат.

Матвей махнул рукой.

- Не может быть и речи, - сказал он. - Она не отдаст. И ты знаешь, сначала я спорил, а потом подумал: "Зачем? Зачем отнимать у человека смысл жизни?" Это ее смысл жизни. Мне это недоступно, - признался он, - но я верю, потому что вижу. Может быть, дело в том, что я много старше ее. И слишком поздно для меня появился Алешка. Я иногда думаю, как бы я был одинок, если бы не знал, что каждый день могу его видеть. Женька говорит, что я люблю его не как отец, а как дед. Что ж, очень может быть. Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Я понимаю. Но мне это незнакомо. Я, Матвей, никогда не был одиноким.

- Да, - сказал Матвей. - Сколько я тебя знаю, вокруг тебя все время

крутятся люди, которым ты позарез нужен. У тебя очень хороший характер, тебя все любят.

- Не так, - сказал Горбовский. - Это я всех люблю. Прожил я чуть не сотню лет и, представь себе, Матвей, не встретил ни одного неприятного человека.

- Ты очень богатый человек, - проговорил Матвей.

- Кстати, - вспомнил Горбовский. - Вышла в Москве книга. "Нет горше твоей радости". Сергея Волковского. Очередная бомба эмоциологов. Генкин разразился желчной статьей. Очень остроумно, но неубедительно: литература, мол, должна быть такой, чтобы ее было приятно препарировать. Эмоциологи ядовито смеялись. Наверное, все это продолжается до сих пор. Никогда я этого не пойму. Почему они не могут относиться друг к другу терпимо?

- Это очень просто, - сказал Матвей. - Каждый воображает, что делает историю.

- Но он делает историю! - возразил Горбовский. - Каждый действительно делает историю! Ведь мы, средние люди, все время так или иначе находимся под их влиянием.

- Не хочется мне об этом спорить, - сказал Матвей. - Некогда мне об этом думать, Леонид. Я под их влиянием не нахожусь.

- Ну давай не будем спорить, - сказал Горбовский. - Давай выпьем сока. Если хочешь, я даже могу выпить местного вина. Но только если это действительно тебе поможет.

- Мне сейчас поможет только одно. Ламондуа явится сюда и разочарованно скажет, что Волна рассеялась.

Некоторое время они молча пили сок, поглядывая друг на друга поверх бокалов.

- Что-то давно к тебе никто не звонит, - сказал Горбовский. - Даже как-то странно.

- Волна, - сказал Матвей. - Все заняты. Раздоры забыты. Все удирают.

Дверь в глубине кабинета отворилась, и на пороге появился Этьен Ламондуа. Лицо у него было задумчивое, и двигался он необычайно медленно и размеренно. Директор и Горбовский молча смотрели, как он идет, и Горбовский почувствовал неприятное ощущение под ложечкой. Он еще представления не имел о том, что происходит или произошло, но уже знал, что уютно лежать больше не придется. Он выключил проигрыватель.

Подойдя к столу, Ламондуа остановился.

- Кажется, я огорчу вас, - медленно и ровно сказал он. - "Харибды" не выдержали. - Голова Матвея ушла в плечи. - Фронт прорван на севере и на юге. Волна распространяется с ускорением десять метров в секунду за секунду. Связь с контрольными станциями прервана. Я успел отдать приказ об эвакуации ценного оборудования и архивов. - Он повернулся к Горбовскому. - Капитан, мы надеемся на вас. Будьте добры, скажите, какая у вас грузоподъемность?

Горбовский, не отвечая, смотрел на Матвея. Глаза директора были закрыты. Он бесцельно гладил поверхность стола огромными ладонями.

- Грузоподъемность? - повторил Горбовский и встал. Он подошел к директорскому пульта, нагнулся к микрофону всеобщего оповещения и сказал: - Внимание, Радуга! Штурману Валькенштейну и бортинженеру Диксону срочно явиться на борт звездолета.

Потом он вернулся к Матвею и положил руку ему на плечо.

- Ничего страшного, дружок, - сказал он. - Поместимся. Отдай приказ эвакуировать Детское. Я займусь яслями. - Он оглянулся на Ламондуа. - А грузоподъемность у меня маленькая, Этьен, - сказал он.

Глаза у Этьена Ламондуа были черные и спокойные - глаза человека, знающего, что он всегда прав.

Роберт видел, как все это произошло.

Он сидел на корточках на плоской крыше башни дальнего контроля и осторожно отсоединял антенны-приемники. Их было сорок восемь - тонких тяжелых стерженьков, вмонтированных в скользящую параболическую раму, и каждый нужно было аккуратно вывернуть и со всеми предосторожностями

уложить в специальный футляр. Он очень торопился и то и дело поглядывал через плечо на север.

Над северным горизонтом стояла высокая черная стена. По гребню ее, там, где она упиралась в тропопаузу, шла ослепительная световая кайма, а еще выше в пустом небе вспыхивали и гасли бледные сиреневые разряды. Волна надвигалась неодолимо, но очень медленно. Не верилось, что ее сдерживает редкая цепь неуклюжих машин, казавшихся отсюда совсем маленькими. Было как-то особенно тихо и знойно, и солнце казалось особенно ярким, как в предгрозовые минуты на Земле, когда все затихает и солнце еще светит всюду, но полнеба уже закрыто черно-синими тяжелыми тучами. В этой тишине было что-то особенно зловещее, непривычное, почти потустороннее, потому что обыкновенно наступающая Волна бросала впереди себя многобальные ураганы и рев бесчисленных молний.

А сейчас было совсем тихо. До Роберта отчетливо доносились торопливые голоса с площади внизу, где в тяжелый вертолет навалом грузили особо ценное оборудование, дневники наблюдений, записи автоматических приборов. Было слышно, как Пагава гортанно бранит кого-то за то, что преждевременно сняли анализаторы, а Маляев неспешно обсуждает с Патриком сугубо теоретический вопрос о вероятном распределении зарядов в энергетическом барьере над Волной. Все население Гринфилда собралось сейчас в этой башне под ногами Роберта и на площади. Взбунтовавшиеся биологи и две компании туристов, остановившиеся накануне в поселке на ночлег, были отправлены за полосу посевов. Биологов отправили на птерокаре вместе с лаборантами, которым Пагава приказал оборудовать за полосой посевов новый наблюдательный пункт, а за туристами прибыл специальный аэробус из Столицы. И биологи и туристы были очень недовольны; и когда они улетели, в Гринфилде остались только довольные.

Роберт работал почти машинально и, как всегда, работая руками, думал о самых разных вещах. Очень болит плечо. Странно: плечом нигде не стукнулся. Живот саднит, ну, живот понятно - когда споткнулся об ульмотрон. Интересно, как сейчас выглядит этот ульмотрон. И как выглядит мой птерокар. И как выглядит... Интересно, что здесь будет через три часа. Цветники жалко... Детишки целое лето трудились, выдумывали самые фантастические сочетания цветов. И тогда мы познакомились с Таней. Та-ня, - тихонько позвал он. Как ты там сейчас? Он прикинул расстояние от фронта Волны до Детского. Безопасно, подумал он с удовлетворением. Они там, наверное, и не знают о том, что Волна, что взбунтовались биологи, что я чуть не погиб, что Камилл...

Он выпрямился, вытер лицо тыльной стороной ладони и посмотрел на юг, на бесконечные зеленые поля хлеба. Он пытался думать о гигантских стадах мясных коров, которых перегоняют сейчас в глубь континента; о том, как много придется работать над восстановлением Гринфилда, когда рассеется Волна; и как неприятно после двухлетнего изобилия снова возвращаться к синтепище, к искусственным бифштексам, к грушам с привкусом зубной пасты, к хлорелловым "супам сельским", к котлетам бараньим квазибиотическим и прочим чудесам синтеза, будь они неладны... Он думал о чем попало, но он ничего не мог сделать.

Никуда не уйти от удивленных глаз Пагавы, от ледяного тона Маляева, от преувеличенно-участливого обращения Патрика. Самое страшное, что ничего нельзя сделать. Что со стороны это должно выглядеть, мягко выражаясь, странно. А зачем, собственно, выражаться мягко? Это выглядит попросту однозначно. Испуганный наблюдатель в растерзанном виде прилетает в чужом флаере и заявляет о гибели товарища. А товарищ, оказывается, был жив. Товарищ, оказывается, погиб уже после, когда испуганный наблюдатель удирал на его флаере. Но он же был раздавлен насмерть, в десятый раз повторял про себя Роберт. А может быть, это был просто бред? Может быть, я перепугался до бреда? Никогда не слыхал о таких вещах. Но ведь и о том, что случилось - если это случилось, - я тоже никогда не слыхал. Ну и пусть, в отчаянии подумал он. Пусть не верят. Танюшка поверит. Только бы она поверила! А им все равно, они о Камилле забыли сразу. Они будут вспоминать о нем, только когда будут видеть меня. И будут смотреть на меня своими теоретическими глазами, и анализировать, и сопоставлять, и взвешивать. И строить наименее противоречивые гипотезы, и только правды они никогда не узнают... И я тоже никогда не узнаю правды.

Он вывернул последнюю антенну, уложил ее в футляр, затем собрал все

футляры в плоский картонный ящик, и тут с севера донесся гулкий хлопок, словно в огромном пустом зале лопнул воздушный шарик. Обернувшись, Роберт увидел, как на аспидно-черном фоне Волны встает длинный белый факел. Горела "харибда". Сейчас же внизу смолкли голоса, взвыл и заглох работавший вхолостую мотор вертолета. Наверное, все там прислушивались и смотрели на север. Роберт еще не понял, что произошло, когда затряслось, задрезжалось и из-под башни, подминая уцелевшие пальмы, поползла резервная "харибда", задирая на ходу раструб поглотителя. На открытом месте она взревела так, что заложило уши, и покатила на север затыкать прорыв, окутавшись облаком рыжей пыли.

Дело было довольно обычное: одна из "харибд" не успела отвести в базальт избыток энергии из емкостей, и Роберт уже нагнулся за картонным ящиком, но тут у подножья черной стены что-то ярко вспыхнуло, взлетел веер разноцветного пламени, и еще один столб белого дыма, наливаясь и густея на глазах, потянулся к небу. Докатился новый хлопок. Внизу дружно закричали, и Роберт сразу увидел далеко к востоку еще несколько факелов. "Харибды" вспыхивали одна за другой, и через минуту тысячекилометровая стена Волны, напоминавшая теперь классную доску, исчерченную мелом, качнулась и поползла вперед, выбрасывая перед собой в степь черные вспухающие кляксы. Роберт с трудом глотнул пересохшим горлом и, подхватив ящик, побежал вниз по лестнице.

По коридорам метались люди. Пробежала перепуганная Зиночка, прижимая к груди пачку коробок с пленкой. Гасан Али-Заде и Карл Гофман со сверхъестественной скоростью волокли к выходу громоздкий саркофаг лабораторного хемостазера - их словно ветром несло. Кто-то звал: "Идите сюда! Не могу я один! Гасан!.." В вестибюле зазвенело разбитое стекло. Зафыркали моторы на площади. В диспетчерской, топчя разбросанные карты и бумаги, прыгал перед экраном Пагава и нетерпеливо кричал: "Почему не слышишь? "Харибды" горят! Горят "харибды", говорю! Волна пошла! Ничего, понимаешь, не слышу!.. Этьен! Если понял, кивни!.."

Роберт, морщась от боли, взвалил коробку на плечо и стал спускаться в вестибюль. Позади кто-то, шумно дыша, грохотал по ступенькам. Вестибюль был усеян оберточной бумагой и обломками какого-то прибора. Дверь из небьющегося стекла была расколота вдоль. Роберт боком протиснулся на крыльцо и остановился. Он увидел, как один за другим уходят в небо битком набитые птерокары. Он увидел, как Маляев, молча, с каменным лицом, впихивает в последний птерокар девушек-лаборанток. Он увидел, как Гасан и Карл, разевая от натуги рты, пытаются закинуть свой саркофаг в дверцу вертолета, а кто-то изнутри старается им помочь, и каждый раз саркофаг бьет его по пальцам. Он увидел Патрика, совершенно спокойного, сонного Патрика, прислонившегося спиной к заднему фонарю вертолета с видом сосредоточенным и задумчивым. А повернув голову, он увидел чуть ли не над собой угольно-черную стену Волны, бархатным занавесом закрывающую небо.

- Перестаньте же грузить! - закричал у него над ухом Пагава. - Опомнитесь! Немедленно бросьте этот гроб!

Хемостазер с тяжким звоном рухнул на бетон.

- Выбрасывайте все! - кричал Пагава, сбега с крыльца. - Всем в вертолет немедленно! Не видите, да? Я кому говорю, Скляр! Патрик, заснул?!

Роберт не двинулся с места. Патрик тоже. В это время Маляев, навалившись, захлопнул дверцу птерокара и замахал руками. Птерокар растопырил крылья, тяжело подпрыгнул и, перекосившись на борт, ушел за крыши. Из вертолета летели ящики. Кто-то вопил плачущим голосом: "Не дам, Шота Петрович! Это я им не дам!.." - "Дашь, голубчик! - ревел Пагава. - Еще ка дашь!" К Пагаве подбежал Маляев, крича что-то и указывая на небо. Роберт поднял глаза. Маленький вертолет-наводчик, утыканный, как еж, антеннами, с ужасным воем перегретого двигателя пронесся над площадью и, быстро уменьшаясь, умчался на юг. Пагава воздел над головой стиснутые кулаки:

- Куда? - заорал он. - Назад! Назад, шени деда! Прекратить панику! Остановить его!

Все это время Роберт стоял на крыльце, удерживая на ноющем плече тяжелый картонный ящик. У него было такое впечатление, будто он в кино. Вот разгружают вертолет. То есть попросту вываливают из него все, что попадает под руку. Вертолет действительно перегружен - это видно по

просевшим шасси. Рядом с вертолетом толкуются. Сначала толклись с криками, теперь замолчали. Гасан сосет косточки на пальцах - наверное, ободрался. Патрик, кажется, совсем заснул. Нашел время и, главное, место!.. Карл Гофман, человек педантичный (то, что называется "вдумчивый и осторожный ученый"), подхватывает летящие из вертолета ящики и пытается складывать их аккуратно - вероятно, для самоутверждения. Пагава нетерпеливо прыгает возле вертолета и все время поглядывает то на Волну, то на башню контроля. Ему явно не хочется улетать, и он жалеет, что он здесь старший. Маляев стоит в стороне и тоже смотрит на Волну - не отрываясь и с холодной враждой. А в тени коттеджа, где жил Патрик, стоит мой флаер. Интересно, кто его туда отвел и зачем? На флаер никто не обращает внимания, да он не нужен никому: осталось человек десять, не меньше. Вертолет хороший, мощный, класса "гриф", но при таком грузе он пойдет с половинной скоростью. Роберт поставил ящик на ступеньку.

- Не успеем, - сказал Маляев.

В голосе его была такая тоска и горечь, что Роберт удивился. Но он уже знал, что все успеют.

Он подошел к Маляеву.

- Есть еще резервная "харибда", - сказал он. - Четверть часа вам хватит?

Маляев смотрел на него, не понимая.

- Есть две резервные "харибды", - холодно сказал он и вдруг понял.

- Ладно, - сказал Роберт. - Не забудьте Патрика. Он с той стороны вертолета.

Роберт повернулся и побежал. Вслед ему закричали, но он не оглядывался. Он бежал изо всех сил, перепрыгивая через брошенные аппараты, через грядки с декоративными растениями, через аккуратно подстриженные кусты с пахучими белыми цветами. Он бежал к западной окраине. Справа над крышами стояла черная бархатная стена, упиравшаяся в зенит, а слева палило ослепительное белое солнце. Роберт обогнул последний дом и сразу наткнулся на необъятную корму "харибды". Он увидел ключья зелени, застрявшие в сочленениях исполинских гусениц, растерзанные лепестки яркого цветка, прилипшие к траку, ободранный ствол молодой пальмы, торчащий между ленивцами, и, не поднимая глаз, полез наверх по узкому трапу, обжигая руки о накаленные солнцем перекладки. Все так же не поднимая глаз, он съехал на спине в кабину ручного управления, уселся в кресло, откинул стальную заслонку перед лицом, и вновь его руки заработали привычно, автоматически. Правая рука протянулась вперед и врубила ток, левая одновременно включила сцепление, перевела управление на ручное, а правая уже тянулась назад, отыскивая клавишу стартера; и когда все вокруг заревело, загрохотало и затряслось, левая, уже совершенно ни к чему, включила систему кондиционирования. Затем - уже сознательно - он нашарил рычаг управления поглотителем, отвел его до отказа на себя и только тогда решился посмотреть вперед через отброшенную заслонку.

Прямо перед ним была Волна. Вероятно, ни один человек после Лю еще никогда не был так близко от Волны. Она была просто черная, без малейших прожилок, и залитая солнцем степь до самого горизонта отчетливо рисовалась на ее фоне. Была видна каждая травинка, каждый кустик. Роберт видел даже землероек, желтыми столбиками ошарашенно замерших перед своими норками.

Над головой возник и начал стремительно нарастать сухой звенящий вой - заработал поглотитель. "Харибда" плавно раскачивалась на ходу. В зеркале заднего вида прыгали в пыли здания поселка. Вертолета видно не было. Еще метров сто, нет, еще метров пятьдесят - и довольно. Он покосился налево, и ему почудилось, что стена Волны уже немного выгнулась. Впрочем, судить об этом было очень трудно. А может быть, и не успею, подумал он. Он не сводил глаз с белых дымных столбов, поднимающихся из-за горизонта. Дым рассеивался быстро и был теперь едва виден. Интересно, что могло гореть в "харибдах"?

Хватит, подумал он, нажимая на тормоз. А то не убежать. Он снова поглядел в зеркало заднего вида. Долго, ох, долго возятся, подумал он. Степь перед "харибдой" медленно темнела огромным треугольником, в вершине которого находился поглотитель. Землеройки вдруг беспокойно запрыгали, одна из них шагах в двадцати вдруг упала на спину, судорожно дергая лапками.

- Убегайте, дурачки! - сказал вслух Роберт. - Вам можно... - и тут он

увидел вторую "харибду". Она стояла в полукилометре к востоку, жадно задрав черный раструб поглотителя, и перед ней точно так же темнела трава, ежась от нестерпимого холода.

Роберт ужасно обрадовался. Молодец, подумал он. Умница! Смельчак! Неужели Маляев? А почему бы нет? Ведь он тоже человек, и все человеческое ему не чуждо... А может, сам Пагава? Впрочем, его просто не пустят. Свяжут и сунут под сиденье и еще ногами придавят, чтобы не брыкался. Нет, молодец, молодец! Он толкнул бортовой люк, высунулся и закричал:

- Эге-ге! Держись, дружище! Вдвоем мы тут с тобой год простоим!..

Он посмотрел на приборы и сразу забыл обо всем. Емкости были на исходе: светящаяся стрелка под запыленным стеклом упиралась в ограничитель. Он быстро взглянул в зеркало заднего вида, и у него немного отлегло от сердца. В белом небе над крышами поселка висело быстро уменьшающееся темное пятнышко. Еще минут десять, подумал он. Теперь было ясно видно, что фронт Волны перед поселком прогнулся. Волна обтекала зону действия "харибд" с востока и с запада.

Роберт посидел немного, стиснув зубы. Вся его энергия уходила на то, чтобы отогнать видение обгорелого трупа в водительском кресле. Хорошо бы научиться по желанию выключать воображение... Он встрепенулся и принялся открывать все люки, какие только мог вспомнить. Тяжелый круглый люк над головой. Люк слева - настезь его! Люк справа уже приоткрыт - тоже настезь... Дверцу за спиной, ведущую в машинное отделение... Нет, ее лучше закрыть - взрыв происходит, наверное, именно там, в емкостях... На засов ее, на засов... Как раз в этот момент соседняя "харибда" взорвалась.

Роберт услышал короткий оглушительный гром, его толкнуло горячим воздухом, и, высунувшись из люка, он увидел, что на месте соседа стоит огромная туча желтой пыли, закрывающая степь, и небо, и Волну, а в глубине тучи что-то тлеет ярким вздрагивающим светом. Что-то прошелестело в воздухе и звонко стукнулось о броню. Роберт глянул на приборы и одним движением выбросился через левый люк.

Он упал ничком в горячую сухую траву, вскочил и, пригибаясь, пустился бегом к поселку. Так он не бегал никогда в жизни. Его "харибда" взорвалась, когда он был уже в палисаднике крайнего дома. Он даже не оглянулся, только втянул голову в плечи, согнулся еще ниже и побежал еще быстрее. Вечная тебе слава, твердил он. Вечная тебе слава!.. Потом он сообразил, что повторяет эти слова с того момента, когда увидел на месте соседней "харибды" этот жуткий столб пыли.

Площадь была пуста, газоны вытоптаны, всюду валялась ценнейшая уникальная аппаратура, коробки с уникальными записями, и легкий ветерок лениво перелистывал уникальные дневники уникальных наблюдений.

Тяжело дыша, Роберт пересек площадь и подбежал к флаеру. Двигатель флаера работал, а на водительском месте с обычным своим сонным видом сидел Патрик.

- Ну, вот и ты, - сказал Патрик ласково. Роберт ошарашенно смотрел на него. - Я уж думал, ты там остался. Садись скорее, надо уносить ноги. У нее скорость сейчас - ой-ей-ей!..

Роберт повалился на сиденье рядом с ним.

- Погоди, - сказал он, задыхаясь. - Может быть, второй... тоже спасся? Кто это был? Маляев, Гофман?..

Патрик неуклюже завертел рукояткой, выводя флаер для разгона.

- Второй - это я, - сказал он застенчиво.

- Ты?

- Я, - повторил Патрик и нервно хихикнул. Он вырулил флаер на дорожку и, наконец, поднял его. - Я почувствовал, что взрываюсь, вылез и убежал. Здорово громыхнула, верно? Меня до самого поселка катило...

Поселок медленно повернулся под ними и скользнул назад. Ай да Патрик, подумал Роберт с недоумением.

- А моя посильнее грохнула, - заявил Патрик. - Как тебе кажется, Роб, а?..

- Куда ты летишь? - спросил Роберт.

- В Холодные Ручьи, - сказал Патрик. - Новая база будет там.

Роберт посмотрел через плечо. Ничего уже не было видно, кроме белесого неба и зеленых полей.

Два раза я уже сегодня от нее уходил, подумал он. Не миновать и третьего.

- Что теперь будет? - спросил он.

Патрик выпятил толстые губы.

- Плохо будет. У нее огромный запас инерции.

- Ты пробовал подсчитать?

- Да.

- Ну?

Патрик тяжело вздохнул и ничего не ответил. Роберт, сдвинув брови, смотрел прямо перед собой. Потом он включил рацию флаера и настроился на Детское. Он несколько раз нажал на клавишу вызова, но Детское не отзывалось. Не надо беспокоиться, думал он. Летний праздник и все такое. Как странно, они еще ничего не знают. И пусть ничего не знают. Буду знать только я. Он опять спросил:

- Куда мы летим?

- Ты уже спрашивал.

- Ах, да... Патрик, дружище, тебе очень нужно в эти ручки?

- Конечно. Куда же нам еще?

Роберт откинулся на сиденье.

- Да, - сказал он. - Зря ты остался.

- В каком смысле "зря"?

- Ты можешь побыстрее?

- Могу...

- А еще быстрее?

Патрик промолчал. Двигатель клекотал, захлебываясь воздухом.

- Мы всегда торопимся, - пробормотал Патрик. - Всегда нас что-то или кто-то подгоняет. Быстрее, еще быстрее... А нельзя ли еще быстрее? Можно, отвечаем мы. Пожалуйста!.. Нет времени осмотреться. Нет времени подумать. Нет времени разобраться - зачем и стоит ли? А потом появляется Волна. И мы опять торопимся.

- Подавай больше горючего, - сказал Роберт. Он думал совсем о другом.

- И держи правее.

Патрик замолчал. Внизу проносились зеленые поля созревающего хлеба, редкие белые домики синоптических станций. Было видно, как прямо через хлеба гнали на юг скот. Киберпастухи казались с этой высоты крошечными блестящими звездочками. Все это было уже не нужно.

- Ты не слыхал что-нибудь о "Стреле"? - спросил Роберт.

- Нет. "Стрела" далеко. Она не успеет. Брось об этом думать, Роб!

- О чем же мне еще думать? - пробормотал Роберт.

- А ни о чем. Сядь поудобнее и смотри вокруг. Не знаю, как ты, а я ничего этого раньше не замечал. По-моему, я никогда даже не видел эту зеленую волну на хлебах от ветра... Волну! Тьфу! А знаешь, когда я все это впервые увидел? Знаешь? Когда смотрел в степь через железную заслонку на "харибде". Я все смотрел на эту черноту и вдруг увидел степь и понял, что всему конец. И мне стало ужасно жалко этого. А землеройки смотрели на Волну и ничего не понимали... И знаешь, что я открыл, Роб? Где-то мы просчитались.

Роберт молчал. Поздно спохватился, думал он. Надо было смотреть раньше, хотя бы в окно.

Внизу проплывали белые прямоугольники зданий, бетонированные площади, полосатые башни энергоантенн - это была одна из многочисленных энергетических станций северного пояса.

- Снижайся, - сказал Роберт.

- Куда?

- Вон площадь - видишь? - где птерокары.

Патрик глянул через борт.

- Действительно, - сказал он. - А зачем?

- Возьмешь себе птерокар, а мне отдашь флаер.

- Что ты задумал? - спросил Патрик.

- Полетишь дальше один. Мне в Ручьи не надо. Снижайся.

Патрик послушно пошел на посадку. Флаер он все-таки водил отвлеченно. Роберт разглядывал площадь.

- Превосходная организация, - пробормотал он насмешливо. - Мы там давимся, все бросаем, а здесь на двух дежурных три птерокара.

Флаер неуклюже сел между птерокарами. Роберт прикусил язык.

- Ох! - сказал он. - Ну, вылезай, вылезай.

Патрик очень медленно и неохотно слез с сиденья.

- Роб, - сказал он неуверенно, - может быть, это не мое дело, но что же ты все-таки задумал?

Роберт проворно передвинулся на его место.

- Не беспокойся, ничего страшного. Ты справишься с птерокаром?

Патрик стоял, опустив руки, и лицо его приняло жалостливое выражение.

- Роб, - сказал он. - Смотри на вещи трезво. Над Волной плазмовый барьер в сто километров. Тебе не перепрыгнуть.

Роберт с изумлением посмотрел на него.

- Он уже давно погиб, - сказал Патрик. - Первый раз ты мог ошибиться, но теперь там прошла Волна.

- О чем ты? - спросил Роберт. - Я не собираюсь прыгать через Волну, будь она проклята. У меня есть дело поважнее. Прощай. Передай Маляеву, я не вернусь. Прощай, Патрик.

- Прощай, - сказал Патрик.

- Ты мне так и не сказал, справишься ты с птерокаром или нет?

- Справлюсь, - печально сказал Патрик. - Птерокар я знаю хорошо. Эх, Роб!..

Роберт круто взял на себя ручку управления, и когда он через пять минут оглянулся, энергостанция уже скрылась за горизонтом. До Детского было два часа лету. Роберт проверил горючее, послушал двигатель, перевел его на самый экономичный режим и включил киберпилот. Потом он снова попробовал вызвать Детское. Детское молчало. Роберт хотел выключить рацию, но подумал и переключил приемник на самонастройку.

- ...девятого класса Асмодей Барро нашел во время экскурсии окаменевшие организмы, напоминающие морских ежей. Место находки отстоит довольно далеко от побережья...

- ...совещание у директора. Здесь ходят какие-то странные слухи. Говорят, Волна дошла до Гринфилда. Не вернуться ли мне на базу? Сейчас, по-моему, не до ульмотронов.

- ...поставить своими силами не удастся. У нас нет Отелло. Если говорить откровенно, идея ставить Шекспира представляется мне абсурдной. Не думаю, чтобы мы оказались способны на новую интерпретацию, а ждать, пока...

- ...Витя, как ты меня слышишь? Витя, изумительная новость! Буллит раскодировал этот ген. Возьми бумагу и пиши. Шесть... Одиннадцать... Одиннадцать, говорю...

- Внимание, Радуга! Начальникам всех поисковых партий. Начать эвакуацию. Обрати особое внимание на то, чтобы все летательные транспортные средства класса не ниже "медузы" были доставлены в Столицу.

- ...небольшой голубой коттеджик прямо на берегу. Здесь очень свежий воздух, превосходное солнце. Я никогда не любила Столицу и никогда не понимала, зачем ее построили на экваторе. Что? Ну конечно, ужасно душно...

- ...Сойер! Сойер! Я Канэко. Немедленно меняй курс. Художники уже нашлись. Иди на юг. Разыщи третий вертолет. Третий вертолет не прибыл...

- Внимание, испытатели! Сегодня в четырнадцать часов состоится внеплановый нуль-запуск человека к Земле. Просьба прибыть в Институт не позже тринадцати часов...

- ...Ничего не понимаю. Никак не могу связаться с директором. Все каналы заняты. Ты не знаешь, что происходит?

- Адольф! Адольф! Умоляю, откликнись! Умоляю, возвращайся немедленно! Еще есть шанс попасть на звездолет!.. (Голос стал уплывать, но Роберт придержал верньер.) Страшная катастрофа! Почему-то об этом ничего не сообщают, но мне сказали, что Радуга обречена! Возвращайся немедленно! Я хочу быть с тобой сейчас...

Роберт отпустил верньер.

- ...как всегда. У Веселовского. Нет, Синица читает новые стихи. По-моему, любопытные. Мне кажется, они должны тебе понравиться. Нет, это, конечно, не шедевр, однако...

- ...Почему же, я все прекрасно понимаю. Но посуди сам, "Таризель-Второй" - это десантный звездолет. Ты пробовал прикинуть, сколько

людей он может взять? Нет, я уж останусь здесь. Вера тоже решила остаться. Не все ли равно, где...

- Следопыты, Следопыты! Место сбора - Столица. Все в Столицу! Забирайте с собой "кроты", будем рыть убежище. Может быть, успеем...

- ..."Таризель", говорите? Знаю, как же, Горбовский. Да, грузоподъемность у него, к сожалению, невелика. Ну что ж... Я предлагаю приблизительно такой список: от дискретников - Пагава, от волновиков - Аристотель, может быть Маляев, от барьерщиков я бы рекомендовал Форстера... Ну и что же, что он старый? Он велик! Вам, голубчик, сорок лет, и вы, я вижу, плохо представляете себе психологию старика. Всего-то навсего осталось жить лет пять-десять, и то не дают...

- Габа! Габа! Слышал о нуль-запуске? Что? Занят? Вот странный человек... Я лечу в институт. Почему же я с ума сошел? Да знаю я все это, знаю... Именно сейчас! А если вдруг получится? Ну, прощай. Ищи то, что от меня останется, где-нибудь возле Проциона...

- Опять физики что-то взорвали на Северном полюсе. Надо бы слетать посмотреть, но тут прибыл какой-то вертолет, и нас всех приглашают в Столицу. Ах, вас тоже? Странно!.. Ну, там увидимся.

Роберт выключил рацию. "Таризель-Второй", десантник... Он взял управление от киберпилота и до предела увеличил обороты двигателя. Хлеба внизу кончились, началась полоса тропических лесов. Ничего нельзя было разглядеть в пестрой желто-зеленой путанице, но Роберт знал, что там, под сенью исполинских деревьев, проходят прямые шоссе и по этим шоссе, вероятно, уже мчатся на запад машины с беженцами. Несколько тяжелых грузовых вертолетов прошли на юго-запад где-то возле самого горизонта. Они скрылись из виду, и Роберт снова остался один. Он вытащил радиофон и набрал номер Патрика. Патрик долго не откликался. Наконец послышался его голос:

- Алло?

- Патрик, это я, Скляр. Патрик, что известно о Волне?

- Все то же, Роб. Берег Пушкина затоплен. Аодзора сгорела. Рыбачий горит сейчас. Несколько "харибд" уцелело, их оттаскивают на буксире к Столице. А ты где?

- Это неважно, - сказал Роберт. - Сколько от Волны до Детского?

- До Детского? Зачем тебе Детское? До Детского далеко. Слушай, Роб, если уцелеешь, срочно лети в Столицу. Мы все там будем через полчаса. - Он вдруг хихикнул. - Маляева пытались всадить в звездолет. Жалко, тебя не было. Он разбил Гасану нос. А Пагава куда-то спрятался.

- А тебя не пытались всадить?

- Ну зачем же ты так, Роб...

- Ладно, извини. Значит, от Детского Волна пока далеко?

- Не то чтобы далеко... Час-полтора...

- Спасибо, Патрик. До свидания.

Роберт снова попытался связаться с Таней, на этот раз по радиофону. Он ждал пять минут. Таня не отвечала...

Детское было пусто. Над стеклянными спальнями, над садами, над пестрыми коттеджами висела тишина. Здесь не было того панического беспорядка, который оставили после себя нулевики в Гринфилде. Песчаные дорожки были аккуратно подметены, парты в саду стояли, как всегда, ровными рядами, постели были старательно прибраны. Только на дорожке перед Таниным коттеджем валялась на песке забытая кукла. Возле куклы сидел большеглазый пушистый ручной калям. Он старательно обнюхивал ее, поглядывая на Роберта с добродушным любопытством.

Роберт вошел в Танину комнату. Здесь было, как всегда, чисто, светло и хорошо пахло. На столе лежала раскрытая тетрадь, через спинку стула свисало большое махровое полотенце. Роберт потрогал его - оно было еще влажное.

Роберт постоял у стола, потом рассеянно скользнул взглядом по тетради. Он дважды прочел свое имя, прежде чем это дошло до его сознания. Имя было написано большими печатными буквами.

"РОБИК! Нас спешно эвакуировали в Столицу. Ищи меня в Столице. Непременно найди! Нам еще ничего не говорили, но, кажется, надвигается что-то страшное. Ты мне нужен, Робик. Найди меня. _Т_в_о_я_Т_."

Роберт вырвал листок из тетради, сложил вчетверо и спрятал в карман. Он последний раз окинул взглядом Танину комнату, открыл стенной шкаф,

потрогал ее платья, снова закрыл шкаф и вышел из коттеджа.

От Таниного коттеджа было хорошо видно море - спокойное, похожее на застывшее зеленое масло. Десятки тропинок вели через траву к желтому пляжу, на котором были разбросаны шезлонги и топчаны. Несколько лодок лежали вверх килем у самой воды. А горизонт на севере горел нестерпимо яркими солнечными бликами. Роберт быстро пошел к флаеру. Он перешагнул через борт, остановился и снова оглянулся на море. И вдруг он понял: это было не солнце, это был гребень Волны.

Он устало опустил на сиденье и тронул флаер. То же самое и на юге, подумал он. Она теснит нас с севера и с юга. Мышеловка. Коридор между двух смертей. Флаер снова понесся над тропическим лесом. Сколько еще осталось, думал он. Два часа, три? Два места в звездолете, десять?

Лес под флаером вдруг кончился, и Роберт увидел на обширной лужайке большой пассажирский аэробус, окруженный толпой людей. Он машинально притормозил и стал снижаться. Видимо, аэробус терпел аварию, и все эти люди рядом с ним - странно, какие они все маленькие! - ждали, пока пилот исправит повреждение. Он увидел пилота - огромного чернокожего человека, копавшегося в двигателе. Затем он понял, что это дети, и тут же увидел Таню. Она стояла возле пилота и принимала от него какие-то детали.

Флаер упал в десяти шагах от аэробуса, и все сейчас же обернулись к нему. Но Роберт видел только Таню, ее прекрасное измученное лицо, тонкие руки, прижимающие к груди испачканные железки, и удивленно расширившиеся глаза.

- Это я, - сказал Роберт. - Что случилось, Таня?

Таня молча смотрела на него, и тогда он поглядел на чернокожего пилота и узнал Габу. Габа широко заулыбался и крикнул:

- А, Роберт! Иди-ка сюда, помоги! Таня - чудесная девочка, но она никогда не имела дела с аэробусами! И я тоже! А у него все время глохнет двигатель!

Дети - семилетние мальчики и девочки - рассматривали Роберта с интересом. Роберт подошел к аэробусу и, мимоходом ласково коснувшись щекой Таниных волос, заглянул в двигатель. Габа похлопал его по спине. Они хорошо знали друг друга. Они отлично сошлись - Роберт и десять отчаянно скучающих нуль-испытателей, которые уже два года сидели здесь без дела после неудачного опыта с собакой Фимкой.

То, что Роберт увидел в двигателе, заставило его на секунду задержать дыхание. Да, Габа, по-видимому, действительно не имел никогда раньше дела с аэробусами. Сделать ничего было нельзя - кончилось горючее. Габа совершенно напрасно почти разобрал двигатель. Это бывает. Такое бывает даже с самыми опытными водителями: в аэробусах не часто кончается горючее. Роберт украдкой поглядел на Таню. Она прижимала к груди грязные от смазки взрывные цилиндры и ждала.

- Итак? - бодро спросил Габа. - Правильно мы грешили на вот этот рычаг, не знаю, как он там называется?

- Что ж, - сказал Роберт, - очень возможно. - Он взялся за рычаг и подергал его. - Кто-нибудь знает, что вы здесь засели?

- Я сообщал, - ответил Габа. - Но у них там не хватает машин. Ты знаешь историю с эмбриозародышами?

- Ну, ну, - сказал Роберт, бесцельно, но очень аккуратно очищая паз подающего рычага. Он нагнулся так, чтобы его лица не было видно.

- Понадобился транспорт. Канэко стал выращивать "медузы", а оказалось, что это не "медузы", а кибернетические кухни. Ошибка снабжения, а? - Габа захохотал. - Как тебе это нравится?

- Сплошной смех, - сказал Роберт сквозь зубы.

Он поднял голову и осмотрел небо. Он увидел пустую белесую синеву и на севере над верхушками далеких деревьев ослепительно яркий гребень Волны. Тогда он мягко опустил откинутый капот, пробормотал: "Та-ак... Посмотрим!" - и обошел аэробус с другой стороны, где никого не было. Там он сел на корточки, прижавшись лбом к блестящей полированной обшивке. По другую сторону аэробуса Габа нежным громохочущим голосом запел:

One is none, two is some,
Three is a many, four is a penny,
Five is a little hundred...

Открыв глаза Роберт увидел его пляшущую тень на траве - тень поднятых рук с растопыренными пальцами. Габа развлекал детей. Роберт выпрямился и, распахнув дверцу, влез в аэробус. В кресле водителя сидел мальчик, ожесточенно вцепившийся в рукояти управления. Он выделял рукоятями необычайные фигуры и при этом свистел и дудел.

- Смотри - оторвешь, - сказал Роберт.

Мальчик не обратил на него внимания.

Роберт хотел включить СОС-маяк, но увидел, что маяк уже включен. Тогда он снова оглядел небо. Через спектролит фонаря небо казалось нежно-голубым, и оно было совершенно пустое. Надо решаться, подумал он. Он покосился на мальчика. Мальчуган азартно изображал рев ветра.

- Выйди-ка сюда, Роб, - сказал Габа. Он стоял возле двери. Роберт вышел. - Прикрой дверь, - сказал Габа. Было слышно, как Таня рассказывает что-то ребятишкам по ту сторону аэробуса и как свистит и дудит мальчик на сиденье пилота.

- Когда она будет здесь? - спросил Габа.

- Через полчаса.

- Что случилось с двигателем?

- Нет горючего.

Лицо Габы сделалось серым.

- Почему? - бессмысленно спросил он. Роберт промолчал. - А в твоём флаере?

- Такому сундуку этого не хватит и на пять минут.

Габа ударил себя кулаками по лбу и сел на траву.

- Ты механик, - сказал он хрипло. - Придумай что-нибудь.

Роберт прислонился к аэробусу.

- Помнишь сказочку про волка, козу и капусту? Здесь дюжина ребятишек, женщина и мы с тобой. Женщина, которую я люблю больше всех людей на свете. Женщина, которую я спасу во что бы то ни стало. Так вот. Флаер двухместный...

Габа покивал.

- Понимаю. Тут и говорить не о чем, конечно. Пусть Таня садится во флаер и берет с собой столько ребятишек, сколько туда влезет...

- Нет, - сказал Роберт.

- Почему нет? Через два часа они будут в Столице.

- Нет, - повторил Роберт. - Это не спасет ее. Волна будет в Столице через три часа. Там ждет звездолет. Таня должна улететь на нем. Не спорь со мной! - яростно прошептал он. - Возможны только два варианта: либо лечу я с Таней, либо с Таней летишь ты, но тогда ты поклянешься мне всем святым, что Таня улетит в этом звездолете! Выбирай.

- Ты сошел с ума! - сказал Габа. Он медленно поднимался с травы. - Это дети! Опомнись!..

- А те, кто останется здесь, они не дети? Кто выберет троих, которые полетят в Столицу и на Землю? Ты? Иди, выбирай!

Габа беззвучно открывал и закрывал рот. Роберт посмотрел на север. Волна была видна уже хорошо. Сияющая полоса поднималась все выше, таща за собой тяжелый черный занавес.

- Ну? - сказал Роберт. - Ты клянешься?

Габа медленно покачал головой.

- Тогда прощай, - сказал Роберт.

Он сделал шаг вперед, но Габа преградил ему дорогу.

- Дети! - сказал он почти беззвучно.

Роберт обеими руками схватил его за отвороты куртки и приблизил лицо вплотную к его лицу.

- Таня! - сказал он.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

- Она возненавидит тебя, - тихо сказал Габа. Роберт отпустил его и засмеялся.

- Через три часа я тоже умру, - сказал он. - Мне будет все равно.

Прощай, Габа.

Они разошлись.

- Она не полетит с тобой, - сказал Габа вдогонку.

Роберт не ответил. Я это и сам знаю, подумал он. Он обошел аэробус и длинными прыжками побежал к флаеру. Он видел лицо Тани, обращенное к нему, и смеющиеся лица детишек, окружающих Таню, и он весело помахал им рукой,

чувствуя сильную боль в мускулах лица, судорожно свернутых в беззаботную улыбку. Он подбежал к флаеру, заглянул внутрь, затем выпрямился и крикнул:

- Танюшка, иди-ка помоги мне!

И в это же мгновение с другой стороны аэробуса появился Габа. Он скакал на четвереньках.

- А ну, что вы здесь скучаете? - заорал он. - Кто поймает Шер-Хана - великого тигра джунглей?!

Он испустил протяжный рык и, брыкнув ногами, помчался на четвереньках в лес. Несколько секунд ребятишки, открыв рты, смотрели на него, потом кто-то весело взвизгнул, кто-то воинственно завопил, и всей толпой они побежали за Габой, который уже выглядывал с рычанием из-за деревьев.

Таня, оглядываясь и удивленно улыбаясь, подошла к Роберту.

- Как странно, - сказала она. - Словно и нет никакой катастрофы.

Роберт все глядел вслед Габе. Никого уже не было видно, но смех и визг, хруст кустарников и грозный рык Шер-Хана явственно доносились из чащи.

- Как ты странно улыбаешься, Робик, - сказала Таня.

- Чудак этот Габа! - сказал Роберт и сейчас же пожалел: надо было молчать. Голос не слушался его.

- Что случилось, Роб? - сразу спросила Таня.

Он невольно посмотрел вверх ее головы. Она тоже обернулась и тоже посмотрела и испуганно прижалась к нему.

- Что это? - спросила она.

Волна уже доходила до солнца.

- Надо спешить, - сказал Роберт. - Полезай в кабину и подними сиденье.

Она ловко прыгнула в кабину, и тогда он огромным прыжком вскочил вслед за нею, обхватив ее плечи правой рукой и стиснул так, чтобы она не смогла двинуться, и с места рванул флаер в небо.

- Роби! - прошептала Таня. - Что ты делаешь, Роби?!

Он не смотрел на нее. Он выжимал из флаера все, что можно. И только краем глаза он увидел внизу поляну, одинокий аэробус и маленькое лицо, с любопытством выглядывающее из водительской кабины.

8

Дневная жара уже начала спадать, когда последние птерокары, переполненные и перегруженные, сели, ломая шасси, на улицах, прилегающих к площади перед зданием Совета. Теперь на эту обширную площадь собралось почти все население планеты.

С севера и с юга медленно втянулись в город гремящие колонны уродливых землеройных "кротов" с опознавательными знаками Следопытов и с желтыми молниями строителей-энергетиков. Они стали лагерем посередине площади и после стремительного совещания, на котором выступили только два человека - по три минуты вполголоса каждый, - принялись рыть глубокую шахту-убежище. "Кроты" оглушительно загрохотали, взламывая бетон покрытия, а затем один за другим, нелепо выгибаясь, стали уходить в землю. Вокруг шахты быстро выросла кольцевая гора измельченного грунта, и над площадью возник и повис душный кисловатый запах денатурированного базальта.

Физики-нулевики заполнили пустующие этажи театра напротив здания Совета. Весь день они отступали, цепляясь аварийными отрядами "харибд" за каждый наблюдательный пункт, за каждую станцию дальнего контроля, спасая все, что успевали спасти из оборудования и научной документации, каждую секунду рискуя жизнью, пока категорический приказ Ламонду и директора не созвал их в Столицу. Их узнавали по возбужденному, виновато-вызывающему виду, по неестественно оживленным голосам, по несмешным шуткам со ссылками на специальные обстоятельства и по нервному громкому смеху. Теперь они под руководством Аристотеля и Пагавы отбирали и переснимали на микроплёнку самые ценные материалы для эвакуации с планеты.

Большая группа механиков и метеорологов вышла на окраину города и принялась строить конвейерные цехи для производства небольших ракет. Предполагалось грузить эти ракеты важнейшей документацией и выбрасывать их за пределы атмосферы в качестве искусственных спутников, с тем чтобы позже

их подобрали и доставили на Землю. К ракетчикам присоединилась часть аутсайдеров - тех, кто инстинктивно чувствовал себя не в силах ждать сложа руки, и тех, кто действительно мог и желал помочь, и тех, кто искренне верил в необходимость спасения важнейшей документации.

Но на площади, забитой "гепардами", "медузами", "биндюгами", "дилижансами", "кротами", "грифами", осталось еще очень много людей. Здесь были биологи и планетологи, потерявшие на оставшиеся часы смысл жизни, аутсайдеры - художники и артисты - ошеломленные неожиданностью, рассерженные, потерявшие, не знающие, что делать, куда идти и кому предъявлять претензии. Какие-то очень выдержанные и спокойные люди неторопливо беседовали на разнообразные темы, собираясь кучками среди машин. И еще какие-то тихие люди, молча и понуро сидящие в кабинах или жмущиеся к стенам зданий.

Планета опустела. Все население - каждый человек был вызван, вывезен, выловлен из самых ее отдаленных и глухих уголков и доставлен в Столицу. Столица находилась на экваторе, и теперь на всех широтах планеты, северных и южных, было пусто. Лишь несколько человек остались там, заявив, что им все равно, да где-то над тропическими лесами потерялся аэробус с детьми и воспитателем и тяжелый "гриф", высланный на его поиски.

Под серебристым шпилем в течение последних часов непрерывно заседал Совет Радуги. Время от времени репродуктор всеобщего оповещения голосом директора или Канэко вызывал по именам самых неожиданных людей. Они бежали к зданию Совета и скрывались за дверью, а затем выбегали, садились в птерокары или флаеры и улетали из города. Многие из тех, кто не был занят делом, провожали их завистливыми взглядами. Неизвестно было, какие вопросы обсуждаются на Совете, но репродукторы всеобщего оповещения уже проревели главное: угроза катастрофы является совершенно реальной; в распоряжении Совета имеется всего один десантный звездолет малой грузоподъемности; Детское эвакуировано, и дети размещены в городском парке под наблюдением воспитателей и врачей; лайнер-звездолет "Стрела" непрерывно поддерживает связь с Радугой и находится на пути к ней, но прибудет не ранее чем через десять часов. Трижды в час дежурный Совета информировал площадь о положении фронтов Волны. Репродуктор гремел: "Внимание, Радуга! Передаем информацию..." И тогда площадь замолкала, и все жадно слушали, досадливо оглядываясь на шахту, из которой доносился гулкий рокот "кротов". Волна двигалась странно. Ее ускорение то увеличивалось - и тогда люди мрачнели и опускали глаза, - то уменьшалось - и тогда лица светлели и появлялись неуверенные улыбки, - но Волна двигалась, горели посевы, вспыхивали леса, пылали оставленные поселки.

Официальной информации было очень мало - может быть, потому, что некому и некогда было ею заниматься, и, как всегда в таких случаях, основным видом информации становились слухи.

Следопыты и строители все глубже врывались в землю, и поднимавшиеся из шахты измазанные усталые люди кричали, весело скаля зубы, что им нужно еще каких-нибудь два-три часа - и они закончат глубокое и достаточно просторное убежище для всех. На них смотрели с некоторой надеждой, и надежда эта подкреплялась упорными слухами о расчете, якобы произведенном Этьеном Ламондуа, Пагавой и каким-то Патриком. Согласно этому расчету северная и южная Волна, столкнувшись на экваторе, должны "взаимно энергетически свернуться и деритринитировать", поглотив большое количество энергии. Говорили, что после этого на Радуге должен выпасть слой снега толщиной в полтора метра.

Говорили также, что полчаса тому назад в институте дискретного пространства, слепые белые стены которого мог увидеть с площади любой желающий, удалось, наконец, осуществить успешный нуль-запуск человека к солнечной системе, и даже называли имя пилота, первого в мире нуль-перелетчика, в настоящую минуту якобы благополучно пребывающего на Плутоне.

Рассказывали о сигналах, полученных из-за южной Волны. Сигналы были чрезвычайно сильно искажены помехами, но их удалось дешифровать, и тогда якобы выяснилось, что несколько человек, добровольно оставшихся на одной из энергостанций на пути Волны, выжили и чувствуют себя удовлетворительно, что и свидетельствует о том, что П-волна в отличие от Волн ранее известных типов не представляет реальной опасности для жизни. Называли даже имена счастливых, и нашлись люди, знавшие их лично. В подтверждение передавали

рассказ очевидца о том, как известный Камилл выскочил из Волны на горящем птерокаре и пронесся мимо чудовищной кометой, что-то крича и размахивая рукой.

Большое распространение получил слух о том, что один старый звездолетчик, работающий сейчас в шахте, сказал якобы примерно следующее: "Командира "Стрелы" я знаю сто лет. Если он говорит, что будет не раньше через десять часов, то это значит, что он будет не позже чем через три часа. И не надо кивать на Совет. Там сидят дилетанты, представления не имеющие о том, что такое современный звездолет и на что он способен в опытных руках".

Мир вдруг потерял простоту и ясность. Стало трудно отделять правду от неправды. Самый честный человек, знакомый вам с детства, мог с легким сердцем солгать вам только для того, чтобы вас поддержать и успокоить, а через двадцать минут вы видели его уже согнувшимся в тоске под тяжестью нелепого слуха о том, что Волна, мол, хотя и не опасна для жизни, но необратимо уродует психику, отбрасывая ее на уровень пещерной.

Люди на площади видели, как в здание Совета вошла высокая большая женщина с заплаканным лицом, ведущая за руку мальчика лет пяти в красных штанишках. Многие узнали ее - это была Женя Вязаницына, жена директора Радуги. Она вышла очень скоро в сопровождении Канэко, который вежливо, но твердо вел ее под локоть. Она больше не плакала, но на лице ее была такая свирепая решимость, что люди испуганно сторонились, уступая ей дорогу. Мальчик спокойно грыз пряник.

Тем, кто был занят, было много лучше. Поэтому большая группа художников, писателей и артистов, проспоров до хрипоты, приняла, наконец, окончательное решение и двинулась к окраине города к ракетчикам. Вряд ли они могли чем-нибудь серьезно помочь, но они были уверены, что им найдут дело. Некоторые спустились в шахту, где велись уже горизонтальные выработки. А несколько опытных пилотов сели в птерокары и умчались к северу и к югу, чтобы присоединиться к наблюдателям Совета, уже несколько часов играющим в пятнашки со смертью.

Оставшиеся видели, как перед подъездом Совета опустился опаленный, весь в пятнах и вмятинах флаер. Из него с трудом вылезли двое, постояли на трясущихся ногах и двинулись к дверям, поддерживая друг друга. Лица их были желтые и опухшие, и в них только с трудом признали молодого физика Карла Гофмана и испытателя-нулевика Тимоти Сойера, известного искусством игры на банджо. Сойер только мотал головой и мычал, а Гофман, некоторое время посипев горлом, невнятно рассказал, что они только что пытались перепрыгнуть через Волну, подошли к ней на расстояние двадцати километров, но тут у Тима стало плохо с глазами, и они были вынуждены вернуться. Оказалось, что в Совете была выдвинута идея переброски населения на ту сторону Волны. Сойер и Гофман были разведчиками. И сейчас же кто-то рассказал, что двое Следопытов пытались поднырнуть под Волну в открытом море на исследовательском батискафе, но пока еще не вернулись, и ничего о них не известно.

К этому времени на площади осталось человек двести - меньше половины взрослого населения Радуги. Люди старались держаться группами. Они неторопливо переговаривались между собой, не отрывая глаз от окон Совета. На площади становилось тихо: "кроты" ушли глубоко, и рев их был едва слышен. Разговоры велись невеселые.

- Опять у меня испорчен отпуск. На этот раз, кажется, надолго.

- Убежище, подземелье... подполье... Снова наступает черная стена, и люди уходят в подполье.

- Жаль, что нет никакого настроения писать. Вы посмотрите, как красиво здание Совета. Какая цветовая глубина. Я бы с огромным удовольствием его написал... И передал бы это настроение напряженности и ожидания, но... Не могу. Тошно.

- Странно все-таки. Кажется, мы выбирали не тайный Совет. Типично жреческие замашки. Запереться в кабинете и обсуждать там судьбы планеты... Мне в конце концов не так уж и важно, о чем они там говорят, но это же неприлично...

- Мне очень не нравится Ананьев. Полюбуйтесь, вот уже два часа он сидит один, ни с кем не разговаривает и только все время точит ножичек... Пойду с ним поговорю. Пойдемте со мной, хотите?

- Аодзора сгорела... Моя Аодзора. Я ее строил. Теперь опять строить.

А потом они ее опять сожгут.

- Мне их жалко. Вот мы с тобой сидим вдвоем, и, честное слово, ничего я не боюсь! А Матвей Сергеевич не может даже в последние часы побыть с женой. Нелепо все это. Зачем?

- Я сижу здесь и болтаю, потому что считаю: единственная возможность - это звездолет. А все остальное - это пшик, барахтанье, самодеятельность.

- Почему я сюда прилетел? Чем плохо мне было на Земле? Радуга, Радуга, как ты нас обидела...

В это время репродуктор всеобщего оповещения проревел:

- Внимание, Радуга! Говорит Совет! Созывается общее собрание населения планеты! Собрание состоится на площади Совета и начнется через пятнадцать минут. Повторяю...

Пробираясь через толпу к зданию Совета, Горбовский обнаружил, что пользуется необычайной популярностью. Перед ним расступались, на него показывали глазами и даже пальцами, с ним здоровались, его спрашивали: "Ну как там, Леонид Андреевич?" - И за его спиной вполголоса произносили его фамилию, названия звезд и планет, с которыми он имел дело, а также названия кораблей, которыми он командовал. Горбовский, давно уже отвыкший от такой популярности, раскланивался, делал рукой салют, улыбался, отвечал: "Да пока все в порядке", - и думал: "Пусть теперь мне кто-нибудь скажет, что широкие массы больше не интересуются звездоплаванием". Одновременно он почти физически ощущал страшное нервное напряжение, царившее на площади. Это было чем-то похоже на последние минуты перед очень трудным и ответственным экзаменом. Напряжение это передалось и ему. Улыбаясь и отшучиваясь, он пытался определить настроение и коллективную мысль этой толпы и гадал, что они скажут, когда он объявит свое решение. Верю в вас, настойчиво думал он. Верю, верю во что бы то ни стало. Верю в вас, испуганные, настороженные, разочарованные, фанатики. Люди.

У самой двери его нагнал и остановил незнакомый человек в спецкостюме для шахтных работ.

- Леонид Андреевич, - сказал он, озабоченно улыбаясь. - Минуточку.

Буквально одну одну минуточку.

- Пожалуйста, пожалуйста, - сказал Горбовский.

Человек торопливо рылся в карманах.

- Когда прибудете на Землю, - говорил он, - не откажите в любезности... Куда же оно запропастилось?.. Не думаю, чтобы это вас очень затруднило. Ага, вот оно... - он вынул сложенный вдвое конверт. - Адрес тут есть, печатными буквами... Не откажитесь переслать.

Горбовский покивал.

- Я даже по-письменному могу, - сказал он ласково и взял конверт.

- Почерк отвратительный. Сам себя читать не могу, а сейчас писал в спешке... - Он помолчал, затем протянул руку. - Счастливого пути! Заранее спасибо вам.

- Как ваша шахта? - спросил Горбовский.

- Отлично, - ответил человек. - Не беспокойтесь за нас.

Горбовский вошел в здание Совета и стал подниматься по лестнице, обдумывая первую фразу своего обращения к Совету. Фраза никак не получалась. Он не успел подняться на второй этаж, когда увидел, что члены Совета спускаются ему навстречу. Впереди, ведя пальцем по перилам, легко ступал Ламондуа, совершенно спокойный и даже какой-то рассеянный. При виде Горбовского он улыбнулся странной, растерянной улыбкой и сейчас же отвел глаза. Горбовский посторонился. За Ламондуа шел директор, багровый и свирепый. Он буркнул: "Ты готов?" - и, не дожидаясь ответа, прошел мимо. Следом прошли остальные члены Совета, которых Горбовский не знал. Они громко и оживленно обсуждали вопрос об устройстве входа в подземное убежище, и в громкости этой и в их оживлении отчетливо чувствовалось фальшь, и было видно, что мысли их заняты совсем другим. А последним - на некотором расстоянии от всех - спускался Станислав Пишта, такой же широкий, дочерна загорелый и пышноволосяный, как двадцать пять лет назад, когда он командовал "Подсолнечником" и вместе с Горбовским штурмовал Слепое Пятно.

- Ба! - сказал Горбовский.

- О! - сказал Станислав Пишта.

- Ты что здесь делаешь?
- Ругаюсь с физиками.
- Молодец, - сказал Горбовский. - Я тоже буду. А пока скажи, кто здесь заведует детской колонией?
- Я, - ответил Пишта.
Горбовский недоверчиво посмотрел на него.
- Я, я! - Пишта усмехнулся. - Не похоже? Сейчас ты убедишься. На площади. Когда начнется свара. Уверю тебя, это будет совершенно непедagogичное зрелище.
Они стали медленно спускаться к выходу.
- Свара пусть, - сказал Горбовский. - Это тебя не касается. Где дети?
- В парке.
- Очень хорошо. Отправляйся туда и немедленно - слышишь? - немедленно начинай погрузку детей на "Тариэль". Там тебя ждут Марк и Перси. Ясли мы уже погрузили. Ступай быстро.
- Ты молодец, - сказал Пишта.
- А как же, - сказал Горбовский. - А теперь беги.
Пишта хлопнул его по плечу и вперевалку побежал вниз. Горбовский вышел вслед за ним. Он увидел сотни лиц, обращенных к нему, и услышал грохочущий голос Матвея, говорившего в мегафон:
- ...и фактически мы решаем сейчас вопрос, что является самым ценным для человечества и для нас, как части человечества. Первым будет говорить заведующий детской колонией товарищ Станислав Пишта.
- Он ушел, - сказал Горбовский.
Директор оглянулся.
- Как ушел? - спросил он шепотом. - Куда?
На площади было очень тихо.
- Тогда разрешите мне, - сказал Ламондуа. Он взялся за мегафон.
Горбовский видел, как его тонкие белые пальцы плотно легли на судорожно стиснутые толстые пальцы Матвея. Директор отдал мегафон не сразу.
- Мы все знаем, что такое Радуга, - начал Ламондуа. - Радуга - это планета, колонизированная наукой и предназначенная для проведения физических экспериментов. Результаты этих экспериментов ждет все человечество. Каждый, кто приезжает на Радугу и живет здесь, знает, куда он приехал и где он живет. - Ламондуа говорил резко и уверенно, он был очень хорош сейчас - бледный, прямой, напряженный как струна. - Мы все солдаты науки. Мы отдали науке всю свою жизнь. Мы отдали ей всю нашу любовь и все лучшее, что у нас есть. И то, что мы создали, принадлежит, по сути дела, уже не нам. Оно принадлежит науке и всем двадцати миллиардам землян, разбросанным по Вселенной. Разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны. И слишком часто разуму и логике мешает в этих разговорах наше чисто эмоциональное "хочу" и "не хочу", "нравится" и "не нравится". Но существует объективный закон, движущий человеческое общество. Он не зависит от наших эмоций. И он гласит: человечество должно познавать. Это самое главное для нас - борьба знания против незнания. И если мы хотим, чтобы наши действия не казались нелепыми в свете этого закона, мы должны следовать ему, даже если нам приходится для этого отступать от некоторых врожденных или заданных нам воспитанием идей. - Ламондуа помолчал и расстегнул воротник рубашки. - Самое ценное на Радуге - это наш труд. Мы тридцать лет изучали дискретное пространство. Мы собрали здесь лучших нуль-физиков Земли. Идеи, порожденные нашим трудом, до сих пор еще находятся в стадии освоения, настолько они глубоки, перспективны и, как правило, парадоксальны. Я не ошибусь, если скажу, что только здесь, на Радуге, существуют люди - носители нового понимания пространства и что только на Радуге есть экспериментальный материал, который послужит для теоретической разработки этого понимания. Но даже мы, специалисты, неспособны сейчас сказать, какую гигантскую, необозримую власть над миром принесет человечеству наша новая теория. Не на тридцать лет - на сто, двести... триста лет будет отброшена наука.
Ламондуа остановился, лицо его пошло красными пятнами, плечи поникли. Мертвая тишина стояла над городом.
- Очень хочется жить, - сказал вдруг Ламондуа. - И дети... У меня их двое, мальчик и девочка; они там, в парке... Не знаю. Решайте.
Он опустил мегафон и остался стоять перед толпой весь обмякший,

постаревший и жалкий.

Толпа молчала. Молчали нуль-физики, стоявшие в первых рядах, несчастные носители нового понимания пространства, единственные на всю вселенную. Молчали художники, писатели и артисты, хорошо знавшие, что такое тридцатилетний труд, и слишком хорошо знавшие, что никакой шедевр неповторим. Молчали на грудях выброшенной породы строители, тридцать лет работавшие бок о бок с нулевиками и для нулевиков. Молчали члены Совета - люди, которых считали самыми умными, самыми знающими, самыми добрыми и от которых в первую очередь зависело то, что должно было произойти.

Горбовский видел сотни лиц, молодых и старых, мужских и женских, и все они казались сейчас ему одинаковыми, необыкновенно похожими на лицо Ламонду. Он отчетливо представлял себе, что они думают. Очень хочется жить: молодому - потому что он так мало прожил, старому - потому что так мало осталось жить. С этой мыслью еще можно справиться: усилие воли - и она загнана в глубину и убрана с дороги. Кто не может этого, тот больше ни о чем не думает, и вся его энергия направлена на то, чтобы не выдать смертельный ужас. А остальные... Очень жалко труда. Очень жалко, невыносимо жалко детей. Даже не то чтобы жалко - здесь много людей, которые к детям равнодушны, но кажется подлым думать о чем-нибудь другом. И надо решать. Ох, до чего же это трудно - решать! Надо выбрать и сказать вслух, громко, что ты выбрал. И тем самым взять на себя гигантскую ответственность, совершенно непривычную по тяжести ответственность перед самим собой, чтобы оставшиеся три часа жизни чувствовать себя человеком, не корчиться от непереносимого стыда и не тратить последний вздох на выкрик "Дурак! Подлец!", обращенный к самому себе. Милосердие, подумал Горбовский.

Он подошел к Ламонду и взял у него мегафон. Кажется, Ламонду этого даже не заметил.

- Видите ли, - проникновенно сказал Горбовский в мегафон, - боюсь, что здесь какое-то недоразумение. Товарищ Ламонду предлагает вам решать. Но понимаете ли, решать, собственно, нечего. Все уже решено. Ясли и матери с новорожденными уже на звездолете. (Толпа шумно вздохнула). Остальные ребята грузятся сейчас. Я думаю, все поместятся. Даже не думаю, уверен. Вы уж простите меня, но я решил самостоятельно. У меня есть на это право. У меня есть даже право решительно пресекать все попытки помешать мне выполнить это решение. Но это право, по-моему, ни к чему. В общем-то товарищ Ламонду высказал интересные мысли. Я бы с удовольствием с ним поспорил, но мне надо идти. Товарищи родители, вход на космодром совершенно свободный. Правда, простите, на борт звездолета подниматься не надо.

- Вот и все, - громко сказал кто-то в толпе. - И правильно. Шахтеры, за мной!

Толпа зашумела и задвигалась. Взлетело несколько птерокаров.

- Из чего надо исходить? - сказал Горбовский. - Самое ценное, что у нас есть, - это будущее...

- У нас его нет, - сказал в толпе суровый голос.

- Наоборот, есть! Наше будущее - это дети. Не правда ли, очень свежая мысль! И вообще нужно быть справедливыми. Жизнь прекрасна, и мы все уже знаем это. А детишки еще не знают. Одной любви им сколько предстоит! Я уж не говорю о нуль-проблемах. (В толпе зааплодировали). А теперь я пошел.

Горбовский сунул мегафон одному из членов Совета и подошел к Матвею. Матвей несколько раз крепко ударил его по спине. Они смотрели на тающую толпу, на оживившиеся лица, сразу ставшие очень разными, и Горбовский пробормотал со вздохом:

- Забавно, однако. Вот мы совершенствуемся, совершенствуемся, становимся лучше, умнее, добрее, а до чего все-таки приятно, когда кто-нибудь принимает за тебя решение...

"Таризель-Второй", десантный сигма-Д-звездолет, создавался для переброски на большие расстояния небольших групп исследователей с минимальным комплектом лабораторного оборудования. Он был очень хорош для

высадки на планеты с бешеными атмосферами, обладал огромным запасом хода, был прочен, надежен и на девяносто пять процентов состоял из энергетических емкостей. Разумеется, на корабле был жилой отсек из пяти крошечных кают, крошечной кают-кампании, миниатюрного камбуза и вместительной рубки, сплошь заставленной пультами приборов управления и контроля. Был на корабле и грузовой отсек - довольно обширное помещение с голыми стенами и низким потолком, лишенное принудительного кондиционирования, пригодное (в самом крайнем случае) для устройства походной лаборатории. Нормально "Таризель-Второй" принимал на борт до десяти человек, считая с экипажем.

Детей грузили через оба люка: младших - через пассажирский, старших - через грузовой. Возле люков толпились люди, и их было гораздо больше, чем ожидал Горбовский. С первого же взгляда было видно, что здесь не только воспитатели и родители. Поодаль громоздились ящики с нерозданными ульмотронами и с оборудованием для Следопытов Лаланды. Взрослые были молчаливы, но у корабля стоял непривычный шум: писк, смех, тонкоголосое нестройное пение - тот гомон, который во все времена был так характерен для интернатов, детских площадок и амбулаторий. Знакомых лиц видно не было, только в стороне Горбовский узнал Алю Постышеву. Да и она была совсем другая - поникшая и грустная, одетая очень изящно и аккуратно. Она сидела на пустом ящике, положив руки на колени, и смотрела на корабль. Она ждала.

Горбовский вылез из птерокара и направился к звездолету. Когда он проходил мимо Али, она жалостно улыбнулась ему и сказала: "А я Марка жду". "Да-да, он скоро выйдет", - ласково сказал Горбовский и пошел дальше. Но его сразу остановили, и он понял, что добраться до люка будет не так просто.

Крупный бородатый человек в панаме преградил ему дорогу.

- Товарищ Горбовский, - сказал он. - Я вас прошу, возьмите.

Он протянул Горбовскому длинный тяжелый сверток.

- Что это? - спросил Горбовский.

- Моя последняя картина. Я Иоганн Сурд.

- Иоганн Сурд, - повторил Горбовский. - Я не знал, что вы здесь.

- Возьмите. Она весит совсем немного. Это лучшее, что я сделал в жизни. Я привозил ее сюда на выставку. Это "Ветер"...

У Горбовского все сжалось внутри.

- Давайте, - сказал он и бережно принял сверток.

Сурд поклонился.

- Спасибо, Горбовский, - сказал он и исчез в толпе.

Кто-то крепко и больно схватил Горбовского за руку. Он обернулся и увидел молоденькую женщину. У нее дрожали губы и лицо было мокрое от слез.

- Вы капитан? - спросила она надорванным голосом.

- Да, да. Я капитан.

Она еще сильнее стиснула его руку.

- Там мой мальчик... На корабле... - губы начали кривиться. - Я боюсь...

Горбовский сделал удивленное лицо.

- Но чего же? Там он в полной безопасности.

- Вы уверены? Вы обещаете мне?..

- Он там в полной безопасности, - повторил Горбовский решительно. -

Это очень хороший корабль!

- Столько детей, - сказала она, всхлипывая. - Столько детей!..

Она отпустила его руку и отвернулась. Горбовский, потоптавшись в нерешительности, пошел дальше, загораживая руками и боками шедевр Сурда, но его тут же схватили с обеих сторон под локти.

- Это весит всего три кило, - сказал бледный угловатый мужчина. - Я никогда никого ни о чем не просил...

- Вижу, - согласился Горбовский. Это действительно было заметно.

- Здесь отчет о наблюдениях Волны за десять лет. Шесть миллионов фотокопий.

- Это очень важно! - подтвердил второй человек, державший Горбовского за левый локоть. У него были толстые, добрые губы, небритые щеки и маленькие умоляющие глазки. - Понимаете, это Маляев... - он указал пальцем на первого. - Вы непременно должны взять эту папку...

- Помолчите, Патрик, - сказал Маляев. - Леонид Андреевич, поймите...

Чтобы это больше не повторилось... Чтобы больше никогда, - он задохнулся, - чтобы больше никто и никогда не ставил перед нами этот позорный выбор...

- Несите за мной, - сказал Горбовский. - У меня заняты руки.

Они отпустили его, и он сделал шаг вперед, но ударился коленом о большой, закутанный в брезент предмет, который с явным трудом держали на весу двое юношей в одинаковых синих беретах.

- Может, возьмете? - пропыхтел один.

- Если можно... - сказал другой.

- Мы два года ее строили...

- Пожалуйста.

Горбовский покачал головой и стал их осторожно обходить.

- Леонид Андреевич, - жалобно сказал первый. - Мы вас умоляем.

Горбовский снова покачал головой.

- Не унижайся, - сказал второй сердито. Он вдруг отпустил свой угол, и закутанный предмет с треском ударился о землю. - Ну что ты держишь?

Он с неожиданной яростью пнул свой аппарат ногой и, сильно прихрамывая, пошел прочь.

- Володька! - крикнул первый с тревогой ему вслед. - Не сходи с ума!

Горбовский отвернулся.

- Скульпторам, конечно, надеяться не на что, - сказал над его ухом вкрадчивый голос.

Горбовский только помотал головой: говорить он не мог. За его спиной, наступая ему на пятки, хрипло дышал Маляев.

Еще группа каких-то людей с рулонами, свертками и пакетами в руках разом стронулась с места и пошла рядом.

- Может быть, имеет смысл сделать так... - нервно и отрывисто заговорил один из них. - Может быть, все... Сложить все у грузового люка... Мы понимаем, что шансов мало... Но вдруг все-таки останутся места... В конце концов это не люди, это вещи... Рассовать их где-нибудь... как-нибудь...

- Да... да... - сказал Горбовский. - Я вас прошу, займитесь этим. -

Он приостановился и переложил шедевр на другое плечо. - Сообщите об этом всем. Пусть сложат у грузового люка. Шагах в десяти и в стороне. Хорошо?

В толпе произошло движение, стало не так тесно. Люди с рулонами и свертками начали расходиться, и Горбовский выбрался, наконец, на свободное пространство возле пассажирского люка, где малыши, выстроенные парами, ждали очереди попасть в руки Перси Диксона.

Карапузы в разноцветных курточках, штанишках и шапочках пребывали в состоянии радостного возбуждения, вызванного перспективой всамделишного звездного перелета. Они были очень заняты друг другом и голубоватой громадой корабля и одаривали толпившихся вокруг родителей разве что рассеянными взглядами. Им было не до родителей. В круглом отверстии люка стоял Перси Диксон, облаченный в стариннейшую, давно забытую парадную форму звездолетчика, тяжелую и душную, с наспех посеребренными пуговицами, со значками и ослепительными позументами. Пот градом катился по его волосатому лицу, и время от времени он взрывал морским голосом: "По бим-бом-брамселям! По местам стоять, с якоря сниматься!" Это было очень весело, и восторженные мальки не спускали с него замороженных глаз. Тут же были двое воспитателей: мужчина держал в руке списки, а женщина очень весело пела с ребятишками песенку о храбром носороге. Ребятишки, не отрывая глаз от Диксона, подпевали с большим азартом, и каждый тянул свое.

Горбовский подумал, что если вот так стоять спиной к толпе, то можно подумать, будто действительно добрый дядя Перси организовал для дошкольников веселый облет Радуги на настоящем звездолете. Но тут Диксон поднял на руки очередного малыша и, обернувшись, передал его кому-то в тамбуре, и тогда за спиной Горбовского женский голос истерически закричал: "Толик мой! Толик..." И Горбовский оглянулся и увидел бледное лицо Маляева, и напряженные лица отцов, и лица матерей, улыбающиеся жалкими, кривыми улыбками, и слезы на глазах, и закушенные губы, и отчаяние, и бьющуюся в истерике женщину, которую поспешно уводил, обняв за плечи, человек в комбинезоне, испачканном землей. И кто-то отвернулся, и кто-то согнулся и торопливо побрел прочь, натываясь на встречающих, а кто-то просто лег на бетон и стиснул голову руками.

Горбовский увидел Женю Вязаницыну, пополневшую и похорошевшую, с огромными сухими глазами и решительно сжатым ртом. Она держала за руку

толстого спокойного мальчика в красных штанишках. Мальчик жевал яблоко и во все глаза глядел на блестящего Перси Диксона.

- Здравствуй, Леонид, - сказала она.

- Здравствуй, Женечка, - сказал Горбовский.

Маляев и Патрик отошли в сторону.

- Какой ты худой, - сказала она. - Все такой же худой. И даже еще больше высох.

- А ты похорошела.

- Я не очень отрываю тебя?

- Да нет, все идет, как должно идти. Мне только нужно осмотреть корабль. Я очень боюсь, что у нас все-таки не хватит места.

- Очень плохо одной. Матвей занят, занят, занят... Иногда мне кажется, что ему абсолютно все равно.

- Ему очень не все равно, - сказал Горбовский. - Я разговаривал с ним. Я знаю: ему очень не все равно... Но он ничего не может сделать. Все дети на Радуге - это его дети. Он не может иначе.

Она слабо махнула свободной рукой.

- Я не знаю, что делать с Алешкой, - сказала она. - Он у нас совсем домашний. Он даже в детском саду никогда не был.

- Он привыкнет. Дети очень быстро ко всему привыкают, Женечка. И ты не бойся: ему будет хорошо.

- Я даже не знаю, к кому обратиться.

- Все воспитатели хороши. Ты же знаешь это. Все одинаковы. Алешке будет хорошо.

- Ты меня не понимаешь. Ведь его даже нет ни в каких списках.

- И чего же тут страшного? Есть он в списках или нет, ни один ребенок не останется на Радуге. Списки только для того, чтобы не растерять детей. Хочешь, я пойду и скажу, чтобы его записали?

- Да, - сказала она. - Нет... Подожди. Можно я поднимусь вместе с ним на корабль?

Горбовский печально покачал головой.

- Женечка, - мягко сказал он. - Не надо. Не надо беспокоить детей.

- Я никого не буду беспокоить. Я только хочу посмотреть, как ему там будет... Кто будет рядом...

- Такие же ребяташки. Веселые и добрые.

- Можно я поднимусь с ним?

- Не надо, Женечка.

- Надо. Очень надо. Он не сможет один. Как он будет жить без меня? Ты ничего не понимаешь. Все вы совершенно ничего не понимаете. Я буду делать все, что нужно. Любую работу. Я ведь все умею. Не будь таким бесчувственным...

- Женечка, посмотри вокруг. Это матери.

- Он не такой, как все. Он слабый. Капризный. Он привык к постоянному вниманию. Он не сможет без меня. Не сможет! Ведь я-то знаю это лучше всех! Неужели ты воспользуешься тем, что мне некому на тебя жаловаться?

- Неужели ты займешь место ребенка, который должен будет остаться здесь?

- Никто не останется, - сказала она страстно. - Я уверена, что никто! Все поместятся! А мне ведь совсем не надо места! Есть же у вас какие-нибудь машинные помещения, какие-нибудь камеры... Я должна быть с ним!

- Я ничего не могу сделать для тебя. Прости.

- Можешь! Ты капитан. Ты все можешь. Ты же всегда был добрым человеком, Леня!

- Я и сейчас добрый. Ты себе представить не можешь, какой я добрый.

- Я не отойду от тебя, - сказала она и замолчала.

- Хорошо, - сказал Горбовский. - Только давай сделаем так. Сейчас я отведу в корабль Алешку, осмотрю помещения и вернусь к тебе. Хорошо?

Она пристально глядела ему в глаза.

- Ты не обманешь меня. Я знаю. Я верю. Ты никогда никого не обманывал.

- Я не обману. Когда корабль стартует, ты будешь рядом со мной. Давай мальчика.

Не отрывая глаз от его лица, она как во сне подтолкнула к нему Алешку.

- Иди, иди, Алик, - сказала она. - Иди с дядей Леной.
- Куда? - спросил мальчик.
- В корабль, - сказал Горбовский, беря его за руку. - Куда же еще?
Вот в этот корабль. Вон к тому дяде. Хочешь?
- Хочу к тому дяде, - заявил мальчик. На мать он больше не смотрел.
Они вместе подошли к трапу, по которому поднимались последние ребяташки. Горбовский сказал воспитателю:

- Внесите в список. Алексей Матвеевич Вязаницын.
Воспитатель посмотрел на мальчика, затем на Горбовского и кивнул, записывая. Горбовский медленно поднялся по трапу, перетащил Алексея Матвеевича через высокий комингс, подняв за руку.

- Это называется тамбур, - сказал он.
Мальчик подергал руку, освободился и, подойдя вплотную к Перси Диксону, стал его рассматривать. Горбовский снял с плеча и поставил в угол картину Сурда. Что еще? - подумал он. - Да! Он вернулся к люку и, высунувшись, принял от Маляева папку.

- Спасибо, - сказал Маляев, улыбаясь. - Не забыли... Спокойной плазмы.

Патрик тоже улыбался. Кивая, они попятились к толпе. Женя стояла под самым люком, и Горбовский помахал ей рукой. Потом он повернулся к Диксону.

- Жарко? - спросил он.
- Ужасно. Сейчас бы душ принять. А в душевых дети.
- Освободите душевые, - сказал Горбовский.
- Легко сказать, - Диксон тяжело вздохнул и, скривившись, оттянул тесный воротник мундира. - Борода лезет под воротник, - пробормотал он. - Колется невыносимо. Все тело зудит.

- Дядя, - сказал мальчик Алеша. - А у тебя борода настоящая?
- Можешь подергать, - сказал Перси со вздохом и нагнулся. Мальчик подергал.

- Все равно ненастоящая, - заявил он.
Горбовский взял его за плечо, но Алеша вывернулся.
- Не хочу с тобой, - сказал он. - Хочу с капитаном.
- Вот и хорошо, - сказал Горбовский. - Перси, отведите его к воспитателю.

Он шагнул к двери в коридор.

- Не упадите в обморок, - сказал Диксон вслед.

Горбовский откатил дверь. Да, такого в корабле еще не бывало. Визг, смех, свист, щебет, воркование, воинственные клики, стук, звон, топот, скрип металла о металл, мяукающие вопли младенцев... Неповторимые запахи молока, меда, лекарств, разгоряченных детских тел, мыла - несмотря на кондиционирование, несмотря на непрерывную работу аварийных вентиляторов... Горбовский пошел по коридору, выбирая место, куда ступить, опасливо заглядывая в распахнутые двери, где прыгали, плясали, баюкали кукол, целились из ружей, набрасывали лассо, толклись в невообразимой тесноте, сидели и ползали на откинутых койках, на столах, под столами, под койками четыре десятка мальчиков и девочек в возрасте от двух до шести лет. Из каюты в каюту бегали озабоченные воспитатели. В кают-компании, из которой была выброшена почти вся мебель, молодые матери кормили и пеленали новорожденных, и тут же были ясли - пятеро ползунков, переговариваясь на птичьем языке, бродили на четвереньках в отгороженном углу. Горбовский представил себе все это в состоянии невесомости, зажмурился и прошел в рубку.

Горбовский не узнал рубки. Здесь было пусто. Исчез громадный контроль-комбайн, занимавший треть помещения. Исчез пульт управления, исчезло кресло пилота-дублера. Исчез пульт обзорного экрана. Исчезло кресло перед вычислителем. А сам вычислитель, наполовину разобранный, блестел обнажившимися блок-схемами. Корабль перестал быть звездолетом. Он превратился в самоходную межпланетную баржу, сохранившую хороший ход, но годную только для перелетов по инерциальным траекториям.

Горбовский сунул руки в карманы. Диксон сопел у него над ухом.

- Так-так, - сказал Горбовский. - А где Валькенштейн?
- Здесь. - Валькенштейн высунулся из недр вычислителя. Он был мрачен и очень решителен.

- Молодец, Марк, - сказал Горбовский. - И вы молодец, Перси. Спасибо!
- Вас уже три раза спрашивал Пишта, - сказал Марк и снова скрылся в

вычислителя. - Он у грузового люка.

Горбовский пересек рубку и вышел в грузовой отсек. Ему стало жутко. Здесь в длинном и узком помещении, слабо освещенном двумя газосветными лампами, стояли, плотно прижавшись друг к другу, мальчики и девочки школьники - от первоклассников до старших классов. Они стояли молча, почти не шевелясь, только переступая с ноги на ногу, и смотрели в распахнутый люк, где виднелось голубое небо да плоская белая крыша далекого пакгауза. Несколько секунд Горбовский, покусывая губу, смотрел на детей.

- Первоклассников перевести в коридор, - сказал он. - Второй и третий классы - в рубку. Сейчас же.

- И это еще не все, - тихо сказал Диксон. - Десять человек застряли где-то на пути из Детского... Впрочем, кажется, они погибли. Группа старшеклассников отказывается грузиться. И есть еще группа детей аутистидеров, которые только сейчас прибыли. Впрочем, сами увидите.

- Вы все-таки сделайте, как я сказал, - предложил Горбовский. - Первые три класса - в коридор и в рубку. А сюда - свет, экран, показывайте фильмы. Исторические фильмы. Пусть смотрят, как бывало раньше. Действуйте, Перси. И еще - составьте из ребят цепочку до Валькенштейна, пусть по конвейеру передают детали, это их немного займет.

Он с трудом протиснулся к люку и сбежал вниз. У подножья трапа, окруженная воспитателями, стояла большая группа ребятишек разного возраста. Слева беспорядочной грудой было свалено все самое драгоценное из предметов материальной культуры Радуги: связки документов, папки, машины и модели машин, закутанные в материю скульптуры, свертки холстов. А справа, шагах в двадцати, стояли угрюмые юноши и девушки пятнадцати-шестнадцати лет, и перед ними, заложив руки за спину, нагнув голову, расхаживал очень серьезный Станислав Пишта. Негромко, но внятно он говорил:

- ...Считайте, что это экзамен. Поменьше думайте о себе и побольше о других. Ну и что же, что вам стыдно? Возьмите себя в руки, пересильте это чувство!

Старшеклассники упрямо молчали. И подавленно молчали взрослые, сгрудившиеся перед грузовым люком. Некоторые ребята украдкой оглядывались, и было видно, что они не прочь удрать, но бежать было невозможно - вокруг стояли их отцы и матери. Горбовский посмотрел на люк. Даже отсюда было видно, что корабль набит битком. В широком, как ворота, люке тесной шеренгой стояли дети. Лица у них были недетские - слишком серьезные и слишком печальные.

К Горбовскому как-то боком придвинулся огромный, очень красивый молодой человек с тоскливыми просящими глазами, безобразно не соответствующими всему его облику.

- Одно слово, капитан, - проговорил он дрожащим голосом. - Одно только слово...

- Минутку, - сказал Горбовский.

Он подошел к Пиште и обнял его за плечи.

- Места хватит всем, - говорил Пишта. - Пусть это вас не беспокоит...

- Станислав, - сказал Горбовский, - распорядись грузить оставшихся.

- Там нет мест, - очень непоследовательно возразил Пишта. - Мы ждали тебя. Хорошо бы очистить резервную Д-камеру.

- На "Таризле" нет резервных Д-камер. Но место сейчас будет. Распоряжайся.

Горбовский остался лицом к лицу со старшеклассниками.

- Мы не хотим лететь, - сообщил один из них, белобрысый рослый парнишка с яркими зелеными глазами. - Лететь должны воспитатели.

- Правильно! - сказала маленькая девушка в спортивных брюках. Позади голос Перси Диксона крикнул:

- Бросайте! Прямо на землю!

Из люка посыпались звонкие пластины блок-схем. Конвейер заработал.

- Вот что, мальчики и девочки, - сказал Горбовский. - Во-первых, у вас еще нет права голоса, потому что вы еще не кончили школу. И во-вторых, нужно иметь совесть. Правда, вы еще молоды и рветесь на геройские подвиги, но дело-то в том, что здесь вы не нужны, а в корабле нужны. Мне страшно подумать, что там будет в инерционном полете. Нужно по два старших на каждую каюту к дошкольникам, по крайней мере три ловкие девочки для яслей и помогать женщинам с новорожденными. Короче говоря, вот где от вас требуется подвиг.

- Простите, капитан, - насмешливо сказал зеленоглазый, - но все эти обязанности прекрасно могут выполнить воспитательницы.

- Простите, юноша, - сказал Горбовский, - я полагаю, вам известны права капитана. Как капитан, я вам обещаю, что из воспитателей полетят только два человека. А главное - напрягитесь и попробуйте представить себе, как будут дальше жить ваши воспитатели, если они займут ваши места на корабле. Игры кончились, мальчики и девочки, перед вами жизнь, какой она бывает иногда, к счастью, редко. А теперь простите, я занят. В утешение могу сказать вам только одно: в корабль вы войдете последними. Все!

Он повернулся к ним спиной и с размаху наткнулся на молодого человека с тоскливыми глазами.

- Ох, простите, - сказал Горбовский. - Совсем забыл про вас.

- Вы сказали, полетят два воспитателя, - ошипшим голосом сказал молодой человек. - Кто?

- Кто вы такой? - спросил Горбовский.

- Я Роберт Скляр. Я физик-нулевик. Но речь не обо мне. Я вам сейчас все расскажу. Но сначала скажите, кто из воспитателей летит?

- Скляр... Скляр... Удивительно знакомое имя. Где я о нем слышал?

- Камилл, - сказал Скляр, принужденно улыбаясь.

- А, - сказал Горбовский. - Так вас интересует, кто летит? - он оглядел Скляра. - Хорошо, я вам скажу. Только вам. Летит заведующий и летит главный врач. Они еще этого не знают.

- Нет, - сказал Скляр, хватая Горбовского за руки. - Еще один...

Еще одну. Турчина Татьяна. Она воспитатель. Ее очень любят. Она опытный воспитатель...

Горбовский освободил руки.

- Нельзя, - сказал он. - Нельзя, милый Роберт! Летят только дети и матери с новорожденными, понимаете? Только дети и матери с грудными младенцами.

- Она тоже! - сейчас же сказал Скляр. - Она тоже мать! У нее будет ребенок... мой ребенок! Спросите у нее... Она тоже мать!

Горбовского сильно толкнули в плечо. Он пошатнулся и увидел, как Скляр испуганно пятится, отступая, а него молча идет маленькая тонкая женщина, удивительно изящная и стройная, с сильной сединой в золотых волосах и прекрасным, но словно окаменевшим лицом. Горбовский провел ладонью по лбу и вернулся к трапу.

Теперь здесь оставались только старшеклассники и воспитатели. Остальные взрослые - отцы и матери, и те, кто принес сюда свои творения, и те, кто, видимо, в смутной, неосознанной надежде тянулся к звездолету, медленно пятились, расступаясь и разбиваясь на группы. В люке, расставив руки, стоял Станислав Пишта и кричал:

- Потеснитесь чуть-чуть, ребята! Майкл, крикни в рубку, чтобы потеснились! Еще немного!

Ему отвечали серьезные детские голоса:

- Некуда больше! Все очень плотно стоят!

И густой голос Перси Диксона прогудел:

- Как так некуда? А вот сюда за пульт? Не бойся, маленькая, током не ударит, проходи, проходи... И ты тоже... И ты, курносый... Больше жизни! И ты... Так... так...

И холодный, звякающий, как железо, голос Валькенштейна приговаривал:

- Потеснитесь, ребята... дайте пройти... подвинься, девочка... пропусти, мальчик...

Пишта посторонился, и рядом с ним появился Валькенштейн с курткой через плечо.

- Я остаюсь на Радуге, - сказал он. - Вы уж без меня, Леонид Андреевич. Глаза его шарили по толпе, отыскивая кого-то.

Горбовский кивнул.

- Врач на борту? - спросил он.

- Да, - ответил Марк. - Из взрослых там только врач и Диксон.

Из люка вдруг раздался смех.

- Эх вы! - с натугой говорил голос Диксона. - Вот как надо...

Раз-два... Раз-два...

В люке появился Диксон. Он появился над головой Пишты, перевернутое лицо его было потным и ярко-малиновым.

- Держите меня, Леонид, - прошипел он. - Я сейчас свалюсь.

Ребята хохотали. Это было действительно очень смешно: толстый бортинженер, как муха, висел на потолке, цепляясь руками и ногами за карабины для крепления груза. Он был тяжел и горяч; и когда Пишта с Горбовским вытянули его наружу и поставили на ноги, он сказал, тяжело дыша:

- Стар. Стар уже...

Виновато моргая, он поглядел на Горбовского.

- Не могу я там, Леонид. Тесно, душно, жарко... Костюм этот несчастный... Я остаюсь здесь, а вы уж с Марком летите. Да и надоели вы мне, по правде сказать.

- Прощайте, Перси, - сказал Горбовский.

- Прощай, дружок, - сказал Диксон растроганно.

Горбовский засмеялся и похлопал его по позументам.

- Ну что ж, Станислав, - сказал он. - Придется тебе обойтись без бортинженера. Думаю, обойдешься. Твоя задача: выйти на орбиту экваториального спутника и ждать "Стрелу". Остальное сделает командир "Стрелы".

Несколько секунд Пишта ошарашенно молчал.

Потом он понял.

- Ты что это, а? - очень тихо сказал он, шаря взглядом по лицу Горбовского. - Ты что это? Ты Десантник! Что это за жесты?

- Жесты? - сказал Горбовский. - Я не умею. А ты иди. Ты за всех них отвечаешь до конца. - Он повернулся к старшеклассникам: - Марш на борт! - крикнул он. - Иди вперед, а то не протиснешься, - сказал он Пиште.

Пишта посмотрел на понурых старшеклассников, медленно бредущих к трапу, посмотрел на люк, из которого высывались лица детей, неловко клюнул Горбовского в щеку, кивнул Марку и Диксону и, поднявшись на цыпочки, взялся за карабины. Горбовский подтолкнул его. Старшеклассники один за другим с нарочитой важностью и неторопливостью начали протискиваться внутрь, мужественно покрикивая: "А ну, шевелись! Подбери губы, наступят! Кто это там ревет? Головы выше!" Последней вошла та самая девочка в спортивных брюках. На секунду она остановилась и с надеждой оглянулась на Горбовского, но он сделал каменное лицо.

- Некуда ведь, - сказала она тихонько. - Видите? Я не помещаюсь.

- Ты похудеешь, - пообещал Горбовский и, взяв ее за плечи, осторожно втиснул в толпу. Потом он спросил Диксона: - А где кино?

- Все рассчитано, - важно ответил Перси. - Кино начнется в момент старта. Дети любят сюрпризы.

- Пишта! - крикнул Горбовский. - Готов?

- Готов! - гулко откликнулся Пишта.

- Стартуй, Пишта! Спокойной плазмы! Закрывай люки! Мальчики и девочки, спокойной плазмы!

Тяжелая плита люка бесшумно выдвинулась из паза в обшивке. Горбовский, прощально махая рукой, отступил от комингса. Вдруг он вспомнил.

- Ай! - закричал он. - А письмо?

В нагрудном кармане письма не было, в боковом тоже. Люк закрывался. Письмо почему-то оказалось во внутреннем кармане. Горбовский сунул его девочке в спортивные брюки и поспешно отдернул руку. Люк закрылся. Горбовский, сам не зная зачем, погладил голубоватый металл, ни на кого не глядя, спустился на землю, и Диксон с Марком оттащили трап. Вокруг корабля осталось совсем мало народу, зато над кораблем в небе кружились десятки вертолетов и флаеров.

Горбовский обогнул груды материальных ценностей, споткнулся о какой-то буст и пошел вокруг корабля к пассажирскому люку, где его должна была ждать Женя Вязаницына. Хоть бы Матвей прилетел, с тоской подумал он. Он чувствовал себя выжатым и высушенным и очень обрадовался, когда увидел Матвея. Матвей шел ему навстречу. Но он был один.

- А где Женя? - спросил Горбовский.

Матвей остановился и оглянулся по сторонам. Жени нигде не было.

- Она была здесь, - сказал он. - Я говорил с ней по радиотелефону. Что, люки уже закрыли? - Он все оглядывался.

- Да, сейчас старт, - сказал Горбовский. Он тоже озирался. Может быть, она на вертолете, подумал он. Но он знал, что это невозможно.

- Странно, что нет Жени, - проговорил Матвей.
- Возможно, она на вертолете, - сказал Горбовский. Он вдруг понял, где она. Ай да она, подумал он.
- Алешку так и не увидел, - сказал Матвей.
Странный широкий звук, похожий на судорожный вздох, пронесся над космодромом. Огромная голубая громада корабля бесшумно оторвалась от земли и медленно пошла вверх. Первый раз в жизни вижу старт своего корабля, подумал Горбовский. Матвей все провожал корабль глазами - и вдруг как ужаленный повернулся к Горбовскому и с изумлением уставился на него.
- Постой... - пробормотал он. - Как же это так?.. Почему ты здесь? А как же корабль?
- Там Пишта, - сказал Горбовский.
Глаза Матвея остановились.
- Вот она, - прошептал он.
Горбовский обернулся. Над горизонтом ослепительно сияла блестящая ровная полоса.

10

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Диксон затормозил и выжидательно посмотрел на него.
- Я пойду пешком, - сказал Горбовский.
Он вылез. Сейчас же вслед за ним вылез Марк и, протянув руку, помог выйти Але Постышевой. Всю дорогу от космодрома эта пара молчала на заднем сиденье. Они крепко, по-детски, держались за руки, и Аля, закрыв глаза, прижималась лицом к плечу Марка.
- Пойдемте с нами, Перси, - сказал Горбовский. - Будем собирать цветочки, и уже не жарко. И это очень полезно для вашего сердца.
Диксон покачал косматой головой.
- Нет, Леонид, - сказал он. - Давайте лучше попрощаемся. Я поеду.
Солнце висело над самым горизонтом. Было прохладно. Солнце светило словно в коридор с черными стенами: обе Волны - северная и южная - уже высоко поднялись над горизонтом.
- Вот по этому коридору, - сказал Диксон. - Куда глаза глядят. Прощайте, Леонид, прощай, Марк. И ты, девочка, прощай. Идите... Но сначала я попытаюсь последний раз предугадать ваши поступки. Сейчас это особенно просто.
- Да, это просто, - сказал Марк. - Прощайте, Перси. Пошли, малыш.
Коротко улыбнувшись, он взглянул на Горбовского, обнял Алю за плечи, и они пошли в степь. Горбовский и Диксон смотрели им вслед.
- Немножко поздно, - сказал Диксон.
- Да, - согласился Горбовский. - И все-таки я завидую.
- Вы любите завидовать. Вы всегда так аппетитно завидуете, Леонид. Я вот тоже завидую. Завидую, что кто-то будет думать о нем в его последние минуты, а обо мне... да и о вас тоже, Леонид, никто.
- Хотите, я буду думать о вас? - спросил серьезно Горбовский.
- Нет, не стоит. - Диксон, прищурясь, посмотрел на низкое солнце. - Да, - сказал он. - На этот раз нам, кажется, не выбраться. Прощайте, Леонид!

Он кивнул и уехал, а Горбовский неспешно зашагал по шоссе рядом с другими людьми, так же неторопливо бредущими в город. Ему было очень легко и покойно впервые за этот сумбурный, напряженный и страшный день. Больше не надо было ни о ком заботиться, не надо было принимать решений, все вокруг были самостоятельны, и он тоже стал совершенно самостоятельным. Таким самостоятельным он еще не был никогда в жизни.

Вечер был красив, и если бы не черные стены справа и слева, медленно растущие в синее небо, он был бы просто прекрасен: тихий, прозрачный, в меру прохладный, пронизанный косыми розовыми лучами солнца. Людей на шоссе оставалось все меньше; многие ушли в степь, как Валькенштейн с Алей, другие остались прямо у обочин.

В городе вдоль главной улицы многоцветными пятнами красовались картины, выставленные художниками в последний раз, - у деревьев, у стен домов, на волноводах поперек дороги, на столбах энергопередач. Перед

картинами стояли люди, вспоминали, тихо радовались, кто-то - неугомонный - затеял спор, а миловидная худенькая женщина горько плакала, повторяя громко: "Обидно... Как обидно!" Горбовский подумал, что где-то видел ее, но так и не мог вспомнить - где.

Слышалась незнакомая музыка: в открытом кафе рядом со зданием Совета маленький, хилый человек с необычайной страстью и темпераментом играл на концертной хориоле, и люди за столиками слушали его, не шевелясь; и еще много людей сидели и слушали на ступеньках и прямо на газонах перед кафе, а к хориоле был прислонен большой лист картона, на котором кривоватыми буквами было написано: "Далекая Радуга". Песня. Не оконч."

Вокруг шахты было много народу, и все были заняты. Матово поблескивал огромный, еще недостроенный купол входного кессона. Из здания театра тянулась цепочка нуль-физиков, тащивших папки, свертки, груды коробок. Горбовский сразу подумал о папке, которую ему передал Маляев. Он попытался вспомнить, куда дел ее. Кажется, оставил в рубке. Или в тамбуре? Не надо вспоминать. Неважно. Следует быть совершенно беззаботным. Странно, неужели физики еще надеются? Правда, всегда можно надеяться на чудо. Но забавно, что на чудо теперь надеются самые скептические и логические люди планеты.

У стены Совета, возле подъезда сидел, вытянув ноги, человек в изодранном пилотском комбинезоне, слепой, с забинтованным лицом. На коленях у него лежало блестящее никелированное банджо. Запрокинув голову, слепой слушал песню "Далекая Радуга".

Из-за купола появился лжештурман Ганс с огромным тюком на плече. Увидев Горбовского, он заулыбался и сказал на ходу: "А, капитан! Как ваши ульмотроны? Достали? А мы вот архивы хороним. Очень утомительно. День какой-то сумасшедший..." Кажется, это был единственный человек на Радуге, который так и не узнал, что Горбовский настоящий капитан "Тариэля".

Из окна Совета Горбовского окликнул Матвей.

- "Тариэль" уже на орбите! - крикнул он. - Сейчас прощались. Там все в порядке.

- Спускайся, - предложил Горбовский. - Пойдем вместе.

Матвей покачал головой.

- Нет, дружище, - сказал он. - У меня масса дел, а времени мало... -

Он помолчал, затем добавил растерянно: - Женя нашлась, ты знаешь где?

- Догадываюсь, - сказал Горбовский.

- Зачем ты это сделал? - сказал Матвей.

- Честное слово, я ничего не делал, - сказал Горбовский.

Матвей укоризненно покачал головой и скрылся в глубине комнаты, а Горбовский пошел дальше.

Он вышел на берег моря, на прекрасный желтый пляж с пестрыми тентами и удобными шезлонгами, с катерами и лодками, выстроившимися у невысокого причала. Он опустился в один из шезлонгов, с удовольствием вытянул ноги, сложил руки на животе и стал смотреть на запад, на багровое закатное солнце. Слева и справа нависали бархатно-черные стены, он старался не замечать их.

Сейчас я должен был бы стартовать к Лаланде, думал он сквозь дремоту. Мы сидели бы втроем в рубке, и я рассказывал бы им, какая славная планета Радуга, и как я исколесил ее всю за день. Перси Диксон помалкивал бы, накручивая бороду на пальцы, а Марк бы брюзжал, что старо, скучно и везде одинаково. А завтра в это время мы бы вышли из деритринитации...

Мимо него прошла, опустив голову, та прекрасная девушка с сединой в золотых волосах, которая так вовремя прервала его неприятный разговор со Скляровым на космодроме. Она шла по самой кромке воды, и лицо ее уже не казалось каменным, оно было просто бесконечно усталым. Шагах в пятидесяти она остановилась, постояла, глядя в море, и села на песок, уткнулась подбородком в колени. Сейчас же над ухом Горбовского кто-то тяжело вздохнул, и, скосив глаз, Горбовский увидел Склярова. Скляров тоже смотрел на девушку.

- Все бессмысленно, - сказал он негромко. - Скучно жил, ненужно! И все самое плохое прибереглось на последний день...

- Голубчик, - сказал Горбовский. - А что может быть хорошего в последнем дне?

- Вы еще не знаете...

- Знаю, - сказал Горбовский. - Все знаю...

- Не можете вы всего знать... Я же слышу, как вы со мной

разговариваете.

- Как?

- Как с обыкновенным человеком. А я трус и преступник.

- Ну, Роберт, - сказал Горбовский. - Ну какой вы трус и преступник?

- Я трус и преступник, - упрямо повторил Роберт. - Я даже, наверное, хуже, потому что считаю, что все делал правильно.

- Трусов и преступников не бывает, - сказал Горбовский. - Я скорее поверю в человека, который способен воскреснуть, чем в человека, который способен совершить преступление.

- Не надо меня утешать. Я же говорю, что вы не знаете всего.

Горбовский лениво повернул к нему голову. - Роберт, - сказал он, - не тратьте вы зря время. Идите вы к ней. Сядьте рядом... Мне очень удобно лежать, но если хотите, я помогу вам...

- Все получается не так, как хочется, - тоскливо сказал Роберт. - Я был уверен, что спасу ее. Мне казалось, что я готов на все. Но оказалось, что на все я не готов... Пойду, - сказал вдруг он.

Горбовский следил за ним, как он шагает - сначала широко и уверенно, а потом все медленнее и медленнее, как он все-таки подошел к ней, и сел рядом, и она не отодвинулась.

Некоторое время Горбовский смотрел на них, стараясь разобраться, завидует он или нет, а потом задремал по-настоящему. Его разбудило прикосновение чего-то холодного. Он приоткрыл один глаз и увидел Камилла, его вечный нелепый шлем, его вечно постное и угрюмое лицо и круглые немигающие глаза.

- Я знал, что вы здесь, Леонид, - сообщил Камилл. - Я искал вас.

- Здравствуйте, Камилл, - пробормотал Горбовский. - Наверное, это очень скучно - все знать...

Камилл подтащил шезлонг и сел рядом в позе человека с переломленным позвоночником.

- Есть вещи поскучнее, - сказал он. - Мне все надоело. Это была огромная ошибка.

- Как дела на том свете? - спросил Горбовский.

- Там темно, - сказал Камилл. Он помолчал. - Сегодня я умирал и воскресал трижды. Каждый раз было очень больно.

- Трижды, - повторил Горбовский. - Рекорд. - Он посмотрел на Камилла.

- Камилл, скажите мне правду. Я никак не могу понять. Вы человек? Не стесняйтесь. Я уже никому не успею рассказать. Камилл подумал.

- Не знаю, - сказал он. - Я последний из Чертовой Дюжины. Опыт не удался, Леонид. Вместо состояния "хочешь, но не можешь" состояние "можешь, но не хочешь". Это невыносимо тоскливо - мочь и не хотеть.

Горбовский слушал, закрыв глаза.

- Да, я понимаю, - проговорил он. - Мочь и не хотеть - это от машины.

А тоскливо - это от человека.

- Вы ничего не понимаете, - сказал Камилл. - Вы любите мечтать иногда о мудрости патриархов, у которых нет ни желаний, ни чувств, ни даже ощущений. Бесплотный разум. Мозг-дальтоник. Великий Логик. Логические методы требуют абсолютной сосредоточенности. Для того чтобы что-нибудь сделать в науке, приходится днем и ночью думать об одном и том же, читать об одном и том же, говорить об одном и том же... А куда уйдешь от своей психической призмы? От врожденной способности чувствовать... Ведь нужно любить, нужно читать о любви, нужны зеленые холмы, музыка, картины, неудовлетворенность, страх, зависть... Вы пытаетесь ограничить себя - и теряете огромный кусок счастья. И вы прекрасно сознаете, что вы его теряете. И тогда, чтобы вытравить в себе это сознание и прекратить мучительную раздвоенность, вы оскотачиваете себя. Вы отрываете от себя всю эмоциональную половину человеческого и оставляете только одну реакцию на окружающий мир - сомнение. "Подвергай сомнению!" - Камилл помолчал. - И тогда вас ожидает одиночество. - Со страшной тоской он глядел на вечернее море, на холодеющий пляж, на пустые шезлонги, отбрасывающие странную тройную тень. - Одиночество... - повторил он. - Вы всегда уходили от меня, люди. Я всегда был лишним, назойливым и непонятным чудаком. И сейчас вы тоже уйдете. А я останусь один. Сегодня ночью я воскресну в четвертый раз, один, на мертвой планете, заваленной пеплом и снегом...

Вдруг на пляже стало шумно. Увязая в песке, к морю спускались испытатели - восемь испытателей, восемь несостоявшихся нуль-перелетчиков.

Семеро несли на плечах восьмого, слепого, с лицом, обмотанным бинтами. Слепой, закинув голову, играл на банджо, и все пели:

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
 Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
 И продолжала путь...

Они, не оглядываясь, вошли с песней в море по пояс, по грудь, а затем поплыли вслед за заходящим солнцем, держа на спинах слепого товарища. Справа от них была черная, почти до зенита, стена, и слева была черная, почти до зенита, стена, и оставалась только узкая темно-синяя прорезь неба, да красное солнце, да дорожка расплавленного золота, по которой они плыли, и скоро их совсем не стало видно в дрожащих бликах, и только слышался звон банджо и песня:

...Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
 И продолжала путь...